

Владимир Владыкин

*Трущениые
по миру*

*Роман в двух книгах.
Хроника народной
жизни (1905—1934)*

Владимир Владыкин

Пущенные по миру

«Издательские решения»

Владыкин В. А.

Пущенные по миру / В. А. Владыкин — «Издательские решения»,

Исторический роман В. А. Владыкина «Пущенные по миру» в двух книгах: в первой — «Разорённые» — о трагических последствиях коллективизации в 20—30-е годы прошлого века. Во второй — «В чужом краю» — автор показывает голод и борьбу за выживание. И как партийные и советские чиновники ради карьеры шли на предательство и подлость, как беженцы от голода и репрессий в голой степи строили посёлок. Произведение основано на реальных событиях и написано народным языком в лучших реалистических традициях.

© Владыкин В. А.

© Издательские решения

Содержание

Книга первая	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	57
Глава 10	64
Глава 11	72
Глава 12	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Пущенные по миру

Роман в двух книгах. Хроника народной жизни (1917—1934)

Владимир Владыкин

© Владимир Владыкин, 2016

© Андрей Филиппович Сазонов, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О романе В. А. Владыкина «Пущенные по миру»

Владимир Владыкин написал очень нужный на сегодняшний день роман, хотя действие его развивается в 20—30-е годы прошлого века. Нужный как познавательный. Он адресован прежде всего тем людям, которых живо интересует история своей страны и которые хотят понять причины перестройки общественного строя в СССР и России. Причин было множество, речь не о них. Автор романа рассказывает об истоках наших бед, когда партийные функционеры-большевики были озабочены не улучшением жизни народа, не подъёмом экономики, а поиском врагов народа. В немалой степени это коснулось крестьян. Сразу после революции им дали землю. Вроде бы осуществилась их вековая мечта – теперь трудись на себя, плати государству налоги и живи припеваючи.

Но большевикам такое положение дел оказалось не по нутру. «Индивидуализму – нет!» И Сталин задумал коллективизацию как «процесс добровольного объединения мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные кооперативные социалистические хозяйства». Такова была «программная установка аграрной политики компартии в социалистическом преобразовании советской деревни», которое привело к тому, что русская деревня оказалась за чертой поступательного развития и нынче стоит на грани вымирания. Школьникам и студентам вдалбливали в сознание, что с 1929 года началось массовое добровольное вступление крестьян в колхозы, что к 1936 году полностью сложился колхозный строй, что сформировался новый класс – колхозное крестьянство. Коллективизация, утверждали тогдашние учебники, проходила в острой классовой борьбе основной массы крестьян с кулачеством...

Обо всём этом – роман Владимира Владыкина, но с точностью до наоборот. Автор пишет о том, что крестьян сгоняли в колхозы по принуждению, отбирали землю и скот, а тех, кто не хотел вступать в колхоз, облагали непосильными налогами, объявляли врагами народа и все движимое и недвижимое имущество конфисковывали в пользу советов, а хозяев ссылали на Соловки...

Роман «Пущенные по миру» отвечает всем основным требованиям литературоведения. Он отражает сложный жизненный процесс. В нём много действующих лиц, судьбы и интересы которых сталкиваются и переплетаются. Характеры людей освещаются в разных проявлениях их жизни.

Чтобы почувствовать вкус романа, приведу небольшой отрывок из беседы секретаря райкома с сотрудником госбезопасности, которого он направил в колхоз шпионить за людьми и набирать на них компромат.

«Значит, меня ругали на чём свет стоит, что я им не создал райских условий проживания? Вот чего захотели, дармоеды! А кто их спас от голода? Неблагодарные! Ленин народ избаловал своими посулами справедливой жизни. А её народу сразу давать нельзя. Ибо совсем перестанут власть уважать. То сейчас они от нас без конца что-то ждут, на что-то надеются, а когда наступит изобилие, что тогда от нас останется? Да то

самое – народ от нас отречётся. Вот поэтому надлежит держать его в чёрном теле, рано ещё отказываться от крутых мер...».

Роман В. Владыкина – живой и яркий отклик на события времён коллективизации и раскулачивания. Автор смело вводит в своё произведение животрепещущие темы любви и ненависти, выразительные образы разных партийных и советских руководителей, активистов колхозного движения и его противников. Язык и стиль романа на уровне требований художественной литературы, благодаря чему роман легко читается, уводит читателя в те далекие годы и события, негативные отголоски которых мы переживаем до сих пор. В этом большая познавательная роль романа «Пущенные по миру», он должен увидеть свет. Его должны прочесть учителя и школьники, руководители и воспитатели...

Заслуженный работник культуры РФ Н. А. Денисова

Книга первая

Разорённые

*Светлой памяти
дедушки Петра Тимофеевича
и бабушки Марии Власьевны*

Глава 1

Старый южный город Новочеркасск почти в любую погоду хорошо виден издалека, особенно когда подъезжаешь к нему на поезде с северной стороны. Со дня основания он стоит на огромном высоком холме, прозванном издавна в народе Бирючьим Кутом; его омывают две реки: на юге-востоке Аксай, на севере Тузлов. И как раз от подножия города, где эта река, словно в гордом порыве, стальной дугой сворачивает в безбрежную даль займища, в этом самом месте на трёх бетонных опорах через реку переброшен железнодорожный мост, по которому днём и ночью громяют пассажирские поезда и товарные составы. Сразу за обоими неширокими притоками Дона в необъятную даль разбегается займище и уходит за дымчатый горизонт и сливается с сизым небом.

Ещё в незапамятные времена через Тузлов навели деревянный мост, минуя который дорога, мощённая булыжником, поднималась в гору к Триумфальным воротам, возведённым ещё в 1817 году в честь победы над Наполеоном и приезда императора Александра первого. И вот уже не один десяток лет этот мост, который не раз перестраивался, связывал старый город с новостройками, которые развернулись на просторном займище, где в 1932 году началось строительство паровозостроительного завода. Современные микрорайоны Соцгород и Октябрьский в те годы только начинали своё летоисчисление с земляночных поселений, и только после Великой Отечественной войны с 1945 года одновременно с другими заводами и предприятиями там вставали жилые кварталы как из частных домов, так и многоэтажек. Второй (большей частью сельский) намеревался шагнуть чуть ли не под самую станицу Персиановскую. Впоследствии молодой промышленный район всё больше разрастался, продолжая занимать свободные земли...

Но вернёмся к 1934 году, когда насильственная коллективизация деревни была почти завершена, а в городе был прочно взят курс на индустриализацию, о нэпе в старом казачьем городе уже мало что напоминало. К тому же вскоре по стране смерчем пронёсся голод, унесший за два года миллионы людей. Но о том, что в этом была повинна недалёковидная политика большевиков, вслух остерегались высказываться. Однако и без слов было ясно, что некогда оживлённые рынки – Азовский и Сенной – почти пустовали, на продукты обменивались дорогие вещи. А в булочных если хлеб и появлялся, то не всегда был в свободной продаже, так как им приторговывали из-под полы по спекулятивным ценам. И несмотря на перебои с продовольствием, которого катастрофически не хватало, жизнь ни на минуту не замирала, люди во что бы то ни стало стремились выжить, одолеть нужду...

В старой части города сносились отжившие свой век полуподвальные и кособокие казачьи курени, а на их месте вырастали многоэтажные дома, при которых открывались продовольственные и промышленные магазины. По булыжным мостовым центральных улиц то шли пешком, то ехали на бричках, запряжённых лошадьми, или на первых отечественных грузовиках горожане и приезжие. Коренное население, в основном состоявшее из казачества, с горечью вспоминало годы нэпа, остатки которого ещё можно было встретить: частный ларёк, тор-

говавший вином и папиросами, а то и частную сапожную мастерскую как знак проявления либерализма местными властями. Впрочем, со временем к рукам прибрали и эти точки, которые преобразовали в государственные...

* * *

В северо-западной части города Новочеркаска, на перекрёстке двух покатых улиц, на высоком фундаменте из красно-бурого кирпича стоял большой двухэтажный дом. На первом этаже располагалось правление колхоза «Новая жизнь», который три года назад организовал сельский райком партии, относившийся в те времена к городу. Правление занимало всего две комнаты, а в остальных шести жили семьи вербованных из других областей. Второй этаж был уже полностью заселён новоприезжими. Последнюю квартиру недавно заняла многодетная семья Зябликовых, прибывшая из Калужской области.

Фёдор Савельевич, почти сорокалетний мужик среднего роста, коренастый и светлорусый, солнечным мартовским днём попутным грузовиком привёз с вокзала на новое место жительства свою семидесятилетнюю больную мать Ефросинью, тридцатитрёхлетнюю жену Екатерину и своих четверых детей. Первенцем была единственная дочь Нина, которой шёл десятый год. Из троих её братьев старший – семилетний Денис, младшие Боря и Витя были погодками; в начале зимы меньшему сыну пошёл шестой годочек.

В этот же день, по приезде, когда доставили остаток своего небогатого скарба и внесли в квартиру на второй этаж, Фёдор Савельевич почти с ходу, даже не став перекуривать, собрался идти в правление колхоза. Однако Екатерина, глядя на мужа измученными, усталыми глазами, таившими тревогу, мягко его остановила:

– Федя, а может, пока обустроимся, и тогда сходишь?

– Катя, а что мы будем есть? У нас-то с дороги осталось почти ничего. Нет, ты уж меня не неволь, схожу разузнаю, где получать нам обещанные продукты и что предстоит дальше делать? Ты бы лучше позвала себе в помощь мать...

На реплику мужа Екатерина лишь в согласие слабо кивнула и отвернулась с отсутствующим взглядом; она понимала, что сейчас перечить ему было бесполезно, но в глазах всё-таки выражалась её всегдашняя обида на то, что Фёдор часто поступал ей наперекор. И от сознания, что он далеко не всегда прислушивался к её мнению, как-то нехотя подошла к багажу и не спеша принялась за разборку узлов с вещами. По мере того как она этим занималась, к ней пришло понимание: зачем обижаться на него, муж рассудил вполне здраво, ведь действительно у них совсем мало осталось привезенных с собой продуктов, которые перед отъездом им понемногу принесли родственники и соседи... А какой помощник из больного, старого человека, она уж как-нибудь сама справится, без свекрови...

* * *

...Из правления колхоза Фёдор вышел на просторный двор, который золотистым дымчатым светом заливало яркое ранневесеннее солнце. Под самым дощатым забором размещались хозяйственные надворные постройки: конюшня, два коровника, для чего даже была отведена и огорожена часть улицы, в основном, правда, под хранение кормов: как раз на том месте возвышались стожки сена и соломы. Посреди двора стояла бричка с высокими бортами, выпряженная из нее пара гнедых лошадей выщипывала накиданное для нее душистое сенцо. И по всему двору, вперемешку с конским потом и навозом, пахло санным духом, а от лошадиной упряжи исходил крепкий аромат сыромятной кожи. Эти знакомые до боли запахи напомнили оставленный родной дом и оттого невольно заставили тоскливо сжаться сердце Фёдора. Он задумчиво вздохнул и затем чуть обернулся назад, увидел свою мать, сидевшую на лавочке

около дома; вот так, бывало, на родине она сидела перед избой, смотрела на сельскую вечерявшую улицу и наблюдала за игравшими тут же внуками.

Ефросинья блёклыми подслеповатыми глазами, в которых с недавнего времени появилась какая-то застывшая пугающая пустота, совершенно не шевелилась и, не замечая присутствия сына, смотрела куда-то вглубь двора. Правда, когда её уже подслеповатый взгляд ловил хрупающих сеном лошадей, позванивающих блестящими удилами, в её мутно-серых глазах вспыхивал слабый огонёк жизни. От щедрого солнечного света и тепла Ефросинья немного разомлела; сейчас ей было как никогда хорошо, а всё-таки по-прежнему из души не уходило унылое, безрадостное настроение, порожденное этим переездом из родного края лесов и лугов в такую необъятную степную даль...

На мать Фёдор смотрел всего минуты две; её донельзя жалкий вид вызывал у него вполне понятное сочувствие. Однако сейчас этим он не хотел беречь свою душу и, вздохнув, бодро подумал, что скоро должна здесь матушка привыкнуть и среди приезжего, как и они, люда их жизнь пойдёт хоть и не совсем привычным чередом, но зато они не пропадут от голода...

Но разве мог он знать, что и жена Екатерина в чужих стенах тоже стала испытывать непреходящее чувство уныния и тоски. Ещё не успел Фёдор скрыться за дверью, как она почувствовала жуткое одиночество, она уже не могла стоять и, будто от старческой немочи, опустилась на голую сетку кровати, глаза чувствительно повлажнели. Ей казалось, что точно такие же чувства посещают в тюремной камере заключённого. Подумав невольно об этом, она вдруг вспомнила брата Егора: ни родные, ни деревенские не знали, куда его увезли, и где он теперь – попробуй догадайся. Письма от него не приходили, неужели он там, в глухой стороне, безвестно канул, и от сознания этого на душе вновь, как и тогда, на родине, становилось тяжело, а тут им самим пришлось уехать. Вот и выходило, что для них для всех наступило страшное время, жизнь беспощадно раскидала их по свету! Но зачем так убиваться, ведь от сознания безысходности можно и рассудка лишиться.

Прочь, прочь надо гнать эти мрачные мысли! Они уже серьёзно подорвали её и без того уходящие силы, а ведь необходимо налаживать их новое житьё-бытьё. Она сидела на совершенно голой сетке железной кровати, а дети, несмотря ни на что, довольно шумно носились в другой комнате. Их неустанное веселье её радовало и невольно возвращало силы...

Наконец, преодолевая неожиданно нахлынувшую тоску, Екатерина встала, суетливо начала водить карими глазами по всему багажу: с какого же узла или сундука приступить к разбору вещей? А в голове между тем от постоянного недоедания стояло легкое кружение, и в ушах кровь звенела медными колокольчиками. И впрямь со скарбом, привезённым с собой, – всё, что оставалось от их прежней обстановки, – по сути, нечего делать и одной. И невольно вспомнила, как нелегко расставалась с комодом, гардеробом, деревянными кроватями, венскими стульями и круглым столом, с утратой которых до сих пор не могла смириться вовсе не от жадности. Ведь многие предметы как-никак ещё хранили память об отце и матери. Ох как тогда не хотела продавать родное имущество, как уговаривала мужа увезти всё с собой, но он ни в какую – разошёлся, растопался ногами, так что даже слушать её не стал. А когда муж приходил в раздражение, то лучше ему не перечить, и спокойно, благоразумно уступила, подчинилась Фёдору, понимая, что за багаж предстояло бы заплатить немалые деньги, тогда как они и без того берегли каждую копейку.

И ничего не оставалось, как зажать с душевным стоном рот и мысленно распрощаться с родной мебелью. Мужики выносили её из избы и грузили на свою телегу, чтобы потом новый хозяин увёз на своё подворье. А Екатерине почему-то казалось, что мебель молчаливо обижалась на своих прежних хозяев: дескать, не посчитались с ней, сколько лет служила верой и правдой, и вот продали в чужое пользование. От этих мыслей внутри всё обомлело, на душе делалось неутешно горько, навернулись непрошенные слёзы. Однако старалась никому не подать вида, что ей стало жалко свою мебель, будто живое существо...

И все дорожные переживания уже остались позади, лишь внесённые два сундука с вещами и утварью да узлы с постелями составляли всё их теперешнее имущество. Сначала Екатерина открыла большой сундук с металлической оковкой по углам, выпрямилась, берясь рукой за лоб, и стала раздумывать: с чего же начать разбор вещей? Ведь надо скорее обжить эти пустые комнаты: занавесочки повесить на окна, железные кровати застелить перинами, полы устлать рукодельными дорожками, вот и создастся кое-какой уют. А то от одних голых комнат жуть брала; и всюду пахло пылью, из углов тянуло прохладной сыростью.

Только детям всё было нипочём, забегали взад-вперёд из комнаты в комнату. Большой Дениска забрался на голую сетку кровати и давай сигать, звонко смеясь, подлетая вверх: «Мы здесь будем зыть, мы здесь будем зыть! И-и их!»

И Нина, будто никогда не видевшая белых оштукатуренных стен, глядела на них и в радостном восхищении бралась ладошками за щеки и потому не замечала материной печали. Меньшие, Боря и Витя, носились друг за другом. И вот стоило только Екатерине отвлечься от своих дум озорством детей, как тотчас же душевно расслабилась и тут же тоска отлегла, отпустила. Она воспрянула духом и торопливо, словно куда-то спешила, принялась разбирать сундук. Нине поручила развязывать узлы с постелями, и дочь охотно взялась помогать матери.

– Тем временем со двора приплелась, слегка пошатываясь, Ефросинья и слабо покачивала головой, туго повязанной тёплым платком, в изрядно потёртом старом зипуне, хотя на улице уже всюю было тепло.

Екатерина давно сняла пальто с цигейковым воротником и была в одной фланелевой кофточке. И все дети тоже скинули пальтишки и налегке с шумом носились по квартире.

– Ну, Катерина, приехали, значитца, к казачурам, – упавшим голосом обронила свекровь, опираясь задом на сундук и усаживаясь на нём удобней. – И увсе тут-ка будем жить? – скептическим тоном прибавила она и в глубокой задумчивости закивала головой, как будто всё ещё не верила свершившемуся факту.

– Да, мама, а где же ещё? – подтвердила с мягким удивлением невестка, продолжая выкладывать вещи из первого сундука,

– А где же Федюня? Чи уже куда-то убёг, шалопутный?

– Да в правление пошёл, матушка, – ответила та.

– Не сядится, – она сердито махнула рукой, прижала к губам сморщенный кулак, тяжело задумалась, как будто впав в забытье.

А дети всё продолжали свою беспечную, радостную беготню с неумолчным криком и гамом.

– Тише, шалопутные, и чего жа вы так разбегались?! – в досаде произнесла Ефросинья, обращая подслеповатый взор на внуков.

– И правда, хватит пыль поднимать, а ну-ка быстро за работу! – приказала не столь твёрдо Екатерина.

Между тем Дениска, спрыгнув с кровати, ухватился обеими руками за швейную машинку, однако поднять её с пола ему никак не удавалось. Тогда он собрался протащить её от самого прохода волоком.

– Господи, Дениска, надорвёшься! Лучше помоги Нине выложить из узла вещи на кровать, – сказала мать, а сама с пола подняла машинку и поставила на закрытый сундук. Эта машинка напоминала ей брата Егора. Настя, его жена, отдала её Екатерине после ареста мужа, а вторую не успела спрятать. Антип Бедин забрал вечером того же дня, почему-то по свету прийти не посмел... Однако вспоминать о пережитом было неприятно, потому что даже при взгляде на машинку становилось как-то не по себе – казалось, будто в своей металлической плоти она всё ещё хранила некую опасность, и вдобавок ей так и думалось, что от неё исходил неукротимый и деятельный дух брата...

Ефросинье, видно, надоело сидеть без дела, она уже тоже помаленьку возилась с вещами. А Екатерина живо принялась за разборку их добра из второго сундука, лишь бы отвлечься от назойливых горьких чувств, связанных с арестом брата. И только теперь она запоздало пожалела, что приняла от невестки эту машинку, и в то же время после без неё было довольно трудно обойтись. И как ни хотела вспоминать брата, пока возилась в сундуках, память настойчиво воскрешала одну картинку за другой из пережитого, былого...

Глава 2

Из сумрачных детских лет в сознание Екатерины особенно ярко врезалась вот такая горестная картина: морозное зимнее утро, деревенская тишина, из печных труб изб над крышами столбами валили пахучие дымы сгораемой в печи древесины; везде по улицам снега лежало – целые сугробы. И вот из их избы вдруг вырвался протяжный материн стон и вопль. Согнутая пополам, раньше времени состарившаяся от непосильной работы, она вышла, качаясь словно пьяная, упала на колени посреди двора на утоптаный снег. И натруженными руками хваталась то за раскрытую, без платка, голову, то за подол тёмной юбки, чем выражала беспредельное отчаяние и горе, которое свалилось на неё прошедшей ночью, когда в бане в пьяном виде угорел отец, спавший там частенько...

С улицы на крик матери, тяжело дыша парующими ртами, сбегались люди.

В тот год Кате исполнилось шесть лет, и, напрочь перепуганная нелепой смертью отца, она побоялась выйти из избы, лишь выглядывала в полузамершее окно на двор, где её братья – старший Егор и младший Епифан – с насупленными, угрюмыми лицами неловко топтались возле матери, а старшая сестра Нюта (но моложе братьев) пыталась успокоить её. Однако мать отталкивала дочь, словно та мешала ей исполнить какой-то языческий обряд по заклинанию злых духов, наславших на семью беду.

Катя хорошо помнила, когда братья окончили церковноприходскую школу, отец, Влас Епифанович Мартунин, послал сыновей в город в рабочие мастерские постигать слесарное ремесло. И они тоже что-то зарабатывали, и семье стало легче переносить нужду. Последние два года тятка регулярно уходил в город по найму, поскольку нищета уже совсем брала за горло.

Наступило тревожное и смутное время, в городах – стачки, забастовки. Отец говорил об этом с матерью почему-то шёпотом, а Катя ловила его слова и детским чутьем понимала: отцу очень страшно оттого, что нет работы и наступают повсеместно голодные времена. А мать неутешно мотала головой, ведь иные вечера проходили у них совсем без ужина. И Катя, хлебнув вдосталь лиха, видела, насколько тяжело приходилось родителям в добывании куска хлеба, и сама делая по дому любую работу, терпеливо ожидала лучших времён...

После трагической смерти отца прошло три года, Егор и Епифан заметно повзрослели, посерьёзтели и семейные тяготы полностью взвалили на себя, сестра Нюта к семнадцати годам была уже замужем и жила в соседнем селе Лисёнки.

Мать Мария Григорьевна продолжала батрачить у зажиточного мужика Горчихина, а Катя училась в школе соседнего села, поскольку отец хотел, чтобы и она тоже, как сестра и братья, выучилась грамоте. Там при школе она и жила, на первых порах сильно скучала по матери, сестре, братьям, вспоминала умершего отца и тужила о нём. Порой ей почему-то представлялось, что он уехал в дальние края, где живут хорошие люди, ничем не похожие на них. Бывало, Катя даже выходила на дорогу и упорно ждала, ждала, когда же отец появится из-за края земли? А потом она уставала жить в обманчивом ожидании и постепенно забывала о том времени, когда он был живым и заботился о семье, и отчего-то даже казалось, будто отец уже никогда не жил с ними...

Из школы домой на выходные и праздники привозили её по очереди то мать, то братья. Егор любил меньшую сестру, почти всякий раз давал ей вместо конфетки завалившийся в кармане кусочек сахара.

По дороге домой Катя больше молчала, а когда с матерью шла в родное село, то мать её мало расспрашивала, боясь, что дочь начнёт жаловаться на свою довольно скудную школьную жизнь. Впрочем, оно и так было видно. Поглядывая на худенькое тельце дочери, Мария Григорьевна с затаённой болью вздыхала. И как она только могла вбирать в себя ученье, ведь

от рождения была хилая и её слабое здоровье всегда вызывало тревогу. Однако, несмотря на все житейские невзгоды, Катя росла вполне терпеливая и выдержанная, стойко сносила голод и холод. В полной нужде кое-как доучилась в начальных классах, а потом стала на пару с матерью работать в поле на кулака (так тогда называли нарождавшихся сельских богатеев).

И всё-таки Мария Григорьевна не хотела, чтобы дочь вместе с ней батрачила. У матери была родная сестра, она жила в Москве. Однажды к ней и свезла на постой Катю, чтобы та помогла приискать племяннице приличное место горничной. В своё время она это же советовала старшей Нюте, но та, отучившись в школе, бегала на молодёжные посиделки и не хотела отрываться от своего суженого, который приходил в их село из Лисёнок. А вот Катя согласилась и вскоре была определена в богатую купеческую семью. Это суровое время как раз совпало с началом войны с германцем. Однажды Катя поехала навеститься к родным в село, а там шла мобилизация на войну мужиков и парней. Почти в каждом дворе раздавались вопли баб – уходили на фронт и братья Екатерины. Она уже было решила остаться с матерью, но Мария Григорьевна, взволнованная отказом дочери ехать в город, отговорила её: она как-нибудь сама проживёт, а ей, молодой, из-за неё нечего терять хорошее место.

У купца ей и впрямь очень нравилось. Ещё бы: она выучивалась хорошим, культурным манерам, приобщалась к затейливому сервированию стола, что было издавна заведено в семье купца. И сам хозяин с довольно пышной бородой, весьма добродушный на вид человек, относился к девушке покровительственно, как отец. Он подарил ей несколько приличных платьев, чтобы ходила в них перед его гостями, которым была обязана прислуживать. Таким образом познавала Катя жизнь в семье купца, доселе ей незнакомую, с твёрдо установленными порядками, где каждый день готовились разные кушанья, секреты которых открывались ей вновь и вновь по роду её занятий. Разумеется, для своей кухни купец обеспечивал поставку самых разнообразных продуктов, о существовании которых она раньше даже не подозревала. И это в то время, когда в сёлах и деревнях люди пухли от голода. За тот год, что она уже успела прослужить у купца, Катя, естественно, округлилась лицом, приобрела правильную, точёную фигуру. Короче говоря, расцвела так, что даже старый хозяин и тот невольно любовался ею то тайно, то открыто, чем сильно смущал девушку.

У него был сын-офицер, о котором всё время ждал с фронта вестей, просматривал нервно, с лихорадочным блеском глаз, газеты, которые в его руках, от нетерпения найти нужную фамилию, издавали громкое шелестение. И однажды после лёгкого ранения в руку, к радости родителей, тот приехал домой, правда всего на несколько суток. И, шумно разговаривая со своими, часто сладострастно поглядывал на Катю. Как-то поздним вечерком он довольно вежливо пригласил её в свою комнату. Она без стеснения вошла, он стал её угощать шоколадом и расспрашивать, откуда она родом. Но его барские уловки девушку насторожили, и она, боясь его обидеть, от природы тактичная, вежливо отказывалась от угощений. Он немало удивлялся, так как видел в ней простодушную и доверчивую деревенскую девушку и хотел провести её на своих обычных штучках барина: мол, расположит её к себе одним шоколадом. Однако просчитался – Катя выказала себя вполне самостоятельно мыслящей девушкой, напрасно он недооценивал её. Тогда решил покорить горничную более тонкими приёмами, перед которыми она могла не устоять: он стал читать ей стихи, включать патефон, но всякий раз Катю неизменно выручал всевидящий хозяин, который чинно входил к сыну-соблазнителю и со снисходительной усмешкой уводил того якобы для светской беседы. Видимо, отец боялся, как бы сын всерьёз не увлёкся умной хорошенькой горничной, которая по представлениям отца, конечно, была ему совершенно не пара...

Купец был богатый, владел какими-то торговыми рядами; когда скинули царя, он почему-то чрезвычайно обрадовался этому событию. Большой купеческий дом был по-прежнему распахнут для многочисленных гостей; за столом вели разговоры о войне, как долго она ещё может длиться, и что ей немедленно надо положить конец.

Но стоило только произойти Октябрьскому перевороту, как хозяин неожиданно забежался и все его домочадцы перестали обедать за общим столом. И как раньше гостей больше не принимали, вечера проходили довольно уныло и скучно. На прислугу уже никто не обращал внимания, а потом в купеческом доме настали сердитые дни сборов. Оказалось, купец свернул все свои доходные дела, капиталец сгрёб и решил бежать, пока цел, пока не наскочили советы со своей гибельной экспроприацией и уничтожением имущего класса. И вот прислуга купеческого дома была навсегда рассчитана и распущена...

* * *

После того как скинули царя, целыми и невредимыми вернулись с войны братья Екатерины, о чём она, какое-то время, ещё живя в Москве у тётки, ничего не ведала, застигнутая революцией как бы врасплох. Хотя о революции ходили самые разноречивые слухи: одни осуждали большевиков, другие одобряли, а в целом все без конца пребывали в тревоге оттого, что никто не мог предсказать, когда закончится смута?

Наверное, через неделю, как она осталась совершенно не у дел, по настоянию матери за ней в Москву приехал старший брат Егор и увёз на подводе в село.

На этом её короткая московская жизнь закончилась, о чём она словно осиротевшая погрузила немного и на том успокоилась...

Родное село, после жизни в городе, теперь представлялось мрачным и глухим, где жизнь всегда влачилась однообразная, серая, вшивая и грязная, полная лишений и нищеты. И мать, казалось, ещё больше постарела. Некоторые избы уже стояли с заколоченными наглухо окнами и дверьми. Их хозяев давно уже было не видно – умерли или подались в поисках лучшей доли; дворы заросли густой травой, заборы потонули в лопухах; земля была в полнейшем запустении. Словом, в селе прочно прижились старость и сиротство, пустынные улицы выглядели запущенными и от этого казались угрюмыми и безжизненными. Эту безрадостную картину усугубляло отсутствие детворы, которая раньше носилась по деревенским улицам гурьбой, а теперь даже малышни было почти не видно, и общая неприглядная картина поневоле наводила на тоскливые, безысходные мысли.

С германской братья вернулись добровольно, или, как в таких случаях говаривали у них по округе, дезертировали, и затем вплоть до октябрьских событий скрывались в лесах. «Царя теперя нема, – думали с охлаждением они, – служить, поди, некому, война сидит внутрих колом, можно и домой».

Тем временем по окружным деревням в голодном гневе поднялись обезумевшие крестьяне и стали нещадно грабить, растаскивать и поджигать помещичьи усадьбы. Однако кулакам тоже как следует перепало – все разбежались кто куда, дабы после собраться для отмщения. И братья Екатерины, воодушевлённые примером других, вышли из своих глухих укрытий, незамедлительно примкнув к бунтовщикам...

А как только началась Гражданская война, Егор и Епифан добровольцами подались в Красную армию, ведь беляки представляли для них серьёзную опасность, так как могли наказать за дезертирство. Однако провоевали недолго, вскоре после ранения в ногу первым вернулся Епифан и теперь прихрамывал; мать была нескончаемо рада возвращению сына хоть и покалеченным, но живым.

– Слава тебе господи, – приговаривала Мария Григорьевна, в слезах встречая сына в горнице, – живой, таперяча Егорку дожидаться ба, и душа будя спокойна.

И, словно Бог услышал слова старой матери, буквально следом, правда глубокой ночью, в двери сеней кто-то осторожно и воровато постучал.

– Епиша, пойдика, милай, открой, кто жа это там? – обеспокоенно, перекрестясь на образа, обронила мать.

В избу из сеней ввалился Егор, а за его спиной, поменьше ростом, к нему кто-то робко тулился. Из-за многодневной ходьбы по большакам брат выглядел донельзя уставшим и уморенным, и в сумраке горницы почему-то не смотрел спокойно, а буквально зыркал затравленным суровым взглядом. Мать присмотрелась и поняла: оказывается, в шинели с ним пришла молоденькая симпатичная девушка; она почему-то пугливо жалась к руке Егора, точно боялась: дескать, свои его примут, а её, как беспутную, выгонят в осеннюю сырую дождливую ночь.

«Батюшки небесный, – прошептала испуганно Мария Григорьевна, страшась собственного сына, – что жа он это пришёв по ночи, ай днём чаво нельзя было? – и в груди недобро заёкало, она снова быстро перекрестилась.

– А чего ты, старуха, смотришь как на волка? – кривясь, спросил Егор. – Принимайте вот прямо с невесткой, – прибавил он с весёлой усмешкой.

От его слов девушка стыдливо потупила взор. Екатерина тут же подала ей стул с приглашением сесть. Егор неспешно, с некоторым высокомерием осмотрел горницу, освещённую слабым светом лучины, затем небрежно бросил вещмешок на стоявшую у стены лавку.

– Вот-то радость какая, ой как не верится, нешто жавой, Егорушка?! – сорвалась на плач Мария Григорьевна, однако к сыну побоялась ступить, будто почуяла в нём явного врага, и стала внимательно, с опаской, ревностно осматривать девушку.

– Знамо – живой, а чего, нешто уже не ждали? – браво изрёк Егор, лукаво щурясь. – Срочно баня нужна.

И он прицельно глянул на брата: – А ты давно уже очухался дома?

– Два месяца как... Значит, баню? Тогда я мигом, а то как же, с дороги баню надоть, – и лукаво посмотрел на стеснительную девушку.

– Это Настя, вот любите и жалуйте, – представил возвращенец.

Егор вернулся с войны без единой царапины. Ни потом, ни позже, ни своим, ни чужим о своем уходе из армии он не стал что-либо объяснять, лишь сказал, что привёл жену и теперь желает наладить мирную жизнь; ему жутко надоело бесцельно мотаться по свету, пора садиться на землю и с размахом начать хозяйствовать. Ведь на то и совершили революцию... Сыграли Егору свадьбу, были и тётки, и сестра Нюта с мужем Ерофеем, у которых родились две дочери, правда, старшая умерла, прожив три года, выжила Клава.

Это было в конце зимы 1920 года; а по весне братья надумали построить дом из кирпича, навезённого ещё со времён погромов помещичьих усадеб; и тогда же запаслись железом и лесоматериалами. Всё это добро пролежало у них на задах двора более двух лет и вот теперь пригодилось. Из бывшего барского кирпича выросло добротное жильё, рассчитанное на два хозяина, по три больших горницы с сенями на каждого под единой крышей.

Пока шло строительство, Епифан все время хотел подробней вызнать у брата: почему, дескать, он самовольно отбил от фронта? Вот он, Епифан, после ранения ноги получил инвалидность, теперь ему всю жизнь уготовано быть хромым. А Егора, по его словам, даже не царапнуло, вот это родным и показалось чересчур подозрительным.

– Так чаго же недовоевал, Егорка? – спросил он однажды за ужином после чарки крепкого самогона, когда затронули войну, которая, проклятая, где-то ещё продолжалась.

– Дак я понял, что эта война никому не нужная, – подумав, начал раздумчиво толковать Егор. – Зачем, скажи, лить между собой зря русскую кровь? Беляки хороши, конечно, а красные – ничуть не лучше. Ты, поди, сам воевал, чи разве не понял, что от такой братоубийственной войны конец всей русской жизни? За каким хреном истребляем друг друга? Вот этого я до конца так и не уразумел. Ежели белякам земли мало, так в это я тоже не поверю...

– Дак беляки за старую жизнь, а мы – за новую, чего тут неясного табе?! – сильно удивился Епифан, вытаращив глаза.

– А чего же они тогда скидывали царя, он как раз не хотел менять ничего? – с ехидством спросил Егор, подавшись всей грудью к брату.

– Им, наверно, без царя в голове, посвободней, – усмехнулся лукаво Епифан.

– Во-во, тогда я себе царь и бог! – выпалил хмельно Егор. – А ежели кроме шуток, я тебе напрямки брякну. Да, я войну бросил, и всем ба посоветовал сделать то же самое. Однако же дураки – продолжают лить кровь русские своих же, русских!

– Кто? – тупо уставился Епифан, разобранный хмелем.

– Да все: и белые, и красные. А жизнь у всех одна и ещё вся, поди, впереди; а вчерашние распри – пора позабыть. Ведь можно друг другу уступить, э-э... да что там... – он расчувствованно помолчал и тогда начал снова. – Мне, братуха, по совести сказать, дюже Настю стало жалко: где бы я её оставил? Стариков её побили беляки, поперва остался с ней на день, думал, опосля догоню своих, а потом махнул на всё рукой. Что же они моими руками хотели кровь проливать, свой мир установить? Впрочем, давно замышлял уход, и вот сам Бог послал мне Настю. Ступай, говорит, и живи, я поверил и пошёл. Это ж, я думаю, таперяча она забрюхатит, потом где искать буду? Да что там, решил и баста – покачу домой!..

Когда братья Мартунины строили дом (не без помощи деревенских мужиков), Настя была уже на сносях, чему Егор, ожидавший сына, тихо радовался.

А когда домище под железной кровлей был готов принять новосёлов, решил жениться и Епифан – конечно, не без науськиваний матери:

– Жанись, Епиша, хочю напоследок внуков повидать. Нянчить стану, и коли приспичит умирать, чтобы на душе было ба спокойно, что увсе мои детки к жизни приладены и будет что на том свете вашему отцу обсказать.

На материну байку Епифан, полеживая на кровати, спокойно посмеивался, а сам при этом вспоминал о своей невесте Софье из соседнего села Лисёнки. Он узнал, что она жила недалеко от подворья сестры Нюты, и в тот же вечер заехал к ней. Епифан бывал здесь и раньше, но почему-то не замечал девушку. Вот уже с полгода он работал егерем в лесничестве, и потому на сельских барышень ему некогда было заглядываться. Но однажды во время объезда своего кордона узрел в лесу пришедших по грибы девушек и от неожиданной встречи тотчас же опешил; он уставился на них; его взор выхватил весёлую и бедовую хохотунью – это и была тогда ещё совсем юная Софья...

Ранней осенью, как положено на селе, Епифан женился. Егор уже к тому времени жил на своей половине дома, а брат свою ещё не успел отделать, занятый по горло работой лесника. И для начала пришлось ему перезимовать с молодой женой в старой избе, бок о бок с матерью и сестрой, а уж к лету заботами Софьи да с помощью усердной сестры ладно отделал свою половину.

И вот Екатерина осталась жить с матерью в старой их избе, иногда грустила о недавней совместной жизни с братьями, изредка ходила в гости к Нюте.

Тем временем Егор всю обживался, завёл корову, овец, потом купил и лошадь и повел в охотку свободную хозяйскую жизнь, к которой всегда стремились самые толковые крестьяне. Он помнил, как бабка рассказывала, когда отменили крепостное право, почему-то не все крестьяне обрадовались дарованной свободе, поскольку не знали, что с ней, свободой, делать, ведь без барина жизнь как-то не клеилась и страшно было вести своё хозяйство, и тогда снова нанимались к нему в работники... Так оно, видать, навредило крестьянской сущности, чего они не понимали и жили, как их когда-то принудили к покорству перед барями.

Зато Епифан с обзаведением личного хозяйства пока не торопился, – собственно, было ещё весьма туговато с деньгами, никак не мог выгадать. Однако мать готова была отдать ему свою корову. Епифан, конечно, сердечно поблагодарил, но отказался принять щедрый дар родительницы, ведь они сами с сестрой чем будут кормиться, а корова как-никак всегда в трудную годину их выручала.

– Ничего, мамаша, пока обойдёмся, а опосля справим, да и тесть обещав помочь...

Надел земли ещё обрабатывали совместно, так что год-другой не пропадут. В селе Кухтинка помаленьку возрождалась мирная жизнь, обживались стоявшие доселе пустые избы вернувшимися хозяевами или новопоселенцами. Снова, как в добрые старые времена, по деревне была слышна гармошка и под неё – пение молодых девчат.

Теперь на вечерки Екатерина выходила довольно редко, считала себя для молодёжных игрищ безнадежной перестаркой, впрочем, и раньше она была до них не очень падкая.

С виду братья Екатерины были разные: Егор коренастый, тёмноволосый, с прямым, несколько заострённым носом, с красивыми чертами лица. А Епифан, напротив, был рослый, худощавого телосложения и менее красив, чем старший брат. У Егора уже были две дочери-погодки: одной три годика, и два – второй, в то время как у Епифана только что родился сын-первенец. И вот радовалась внукам от сыновей Мария Григорьевна и чувствовала, как уходят безвозвратно годы и где-то уже смерть её близка, и наговаривала дочери выходить замуж, а то уже изрядно пересидела в девках:

– Вот как я умру – так одна в избе останешься, думаешь, будешь братьям нужна? Как же! Об этом даже не мечтай, Катюша, лучше вот дома, как наседка, не сяди, на вечерки ходи, а то, ей-богу, так и замуж не выйдешь. Брала ба пример с Нютки, рано выскочила и хорошо живёт. Только редко к нам приходит, её мужик не больно позволяет по гостям расхаживать.

– Ой, об этом я лучше вас знаю, матушка. Да за кого замуж? – в досаде отозвалась Екатерина. – Нютке было легче, тогда парней много было, а теперь после двух воин осталось мало, а которые есть – семейные, другие мне не милы. И для вечеров я уже устарела, там же ребята и девчата все молоденькие...

– Да нешто увсе так-таки молоденькие, а Антип Бедин, – и мать назвала ещё нескольких деревенских парней, – бывают же из других деревень, ведь ходят же, бабы наши бают...

Екатерина задумалась: и правда, что же ей в девках пропадать, хотя на молодёжные посиделки уже всё реже манило. Часто захаживала в новый дом к братьям провести племянниц, племянника и позабавляться с ними да поговорить с женой Егора Настей, которая ей нравилась больше Софьи – жены Епифана. Так и текла её жизнь с матерью в хозяйственных заботах...

Глава 3

Фёдор Зябликов был родом из села Аргуново, которое с трёх сторон на разном расстоянии обступали смешанные и хвойные леса.

С востока лес подступал к селу совсем близко и тянулся почти дремучей стеной по длинной песчаной горушке; она спускалась то крутыми обрывами, то отлогими покатыми боками прямо к протекавшей мимо мелководной прозрачной речушке Полоскайке (так прозвали её за то, что в ней полоскали бабы и девушки белье), дно которой сплошь было почти галечно-песчаное. И от этого вода в ней слезилась до каждой песчинки, до каждого камушка. Если нужно было ехать к станции Тихонова Пустынь, эту речушку обыкновенно переезжали на телегах вброд. И затем по подъёму песчаной дороги въезжали в густой лес, где над самой дорогой из сомкнутых и переплетённых между собой веток деревьев образовывался зелёный тоннель.

На западе лес виднелся издали синеющей продолговатой стеной, и перед ним, к самой деревне, стлались справа травостойные сочные луга, а слева раскинулись на обозримом пространстве земельные наделы. И между лугами и этими наделами петляла дорога и выводила где-то в стороне от леса на главный тракт, который тянулся на Малоярославец.

И на север сначала тоже стелились зелёные луга и поля, засеянные то гречихой, то рожью, и только после этого почти острым углом под уклон начинался лес. Впрочем, с южной стороны лес был виден как-то вразброс, и там, в уютном и живописном местечке, до сих пор стоял остов бывшей помещицкой усадьбы, разгромленной и сожжённой в лихолетье...

У стариков Зябликовых было некогда пятеро детей, в живых остались средний сын Фёдор да старшая дочь Анна, бывшая замужем за революционером, выходцем из рабочих. Когда в тринадцатом году царская охранка сослала его в Сибирь, она поехала вслед за своим мужем...

И с тех пор о судьбе её ничего не было слышно. Но вот началась Первая мировая, в августе одна тысяча девятьсот четырнадцатого Фёдор почти одновременно с отцом Савелием был мобилизован на войну и вскоре попал на передовую. И как ушёл, так от мужа Ефросинья не получила ни одной весточки, а потом пришло известие, что он где-то канул в пекле войны.

А скоро наступил Брестский мир, но мать не знала, что сын угодил во вражеский плен и был увезён в Германию, где пришлось ему батрачить на немецкого помещика.

Только летом девятнадцатого года, после пятилетней отлучки, Фёдор прибыл домой в числе отправленных в Россию русских военнопленных...

В родной тухлявой избе он застал совсем отошавшую и постаревшую мать Ефросинью. От несказанной радости она заплакала, с трудом веря, что видит живым и невредимым единственного сына Фёдора, считавшегося, как и отец, без вести пропавшим. Горько было сознавать, что муж Савелий бесследно сгинул на проклятой войне, а что с ним случилось, не сообщалось: дескать, пропал и всё.

А сначала так изболелась душа в ожидании дочери, стала было привыкать, не теряя надежды, что она приедет, а потом также ждала мужа и сына. О Фёдоре тоже несколько лет не было ни слуху ни духу. Но наконец объявился, родненький. Ещё бы немного, и она была готова предстать перед Всевышним, ведь донельзя устала жить в безысходных ожиданиях своих родимых чадушек, тоска будто выворачивала всё её надорванное голодом нутро...

Изба простояла на белом свете более века, но за пять лет без хозяйского догляда совсем осела, так что казалось, вот-вот развалится. Стены подгнили, дранковая крыша потекла, и Фёдор решил основательно подновить избу, начав ремонт с кровли.

– А я, Федюня, с вами к встрече на том свете готовилась, – как-то призналась мать, кормя после работы сына. – Вот и изба мне была уже не нужная, хоть бы упала на все четыре угла, а мне и бай дюже. Но таперяча вижу – жалко, делай, делай, сынок, а там, поди, новую срубишь.

А может, ещё гляди, отец вернётся жавой, и ежели ба Анютка ещё подала знак, тогда совсем ба я ожила на десяток годочков, – Ефросинья задумчиво умолкла, облегчённо вздохнула.

– До новой, матушка, подождём, пока ещё война гремит. Вот подлатаю и сам пойду беляков бить, – ответил занятый работой Фёдор, стараясь не глядеть на мать.

– Как, опять на войну?! – в испуге протяжно вскрикнула Ефросинья, всплескивая руками. – Дак кто жа тебя на неё гонит, Федя?

– Не могу я, подобно дезертиру, отсиживаться. Хватит, сполна свою долюшку отбыл в плену, совестно, матушка...

– А что ты со мной, Федя, деешь, – закачала она отчаянно головушкой, – не даёшь мне на тебя нарадоваться. Перед кем тебе совестно? – плача спросила мать.

– Перед собой... Но я пока ещё не уйду, зачем реветь?! – грубовато и нервно бросил сын и пошагал валкой походкой на двор курить – не мог он переносить спокойно бабьи слёзы.

Дома пробыл Фёдор с месяц, поднял из запустения подворье, починил избу, привёл в порядок огород. Вся деревня представляла не в лучшем состоянии, ибо здоровых мужиков почти не осталось, а те, что были, – калеки да старики и глядели уже на погост. Одним словом, не было по улицам слышно ни песен, ни веселья, исчезла бывшая мирная жизнь...

А наутро Фёдор попрощался с матерью, которая тайком перекрестила сына на дорожку и потом долго-долго смотрела ему вслед, как он уходил с заплечным вещмешком по дороге к тракту, ведущему к уездному городку Малоярославцу...

* * *

Когда командование Красной армии узнало, что Фёдор хорошо пишет, оно оставило его при штабе в должности писаря. И на вид мужик оказался ладный, хоть ростом был невысокий, но с подтянутой солдатской выправкой и удивлял не крестьянским умом: толковый, рассудительный, смыслённый, – если бы все такие были, тогда бы стоять деревне и стоять, а тут эта проклятая междоусобная война добывает кормилицу.

Иной раз, переписывая приказы и распоряжения, Фёдор про себя безмерно сожалел, что вот уже больше года как на фронте, а в боях почти не участвовал. И вовсе не по своей вине, а всё оттого, что такой была уж сама по себе служба штабного писаря, которая порой до чёртиков надоедала. Но скучать, однако, она не давала, так как писарской работы хватало, да и штаб на одном месте долго никогда не стоял, потому как при отступлениях, так и наступлениях постоянно менял свои боевые позиции.

Эту военную кампанию ему предстояло вспоминать через много лет, но особенно тот случай, когда однажды вражеский снаряд чуть было не попал в расположение штаба, хотя взрыв раздался почти где-то рядом. В окнах крестьянской избы ураганной силой выбило все стекла, а ему прямо на сгибе осколком снаряда или стеклом слегка повредило сухожилие руки. И вот тогда его писарская деятельность закончилась на время лазаретом. Дело было как раз под Орлом, тогда всем фронтом мощно теснили на юг деникинцев, до этого они стремились захватить Москву.

И только через три месяца вновь стал в строй, и по мере быстрого продвижения к югу снова разгорались жаркие бои...

Война закончилась на Дону полным разгромом добровольческой белоказачьей армии, остатки которой бежали к морю... Именно тогда, в 1920 году, Фёдор, давно наслышанный о казачьей вольнице, о благодатном хлебном крае, впервые попал на Дон. Однако в то грозное и суровое время и там, в хуторах и станицах, привычный уклад жизни совершенно разладился, всё хозяйство пришло в страшное запустение и разор; попадалось множество развороченных и сгоревших домов. А по округе, поросшие бурьяном и сорняком заброшенные поля являли

собой печальный и дикий вид. По всему бескрайнему степному раздолью из конца в конец гулял злой и шустрый астраханец, наводивший на людей ужас затяжной сухью...

С Гражданской войны Фёдор вернулся, когда ему было двадцать семь лет. После изматывающих фронтовых будней мирная жизнь виделась приманчивым сладким пирогом, хотя всюду нужно было приступить к налаживанию напрочь запущенного личного подворья и домашнего хозяйства. Первым делом Фёдор приобрёл молодую тёлку, завёл несколько кур к той паре, что водилась у матери. У зажиточного мужика Прохора Глотова занял в долг семян и посеял хлеб, овощные культуры на отведённом ему сельсоветом земельном наделе. Затем прикупил леса, чтобы с будущей весны срубить новую избу.

Мать любовалась хозяйственной хваткой сына и думала, что раньше он был не таким жадным до жизни, всё чего-то выжидал, а теперь стал зрелым мужиком. С войны с германцем, помнится, вернулся худой, молчаливый, это уже потом, освоившись немного дома, рассказывал, как после окружения попал в плен и был отправлен в Германию, где вкалывал на немецкого помещика. И понравилось, как тот на европейский лад хозяйничал, что всё у него спорилось и везде в хозяйстве был порядок: аккуратный обустроенный дом, надворные постройки...

А с междоусобицы пришёл – будто ему счастье привалило и он сейчас наделит им всех. Но потом опять о чём-то задумывался, уходил от матери в свою горницу, читал там газеты, которые брал в избе-читальне. И, конечно, его уединения родительнице пришлось не по душе: неужели дома надоело, и опять собирается куда-то податься, вместо того, чтобы думать о своём будущем. И матери хотелось вразумить сына.

Уже кряду несколько вечеров за ужином Ефросинья подступалась к Фёдору с одним и тем же назойливым вопросом:

– Что жа, Федюня, хорошо ты начал хозяйничать, любо-дорого смотреть, как рада, что ты жавой. А я уже быстро старею, сил прежних у меня осталось не бог весь сколько, не пора ли тебе жаниться?

Сначала Фёдор медлил отвечать матери, при этом он стеснительно краснел, а потом лишь, раскуривая сигарку, понимая её заботу, с важным видом толково пояснял:

– Вот избу поставим, матушка, а там будет видно, подумаю, – и перед его задумчивыми глазами встал пригожий образ застенчивой Фени Пастуховой, которую он помнил совсем крохотной девчонкой. А нынче её уже не узнать, она выросла, расцвела юной девичьей красотой, и оттого помимо своей воли с щемящей тоской засматривался на неё.

Между тем мать продолжала раскручивать перед сыном свои заботные мысли:

– Твои однолетки уже, поди, все пожанились, хотя и многих в жавых давно нема. Царствие им небесное, сколько эта проклятухая война унесла миленьких сокольников, – покачала она при этом сокрушённо головой, и продолжала: – Слава тебе Господи, ты у меня хоть жавой. А как Богу молилась за тебя, Федя, кто бы знал! Почитай, сразу, как ты ушёл, так и молилась. Да, столько никогда не молилась. Да, никогда! – раздумчиво прибавила она. – Раньше, бывало, всё больше с ним ругалась, как тебя долго не было. Ну думала, что жа ты, Господь, ничего не деешь, не баешь, всё молчишь на мои скорбные и просительные молитвы? Покажи хоть разок свои добрые деяния по своему Писанию? Так и думала: а бы Федя мой жавой оставси, тогда усе ба церкви по Россее обошла, откланялась в ножки Богу-то. Каженный дён о тебе думала: ну всё, и последний пропал; таперяча одна осталась, и жить не хотела, умирать, ей-богу, собралась. И вот как ни ругалась с Господом-то, мои молитвы к нему не доходили, а как про Писание его вспомянула, так Он, прости меня, Господи, уберёг тебя...

За время долгой разлуки с сыном Ефросинья напрочь забыла, что Фёдор с трудом переносил упоминание о Боге. И пока он напряжённо выслушивал мать, у него медленно накапливался гнев, лицо краснело и терпение прорвало жгучее раздражение:

– Тьфу, сколько можно про Бога, держи его при себе! – выкрикнул сын. – Что-то твои молитвы отца не уберегли? – Если Фёдор выплескивал гнев, то со всего плеча. (И тут следует

подметить, что он даже шутить не умел, а если упоминал Бога, так только для уснащения своей речи крепким словом.)

Ефросинья и сама, на что была уже в летах, но с Богом не очень ладила. Поэтому могла его и побранить, и проклясть. А в последнее время стала к вере относиться уважительно, как-никак она признавала над людьми какую-то высшую силу. И в душе даже серьёзно пожалела, что сын по-прежнему не веровал в Бога, и теперь, услышав брань сына, она должна была покаяться:

– Ну, запомнявала, Федюня, прости меня, старую, уж ладно, учту, не буду при тебе о нем, и ругаться с ним, сынок, не надо, – и тут же без перехода она начала о другом, что без конца её саму волновало: – Ты ба на вечерки ходив, в твои-то лета сядеть сиднем дома? Твой отец, царствие ему небесное, с вечерки-то и увёл меня. Мы, бывалоча, любили за деревней на выгоне с песнями хороводы заводить, особливо по-весеннему тёплышку, когда токма травка молодая зелёными коврами расстилается...

Однако Фёдор больше не стал выслушивать материны байки, от которых ему становилось стыдно. Он весь ушёл в себя, нервно сворачивал сигарку, задумчиво морщил лоб, и, прикуривая на ходу, быстро пошёл дымить в сени.

– Не хочет слушать? – Ефросинья в изумлении взмахнула коричневой в морщинах рукой в сторону двери, куда ушёл сын, и тут же, повернувшись к печи, стала ухватом вынимать чугунок с пареной картошкой. – Ишь каков нелюдимый бирюк, – продолжала вслух сама с собой, – я б вотю на ём месте сидела, да-а-вно ба там была!

Из сеней Фёдор по не крашенным деревянным ступеням крыльца сошёл на двор, ходил там, прикидывал, что надлежало делать завтра. Потом бесцельно стоял в воротах, смотрел скупающим взором на за вечеревшую осеннюю улицу: сумерки уже сгущались, крались со всех сторон; синева на ясном небе густела; в отдалении, через дорогу, чуть в стороне от амбаров зиял чернотой овраг; там осенние краски сливались в неразборчивый пейзаж. По всей деревне были хорошо слышны мужские и бабьи голоса, лай собак, где-то овца бляела, наверно у Прошки Глотова. А из-за околицы, там, где вблизи дубравы была бывшая плотина помещичьего пруда и раскинулась зелёная лужайка, доносилась весёлая переливчатая игра гармошки. Значит, опять молодёжь собралась, вот и огонь полыхнул от зажжённого костра, и от нежданно нахлынувшей тоски, что там может быть любимая девушка, у Фёдора заняла душа...

В это время как раз мимо его подворья проходил кто-то по дороге и по голосам – басу и тенору – Фёдор узнал Силантия Пантюхова и Ивана Макарова. Эти парни были немного моложе Фёдора и часто заедливые, никогда не пройдут, чтобы не затронуть его без надобности.

Сейчас они между собой о чём-то возбуждённо, как-то неестественно, переговаривались, – значит, были навеселе; и когда увидели стоявшего в калитке Фёдора – приостановились:

– О, Федька, здорово живёшь! – крикнул Иван, малоросток, щуплый, непоседливый и по характеру балагур. Синие глазки несколько западали в глубокие глазницы, отчего казались совсем чёрные, так и бегали по глади белков шустрými водяными паучками.

– Эй, Федька, родной ты наш, махры на закрутку не сыпанёшь часом? – крикнул басовитый Силантий, плечистый, высокий и сейчас незлобивый. Видно, ребята узрели огонёк его сигарки, вот и окликнули как бы наобум.

– Табаку мне не жалко, всегда дам, – отозвался Фёдор, вынимая из хлопчатобумажного пиджака кисет с махрой.

Парни, весело гомоня, приблизились, сверкая в полутьме белыми под пиджаками рубашками. От ребят тотчас повеяло сивушным запашком вперемешку с луком.

– Ну, куда сыпать? – вяло проговорил Фёдор.

– А гони в кепку, – весело сказал Иван, снимая её быстро, оголив свой вихрастый светлый чуб. – Пошли с нами на игрища, девок молодых щупать, – и лихо засмеялся.

– Не говори, дурень, глупостей, – шутливо пригрозил пальцем приятелю Силантий и потом ещё легонько ладошкой ударил Ивана по загривку.– Нешто забыл: Федя у нас очень сурьёзный малый, – прибавил с насмешкой и вместе с тем озорно подмигнул Фёдору.

– А вот об этом, ребята, не надо, лишне, – отозвался он недовольно оттого, что над ним всегда начинают подшучивать.

– Федь, дай бумажки? – попросил искательно Иван.

– Рад бы, я этим сам бедствую...

– Федя, зажилил, ты же газетки почитываешь?

– Ну, коли достану – читаю, а потом в ход на курево пускаю. Ты, кажись, Ваня, серьёзно куришь, а табачка даже не имеешь? – проговорил несколько раздражённо Фёдор, он знал обоих приятелей как вечных попрошаек. Хотя, может, у самих есть, да свой лукаво приберегут, как жмоты из жмотов?

– Ладно, Ванька, потопали, а то Федька сей миг нам политграмоту по губам раскатает! – и зычно хохотнул.

– Не понимаю, чего тебе с нами не пойти? – спросил Иван полусерьёзно.

– Ступайте, ступайте, вы весёлые, там вас, поди, ждут, – растерянно и сбивчиво произнёс Фёдор, став к парням боком, чем давал понять, что ему с ними не по пути.

Когда ребята растворились в тёмных сумерках, Фёдору опять стало отчего-то тоскливо и как-то не по себе. Конечно, он часто бывал собой недоволен, ведь близких приятелей у него отродясь не водилось. Хотя мог поддержать беседу с любым пожилым человеком, в котором находил созвучие своим мыслям. Но труднее всего дело обстояло с девушками, к ним он никак не находил подхода, несмотря на то что совсем не считал себя робким и стеснительным, правда, если ему приходилось случайно повстречать девушку, он почему-то мгновенно терял дар речи. Именно так произошло совсем недавно около керосиновой лавки при встрече с Полей Сметховой, которая всегда с озорующей весёлостью начинала с ним разговор, за что он тайно её побаивался.

– А, кого я вижу, Федя, здравствуй, за карасином? – у неё, как угли, горели глаза.– Чего, милый, отворачиваешься, нешто со мной не хочешь баять, я же не кусачая, куда же ты убегаешь? – продолжала, звонко смеясь как полоумная. А Фёдор и впрямь опустил глаза долу и с красным от стыда лицом увернулся от девушки в сторону, испытывая при этом в душе какое-то смутное, неясное волнение, отчего был готов его переживать вновь и вновь, так как оно было неизъяснимо отрадным.

В другой раз он шёл со станции, куда устроился на работу стрелочником, и уже на самом подходе к селу ему встретилась Феня Пастухова. Она была скромная, милая девушка, небольшого росточка. Завидев её ещё издали, он замедлил шаг, а потом хотел было перед ней остановиться. Феня тихо улыбнулась, наверное, её улыбка, таившая в себе лукавое кокетство, и сбила его с толку. Фёдор только потоптался-потоптался на месте, как стреноженный конь, и не успел промолвить девушке даже слова, как она прошла мимо...

Феня пошагала своей дорогой, а Фёдору стало так донельзя неловко, что был готов провалиться сквозь землю. Иногда ему казалось, что вот он любит её, а она из-за этого его сторонится. Он чувствовал, что ей нужен бесшабашный красивый весельчак, тогда как он очень серьёзный, улыбается будто по заказу, видно, напрасно природа наделила его мужской красотой. Но об этом он меньше всего думал, больше всего его волновало то, что неуклюжесть и ненаходчивость часто его подводила, и за эти свойства он себя не любил. Хотя Феня давно ему нравилась, он даже себе не признавался, какие же испытывал к ней чувства? Любил ли её, или просто была ему симпатична.

Сейчас он стоял возле своего двора и думал о девушке, которая будоражила его сознание, но сам ничего так и не предпринял для того, чтобы сблизиться с ней. Пока он раздумывал, Иван Макаров стал настойчиво обхаживать Феню. Потому тот и приглашал его на вечерку,

чтобы увидел, как он, Иван, во всём превосходит его, Фёдора. Хотя он был уже слышан, что девушка не отталкивала его соперника, чем невольно вызывала у Фёдора ревность. А если бы он точно так же начал ходить за Феней тенью, как бы тогда она повела с ним?

Вот так всегда он что-то вечно прикидывал, желал отгадать: как девушка к нему относится? И даже когда убеждался, что ей нравится, всё равно перед Феней вёл себя пассивно. К девушкам он боялся подойти не потому, что они могли его осмеять, – просто он не знал, в какой момент они были меньше всего насмешливы. Иногда ему казалось, что они находили в нём всё смешным: и походку, и лицо, и одежду. Мало того что Фёдор не выносил любые насмешки, он вообще презирал человеческую способность насмехаться. Ведь плохи не сами по себе высмеивания, а лишь злые, несправедливые и завистливые. Вот от этого, когда часто слышал чей-то смех, он впадал в конфуз, так как в силу своей повышенной мнительности он принимал насмешки на свой счёт. С юных лет он страдал этим недостатком, который лишил его многих удовольствий, и вот никак не мог его одолеть...

В тот вечер Фёдор всё же решился убажить себя и мать тихонько пошагал к молодёжи на поляну, – впрочем, он бывал там не раз ещё безусым пацаном. Но это было уже так давно, что из тех, кто ходил в те годы на вечерки, одни погибли на войне, другие уехали, третьи умерли от болезней и голода, а четвёртые уже давно растят своих детей. И потому Фёдору там было стыдно показываться. Но почему бы не прогуляться, как бы от нечего делать. Правда, и в ранней молодости он чувствовал себя там чужаком. Бывало, играют парни с девушками или под гармонь отплясывают, а Фёдор стоит в сторонке и даже не хочет быть заметным, потягивает втихаря сигарку. Кто-то из бойких девушек ухватит его за рукав пиджака и потащит в круг танцующей молодёжи, а он, как бык, упрётся, покраснеет и, весь растерянный, уронит сигарку.

Но ему удавалось вырваться и скрыться в чаще деревьев, а потом тайком уйти домой. Вот поэтому иные девушки, такие, как Поля Смехова, любили его задевать и ласково называли чужаком, которому удостоилось уродиться красивым, а он этим своим преимуществом никак не воспользуется...

И действительно, сколько Фёдор уже проворонил девчат! Однако совладать с собой, таким донельзя забитым, до сих пор никак не мог. Лишь однажды он хотел выйти попробовать потанцевать, для чего даже посмел чуточку выпить. И всё равно не хватило смелости, да и ноги словно кто-то стискивал клещами. И тут же ему мерещилось, что все выставятся на него, как на диковинку. Вот ежели бы он вышел танцевать с самого начала, как стал появляться на вечерках, тогда было бы другое дело. А раз упустил свой момент, теперь оставалось только ловить ворон.

...На поляне зажгли костёр. Ближе к плотине и оврагу росли высокие старые ракиты как бы полукругом, среди деревьев затаилась робкая густая темень. Голоса парней и девушек сливались, наперекор им рьяно играла гармошка. Фёдор остановился в двадцати шагах. На поляне было человек десять, а может, даже больше – кого-то темнота укрывала, и оттого разглядеть всех было никак невозможно. Однако Феню он высмотрел быстро, она сидела на толстом бревне посередине, двое ребят курили на краю бревна, о чём-то между собой живо толкуя; на плечах Фени – пиджак, наверняка Ивана Макарова. А где же он сам! Конечно, это он, недомерок, выплясывает с Полей, выкрикивающей озорную частушку, которая так неприятно отвлекала от рассматривания Фени, что хотелось подавить её резким криком...

Сказать, что Фёдор совсем не любил песен, было бы глубоким заблуждением и характеризовало бы его отъявленным нелюдом, ведь как-никак он любил народные песни, особенно когда бабы пели в поле за работой. Правда, к частушкам относился почему-то крайне отрицательно, поскольку не переносил их опять-таки за насмешливый нор. И вот сейчас крикливый голос Полины его раздражал настолько, что он даже про себя сердито её ругнул: «Дьявол, а не баба!»

Подойти или подождать, пока отпляшут? Он не мог это тотчас решить и продолжал наблюдать за молодёжью из укрытия. Вот и Силантий выскочил танцевать: вскидывает свои косолапые ноги и нисколько никого не смущается. Разве он, Фёдор, так бы не смог, а может, у него вышло бы намного лучше, кто его знает, ведь статью не обделен. А теперь, разумеется, выходить было поздно. Пока Фёдор так наблюдал, Феня не танцевала, и ему казалось, она чувствовала его присутствие. Вот Макаров бросил плясать, подсел к девушке, что-то бойко сказал ей, взял за руку, и она послушно встала с бревна и смирно пошла с ним рядом. При виде этого зрелища у Фёдора невольно тоскливо заныло сердце: как она посмела за ним увязаться подобно послушной собачонке при первом оклике хозяина?! В его годы другие уже давно возятся с детьми, но будут ли когда у него дети?

Фёдор никак не мог представить реально, что при желании в жизни всё сбывается...

Глава 4

Утром в избу Зябликовых кто-то постучал требовательно, с дерзновенной настойчивостью. Вот так же помнилось Ефросинье, как дочь Анна рассказывала, пришли жандармы арестовать её мужа – рабочего революционера – и тарабанили в дверь, которая аж подпрыгивала. Но сейчас о плохом не хотелось думать, да и время другое...

Ефросинья, как и все деревенские бабы, вставала довольно рано: она затапливала печь, управлялась по двору, готовила завтрак, а сын тем временем ещё спал сладким утренним сном.

Вчера она так крепко уснула, что даже не слышала, когда сын пришёл с улицы, наверное очень поздно, может, даже с первыми петухами. Ежели он какую девку провожал, то слава тебе господи, значит, дошли к нему её заботные слова. А то может читать газетку целый вечер, и она сама, бывало, уляжется на покой, а он всё читает, жжёт керосин нещадно да махрой дымит в своём бобыльском закутке...

И вот сейчас, когда она услышала чей-то нетерпеливый стук то в дверь, то в окно, Ефросинья от испуга перекрестилась; не успела она немного полежать на печи после утренних дел, как теперь надо опять вставать. С трудом слезла с печки и неторопливо, шаркая чувяками по деревянному полу, пошла открывать, держась рукой за поясницу и что-то недовольно бурча себе под нос: «Это кто жа то будет? Соседка Дарья Тимолина поди стучит этак осторожно, как бы боясь лишний раз потревожить табя, а этот прямо ломится через дверь», – вслух гадала она, снимая дверной крючок.

В сени не вошёл, а втиснулся боком Прошка Глотов, мужик лет сорока, крупный, высокий, тёмно-русый.

– С добрым утречком, мать! – воскликнул громогласно тот, даже с ноткой насмешки, что неприятно отозвалось в душе хозяйки.

– Доброе-то оно доброе. А чего, Проша, от нас надоть в такую рань? – смело спросила Ефросинья, потом отступила от него на шаг, вглядываясь пристально в скуластое, бритое, обветренное до смуглоты задубелое его лицо.

– А где твой Федька? – спросил чуть сурово, потупив взгляд.

– Спит, он с дежурства, а чего тебе? – соврала мать, зная, что сыну идти сегодня в ночное дежурство на станцию.

– Буди, дело есть, – буркнул тот, сверкая наглыми глазами.

– Дело? Какое дело, мне говори, я мать – должна знать поперва.

– Буди, тебе говорят, мне с тобой некогда лясы точить да рассусоливать, должок треба вернуть, или думаете так: Прохор добрый, потерпит, – вкрадчиво и отчего-то неестественно тихо сказал тот.

– Зерно?! – испуганно, в оторопи протянула Ефросинья, хватаясь руками за грудь.

Но, к счастью, Фёдора будить не потребовалось, он слышал весь разговор, встал, спешно оделся.

– Дак, Проша, слухай, чё я табе баю: нам покель отдавать нечем, – искательно и чуть растерянно заговорила Ефросинья. – Ты уж как-нибудь помилуй нас, ещё чуток погоди? – закончила она с жалобой в голосе и с печальной гримасой на лице.

Месяц назад Фёдор с Глотовым твёрдо договорился, что долг вернёт только на будущий год, ведь нынешний урожай собрал низкий, себе оставил всего четыре мешка, большую часть продал, дабы на вырученные деньги прикупить недостающего на постройку новой избы леса, да ещё требовалось оставить на семена. В тот раз Глотов якобы согласился подождать – и вдруг припожаловал?

– Здравствуй, Прохор Ермолаевич, – вышел Фёдор почтительно здороваясь, представляя перед Глотовым тщедушным, маленьким мужичком.

– А-а, здорово, Фёдор, ловца и зверь почуял! – пошутил он нелюбезно. И вместо того чтобы пожать хозяину руку, Прохор одной рукой заграбастал Фёдора со спины за плечи и стал его увлекать на двор. – Пойдём посудачим, дело тут такое приспело, матери твоей сказывал...

– Дак мы же с тобой договорились? – растерянно и жалко спросил Фёдор, мучительно наморщив лоб, а гладкие брови изогнулись дугой.

– Федя, да ён же что удумал? – подскочила сбоку мать.

– Тише, матушка, тише! – упредительно поднял сын руку. – Пойди лучше в избу, – добавил смягчённым тоном.

Однако Ефросинья не ушла – осталась стоять на пороге сеней, неприкаянно и взволнованно глядела, как возле ворот сын разговаривал с Прохором, самым богатым в селе мужиком. Потом Глотов быстро ушёл, а Фёдор какое-то время ещё стоял, точно поражённый неожиданной дурной вестью, затем стал задумчиво, нарочито медленно сворачивать сигарку. Закурил, по сурово-мрачному его лицу было видно, что сын чем-то очень опечален.

Ефросинья, осторожно переступив высокий порог, сошла со ступенек крылечка, держась одной рукой за деревянный поручень, и, торопливо семеня ногами, направилась к сыну, стоявшему около тына:

– Что, Проша, не уступив? – подойдя, озабоченно спросила мать.

– Пахать землю позвал... – пробормотал нервно Фёдор, не глядя на мать, при этом он быстро, раз за разом, с озадаченным видом подносил ко рту сигарку, делал лихорадочные затяжки, пытаясь этим самым унять сильное душевное волнение.

– Что бы ему, супостату, пусто вечно было! – взголосола Ефросинья жалобно, принимая боль сына, как свою, и затем спросила. – И ты пойдёшь, Федя?

– А что прикажешь делать, матушка, отработаю, нам поди не привыкать, – и, шагая торопливо к избе, прибавил: – От мироеда поблажек нечего ждать!

– Истинно, истинно баешь, Федя, мироед он и есть, завсегда тварь не от мира сего. Я хочу сказать, чуждая нашему, доброму...

– Приготовь харчей, – кивнул он на ходу, а сам пошёл в сарай посмотреть исправность инвентаря.

– А когда отдыхать ты будешь, вядь тебе в дежурство нонче? – пришла следом Ефросинья. Но сын не ответил, лишь нервно, свирепо взмахнул рукой, а мать прикрыв ладошкой рот, тихо удалилась, и в горнице стала готовить сыну на дорожку узелок с харчами...

* * *

...Земельный надел Глотова на лучших землях, пространном клином подходил к самому лесу. Прохор пахал вместе со своим старшим сыном на паре откормленных лошадей. Фёдору он тоже дал лошадь и соху, к которой был прилажен широкий плуг, чему подивился подневольный работник, наметил ему для вспашки участок, чтобы он меньше всего бросался проезжающим по дороге.

Фёдор два часа кряду пахал без роздыху. А потом сел на краю леса под шатром плакучей берёзы перекурить и испить домашнего квасу. Ветви берёзы, ещё достаточно зелёные, словно руками тянулись к Фёдору и хотели участливо приласкать землелашца. Однако за своими заботными мыслями тот не замечал их гибкие, колыхающиеся в сочувствии пышные космы.

Прохор тем временем ещё пахал, затем скомандовал сыну пока выгнать лошадей на луг пощипать свежей травы, а сам усталой, валкой походкой сошёл с борозды и по жнивью грузным шагом пошёл к Фёдору, сидевшему на краю леса на зелёной траве.

– Ну как, ты уже устал? – слегка усмехаясь, спросил тот, подойдя к своему работнику, потом нагнулся, сорвал высокий стебель выстоянной овсяницы и всунул в рот, став его перебирать губами, а потом откусывал и сплёвывал.

– Ничего, вот перекурю и пойду дальше, – спокойно ответил Зябликов, и, подкуривая сигарку, прибавил: – Да вот сдаётся мне, соха твоя на два коня или на хорошего мерина.

Фёдор глубоко затянулся и тут же выпустил в сторону струю едкого дыма, но она, подхваченная ветерком, вдруг устремилась в сторону Прохора, который не переваривал табак, и был вынужден отмахнуться от дыма, но сейчас он, не придавая этому значения, понимая важность момента общения с батраком, с чувством какого-то превосходства важно ответил:

– Не переживай! Опробована мной не раз, плуг я сам приладил, зато широко берёт, – Глотов выждал тягучую паузу и затем спросил: – На меня сердишься, Фёдор, только по-честному?

При этом его взгляд принял в своей суровости лукавый прищур.

– А чего мне сердиться? – в удивлении бросил тот. – Должен, – значит, деваться некуда! Ты же мне зерно не предлагал, а я сам выпросил. Если бы я собрал богатый урожай, что же я, не отдал бы? – вопросительно с тайной обидой произнёс, и прибавил: – Тебе не так нужно зерно, как скорей бы вспахать землю...

– Ага, хочешь сказать – эксплуататор? – куражливо заметил он. – Ну, а ежели в будущем году наступит неурожай, тогда как мне быть? Вот видишь, – протянул Прохор с сознанием своей неоспоримой правоты, развёл в стороны руки с ехидным выражением на полноватом и скуластом лице. – Никак ты понимаешь – не угадаешь, что там впереди ждёт всех нас! – присовокупил резонно он.

– Разумно! Конечно, трудно угадать, как природа распорядится, – задумчиво проговорил Фёдор, поглядывая на коня, пощипывающего в отдалении от них траву.

– Вот! Значит, ты ничего несправедливого в этом не находишь, я угадал? Верно, Фёдор? – но он не ждал от него ответа и продолжал: – Всё правильно, всегда тебя считал умным мужиком, с которым не грех иметь дело, – он помолчал, как-то хитровато прищурился и погодя прибавил: —Только что хочу сказать... ты смотри... того, чтобы по деревне слух не гулял, мол, Зябликов батрачит у Глотова...

– Так от меня одного это не будет зависеть. Небось у людей тоже есть глаза. А вон погляди, Силантий с отцом выехал пахать, а там вдали мелькает и Макаров. Тогда всем такой наказ давай. Ежели что касается меня, так мне не к чему ходить да суесловить перед каждым, что я вкальваю на Глотова! – Фёдор насупил хмуро брови и смотрел перед собой, а Прохор ловил его настроение, всматривался в выражение лица, стараясь по ним уяснить, насколько мужик перед ним искренен.

– Скажи, Фёдор, так и манилось брякнуть: мол, на кулака? Ведь в душе кулаком меня считаешь? – прищурил в хищной улыбке Глотов лукавые глаза.

– А это моё дело. Кажись, воевал за красных. Или только слух такой в свою пользу распускал? – хотя и ответил так Фёдор, но в душе струхнул, что этот разговор сейчас ни к месту.

– Эвон куда глянул?! – вскинул тот удивлённо голову. – Так ежели бы за белых, разве я бы тут был, а? То-то! А насчёт кулака отвечу так: не знаю я кулака, никогда в лицо не видел! Его придумали политиканы навроде тебя... А то, что у меня подворье исправное, – так это надо подожерей работать, не покладая рук! Землицы у меня чуть больше твоего надела, да учти: у меня пять ртов. А у тебя? – вытаращил свирепые, разгоряченные от гнева глаза Прохор.

– Да разве я об этом толкую, – растерялся Фёдор. —Я свою землю не в силах с матерью засеять. Лошади пока нет, а вручную немного посеешь.

– Может, я тебя не так уразумел, но ты прикинь, ведь я для тебя старался, думал, зерно тебе трудно отрывать...

– Ну, это кому как, а долг платежом красен, – как бы напомнил и неприязненно отвернулся.

– Всё это верно, так ты объясни Наметову, мол, никто тебя не неволил: зерна нет, решил расплатиться натуральным трудом. Значит, я могу рассчитывать на твою поддержку?

– Разве что когда спросит – уважу, – буркнул Фёдор.

– Во-во, по великой потребе! Ну, посидели передохнули, а теперь и за работу!

«Что же это он со мной делает? Глотов не признает себя кулаком, кулак не видит в себе кулака? Тогда почему бедняк, никогда не зная достатка, смотрит на себя не иначе как на бедняка, и напрасно ему представлять из себя кулака», – налегая всей грудью на соху, угружая в мягкой, пушистой пахоте, размышлял Фёдор и дальше развивал свои мысли в том же духе.

Политика большевиков была ему по духу искони близка – они хотели построить справедливое рабоче-крестьянское общество. Однако было непонятно, почему среди людей встречались противники справедливости, которые жили только ради своей выгоды, а то, что её отстаивали для бедняков большевики, – это их нисколько не интересовало, просто они ловко проворачивали свои дела. И Фёдора донельзя злило, что с такими, как Глотов, никогда не будет справедливости. Даже среди крестьян с меньшим достатком находились её противники, которые, видно, никак не могли принять новый уклад жизни, насильственно сменивший старый, оставшийся для них дорогим. Хотя в другой раз Фёдор ловил себя на том, что ему тоже было жалко порушенного революцией старого уклада, но эта жалость ничего не стоила перед открывающимися возможностями жить по-новому. И какое Фёдору было дело до того, что случилось с правящим, имущим классом. Конечно, многие богатеи драпанули за границу, – значит, туда им и дорога. Об их дальнейших судьбах он почти не задумывался, чаще всего это происходило после того, когда вычитывал в газетах сообщения о расстрелах, на которые реагировал как на вполне закономерный революционный процесс...

И вот так, налегая грудью на соху, Фёдор вывел для себя любопытное умозаключение: если разорить кулака до жалкого состояния бедняка, то бывший кулак тотчас возропщет, что у него отняли честно заработанное своим горбом имущество, а значит, поступили крайне несправедливо. И при всём при том кулаки не поднимались на борьбу за правое дело, как это сделали большевики, ибо они были довольны существовавшими порядками, в то время как беднякам, чтобы что-то иметь, приходилось проливать кровь. Однако в то время Фёдор пока ещё не ведал, что как раз вооружённая политическая борьба сродни бандитскому разбою. Вместо того чтобы приумножать неустанным трудом своё благосостояние, люди кинулись делить имущество побеждённых, которые с этим не смирились и повели контрреволюционную борьбу. Вот и началась междоусобица исключительно в интересах каждой враждующей стороны. И всё равно за годы нэпа появились богатые, существующие даже среди партийных работников и советских служащих, а в селе – зажиточники.

И вот ежели бедняка сделать новым кулаком, неужели он легко забыл бы своё прежнее бедняцкое положение и начал бы чинить препятствия установлению справедливого строя? Неужели он, Фёдор, став богатым, напрочь забыл бы о социальной справедливости и о том, как она завоёвывалась в кровопролитных боях, и принялся бы её безжалостно изводить? Нет, этого безобразия он бы себе не позволил! Возможно, кто-то и восстал бы против советской власти, дай тому несметные богатства, да только не он. Когда на миг представил себя богатым и сытым, то открыл для себя, что, если бы у него появилось много денег, он бы сейчас не пахал чужой надел. Наступит ли когда-нибудь такое время, когда все люди будут жить в достатке? Не зря же он воевал за свободу ради того, чтобы жить по-людски...

Фёдор приостановился посреди поля, давая малость лошади передохнуть, вытирая рукавом сатиновой рубахи пот с разгорячённого лица. Затем огляделся вокруг, как раз была только первая половина погожего сентября. В тихую и ясную погоду солнце ещё достаточно хорошо пригревало. Однако птицы уже так весело, как летом, не щебетали в лесу. Лишь кричали чёрные вороны и грачи, слетались на свежую пахоту, важно расхаживали по бархатной земле.

Вдали над лесом стояли крутобокие пепельно-белые облака, словно робели приблизиться, чтобы смело идти дальше. А Фёдору казалось, что это они на него этак милостиво установились, не желая загораживать солнце и не давая дождю пролиться, пока он пашет. Слабый

ласковый ветерок струисто шевелил тёплый воздух, нежно касался разгорячённого и потного лица и казался прохладным и мягким...

Фёдор опять задумался, ему сейчас хотелось поведать Прохору все свои мысли (только что назойливо толкавшиеся в сознании): как бы он тогда заговорил? Наверное, заухмылялся бы ехидно и что-нибудь выдал хитрое в свою защиту. Взять хотя бы того же Силантия Пантюхова, ведь тот, так же как и он, Фёдор, почти бедняк, работает старательно. Однако же, чтобы завести, как у Глотова, населённое разной живностью подворье, ему надо тянуться и тянуться.

О себе Фёдор даже не заикался, ибо пока не имел ни одной лошади, в то время как у Глотова было четыре. Разумеется, со временем и он, Фёдор, соберет денег на приобретение коня. А пока, чтобы вспахать свой надел земли, он обращался за помощью к отцу Силантия, и тот давал лошадь, за что Фёдор в конце лета расплачивался стожком сена. Но стоило бы Фёдору с той же просьбой обратиться к Прохору, тот ни за что бы не дал ему своего коня. В крайнем случае затребовал бы расчёт вперёд не чем-нибудь, а деньгами. За умение вести хозяйство в селе его почитали. Что бы о нём ни говорили, Глотов праздно не расхаживал по селу, а если, случалось, приходил в лавку за керосином, то с односельчанами разговаривал с таким барственным нажимом, ему редко кто перечил. Значит, признавали за ним авторитет и силу. Даже те, что были хозяевами крепких подворий, считали за честь побыть в компании с Глотовым и послушать, что он говорил...

Когда-то отец Прохора был в их округе известным ветеринаром, ездил по деревням лечить от напастей скот. Говорят, от этого промысла Ермолай Глотов стал богаче, но особенно быстро – после революции. Теперь старик лежал пластом, расшибленный параличом, и Прохор смелее, хватистее взялся за гуж хозяйства и в годы нэпа ещё быстрее пошёл в гору...

* * *

Эта неделя для Фёдора пропала, – в базу, в стайке край надобно было бы перестелить полы, а то крысы исподу нарыли множество ям, выбросив наверх землю горками. И поэтому как-то не ко времени подскочил Прохор; всю неделю пришлось работать на него, вспахивая отдельный клин. Да к тому же напоследок заявил, что он, Фёдор, ещё не весь долг отработал, на будущий год жать позовет, ведь хлеб подорожал. Ему казалось, что тот вздумал над ним жестоко посмеяться, так как Фёдор знал: закупочные цены не поднялись, а на рынок он давно не выезжал. Большую часть хлеба государство требовало продавать по твёрдым расценкам, и Прохор был не исключение, остальное же зерно крестьяне, как могли, сбывали сами. И потому заявление Глотова ему крайне не понравилось, он недовольно и сконфуженно склонил голову, будто Прохор причинил ему невыносимую зубную боль, и терпеливо отмолчался, лишь буркнул в его адрес какое-то ругательство и пошёл восвояси.

По дороге домой на телеге нагнал его Иван Макаров и прямо перед ним остановил резвый бег своего коня:

– Тпру, здорово, Федька, садись, подброшу! – весело обронил Иван, сверкая на него бесшабашными глазами.

– День добрый, – ответил Фёдор и запрыгнул на телегу, хотя в эти дни он ни с кем не желал встречаться и тем более разговаривать. Собственно, не только потому, что его на свой счёт предупредил Глотов, – просто у самого на душе было муторно оттого, что все его личные дела теперь стояли, в то время как у того же Макарова продвигались вперёд. И недаром он причислял себя к соперникам Глотова по умелому ведению своего хозяйства.

– Но-о, пошёл! – крикнул удало Иван.

Телега заскрипела всем корпусом, затарахтела колёсами по суглинисто-песчаной дороге.

– Закурить есть? – попросил смело Иван, при этом его мохнатые, рыжеватого оттенка брови как-то угрожающе опустились к глазам.

– Возьми, – Фёдор, не глядя на возницу, перевёл взор на чужие наделы, затем протянул кисет с табаком и огрызком бумаги.

– Хороший у тебя табачок! – воскликнул благодушно возница и без переходов начал: – А это он тебя привлёк за семена? – и показал кнутовищем в сторону Глотова. И, приняв табак, стал скручивать сигарку, потом исподлобья зыркнул на Фёдора нагловатыми щупальцами синих глаз.

– Не к суду же? – уклончиво, с мрачным оттенком ответил Фёдор, глядя в сторону.

– Это понятно, – Иван придавил вожжи коленом, чтоб было удобней прикурить. – Одним словом, мироед, так или не так? – уточнил на весёлой ноте он.

– Переталкивать не будем, а ты ба так жить не хотел? – с затаённой неприязнью поинтересовался Фёдор, не замечая на губах возницы иронической усмешки.

– А ты у любого спроси, кто не хочет жить исправно. Ей-богу, такого не найдёшь! – засмеялся Иван, лукаво прищуривая синие глаза, смотревшие из глубоких глазниц, и после смачной затяжки стал тереть свой маленький, слегка вздёрнутый кверху нос. – А ты разве, Федь, нет? – прибавил он после паузы.

– Ну, обо мне ещё рано говорить. Вот ежели все будем жить богато, тогда куда денутся кулаки? – и при этом с деловитой важностью взирал на возницу.

– Наверно, кулаки исправятся. Ежели ни у кого ни в чём не будет своей нужды, кого им тогда звать пахать землю, коли у всех наступит достаток? – восторженно произнёс Иван. – А хотя те, может, ещё дальше вырвутся? – подумав, прибавил он.

– Конечно, при нэпе они по-настоящему развернулись. Они только и ждали своего часа, умеют жить, откуда всё у них берётся. Я вот вроде бы стараюсь не хуже, а всё равно так ловко, как они, не могу крутиться, чтобы с любого дела получать прибыль. Одно признаю: знаний нам не хватает, а они и в этом преуспели. Глотов наемни говорил, что России без хозяина – не бывать, Ленин ввёл нэп очень правильно, но я слышал, что всё может повернуться назад.

– Да кто же теперь повернёт? Не слухай, Федя, паникёров. Правильно, я одобряю, наш вождь башковитый! Вот, к примеру, раньше кусок мыла ого сколько стоил! И где его можно было достать свободно? Да днём с огнём не сыщешь. А наемни ездил я на рынок в Малоярославец и там наткнулся на одну лавку, а в ней мыла, соли!.. В общем, всё есть, а где же это, спрашивается, раньше было? И что замечательно, хлеб нынче можно выменять на что угодно, ежели нема денег, на зерне сколь влезет зарабатывай – только не ленись. Да что там! Хорошо будет, ежели и дальше так пойдёт дело у торговцев. Тогда и цены сами по себе упадут. Вот за это я нэп принял всей душой!

– Да-да, с тобой я полностью согласен. Но кто торгует? Опять бывшие буржуи-недобитки! – убедительно и страстно произнёс Фёдор, с этим он никак не мог примириться: неужели ради их процветания кровь проливали?!

– И пушай, зато всё есть, разные товары появились, это разве плохо? – твердил своё Иван. – Насчёт кровососов это ты, Федь, не прав, теперя им оттяпали то место, чем они пили кровушку народа, хе-хе!

– Ну так им опять создали прежние барские привилегии, – не соглашался Фёдор. – Куда только советская власть смотрит?

– Да ты же сам сказывал: грамоты не хватает! Значит, ни тебе и ни мне товары не выпускать. Наш путь – хлеб растить, животину содержать, каждому своё! – рьяно доказывал Иван. – А ты вот газетки почитываешь, думаешь, больше моего знаешь? Но я тоже соображать стал, – в бахвальстве отчеканил он, поставив гордо голову. – Ежели турнут нэповцев, как ты слышал, я уверен, такие, как мы с тобой, не сумеют произвести ни один товар, рабочим в городе тоже нечего делать без особой экономической смекалки. Вот я и говорю: ежели нэповцы удачливей нас с тобой, тогда пушай себе живут, свобода для всех едина! А буржуи (нешто не знаешь) давно удрали, а те, что не успели, – в земле. Так что сейчас новый класс – нэповцы пролетар-

ско-крестьянского происхождения. Вот как я соображаю, а ты говоришь – не умею кумекать, ха-ха!

Иван замолк и хитро посмотрел на Фёдора, словно говорил: «Ну как я тебя, убедил?» Фёдор не стал ему возражать, так как с неприятным чувством подумал: «Макаров хочет вывести меня. Знает, что я его соперник. А чего ради буду перед ним распинаться?»

И остаток пути они больше ни слова не проронили. Макаров жил в одном местечке деревни, Фёдор – в другом, поближе к оврагу, и он слез с телеги ещё не доезжая деревни и напрямки пошел в свой край.

Каждый раз, когда возвращался домой с дежурства на станции или со своего надела, на подходе к своему подворью, он всё отчётливей переживал какое-то не совсем понятное ему чувство, вызывавшее неприятное беспокойство. А когда стал вдумываться, что же его тревожило, он понял: ему было уже недостаточно одного того, что дома ждала его одна мать, которая при случае всякий раз сводила разговор к одному и тому же: не довольно ли ему бобьльничать. Но разве он это сам не сознавал? Вот поэтому надумал построить новую избу, чтобы потом было не стыдно вводить в дом молодую хозяйку. Теперь, когда изба стояла, для Фёдора всё дело состояло лишь в выборе невесты, а среди местных деревенских девушек не оказалось для него подходящей. Хотя немало было хороших, но они не отвечали его представлениям о суженой. И только одна Феня безоговорочно ему нравилась. Однако из-за своей нерасторопности он так и не сумел найти к ней подход. Впрочем, ежели бы между ними была небольшая разница в возрасте, тогда, гляди, и осмелел, натерил бы к Фене стежку и столковались на совместную жизнь, а то она совсем ещё молоденькая. Зато Макаров оказался не промах, нашёл к сердцу девушки ключик. И пока он, Фёдор, гадал да прикидывал, той ли ему оказалась бы хозяйкой Феня, о какой давно мечтал, Макаров долго не дремал. Значит, она тоже увидела, что Иван ей нужней, чем он, Фёдор?

В тот вечер, чтобы до конца это выяснить, он и отправился на молодёжные игрища. Он вежливо угощал парней своей махоркой, курил с ними, слушал их байки и украдкой поглядывал на Феню, сидевшую на брёвнышке с девушками, взиравшими весело на плясунов, одним из которых был Иван. Правда, потом он вышел из круга и подсел к своей милушке; их хорошо высвечивал ярко горевший на поляне костёр. Время от времени Иван насмешливо зыркал на Фёдора, так как не видел в нём серьёзного соперника, и от этого чувствовал над ним своё полное превосходство. Блики костра причудливо играли на его лице, отчего Фёдору он казался чудовищным пересмешником. Но вот, перемолвившись с Феней парой шутивных слов, наверное, на его, Фёдора, счёт, – Макаров вскоре встал, увлекая за собой девушку в сторону плотины, где вскоре их поглотила жуткая темень...

Глядя вслед удаляющейся парочке, Фёдор вдруг почувствовал себя нестерпимо одиноким и несчастным оттого, что она довольно легко согласилась уйти с ухажёром; неужели он так сумел её пригреть и приласкать, что теперь она пристыла к нему навсегда. Он представлял, как Иван ей расписывал их совместную жизнь и потому она, ослеплённая его мечтой, уходила с ним как с единственным избранником. В этот момент Фёдор успел перехватить её выразительный взгляд, которым она ясно давала ему понять: «Зря ты пришёл. Видишь, отныне я за Ваней пойду куда угодно».

Но Фёдору казалось, что она мстила ему за его нерешительность и, уходя с Иваном, обманывала себя, зная, что он, Фёдор всё равно нравился ей больше, но из-за его несмелости она выбрала бойкого Ивана.

После этого вечера Фёдору пришлось окончательно признать своё поражение. Вдобавок от Силантия, уходившего с вечерки с Полей Смеховой, он узнал, что скоро Иван засватает Феню. И как только он это услышал, внутренний голос ему нашептывал, словно желая, чтобы он прозрел, что Феня вовсе не его суженая. Скоро он узнает ту, которая ему станет самой любимой и дорогой на всю жизнь...

Глава 5

Между прочим, впоследствии так оно и случилось. Екатерина узнала о Фёдоре Зябликове от знакомой своей матери из села Аргуново, в котором он жил. Эта самая тётка Паня ещё с молодых лет приходилась матери Екатерины закадычной подругой. И в молодости, и теперь она была большой любительницей хаживать в гости к подругам. Уж такой была тётка Паня, что и дня не могла высидеть без того, чтобы по старой дружбе кого-нибудь не проведать. К тому же в Кухтинке – селе из трёхсот дворов – жила её замужняя дочь. И тётка Паня обычно, проведав её, не упускала случая заглянуть и к Марии Мартуниной. И вот так, бывало, пригласит её хозяйка за стол к самовару, на пару напьются горячего чая вприкуску с гренками, обговорят все новости, и гостя после, вся разомлевшая, довольная, с ощущением растекавшегося по всему телу тепла, поглядит на Екатерину, вязавшую братьям тёплые носки, и ни с того ни с сего заговорит о том, что пора бы ей давно быть замужем.

– Вот смотрю я на тебя Катюша и думаю: что, ты от моей Варьки года на два моложе?

– Не знаю, – безразличным тоном отвечала Екатерина, не поднимая головы от вязания.

– А что, моя Катя красавица, – вступала в беседу мать. – Так вот и я про то самое говорю, девка у табе всем взяла, да всю молодость, мыслимо ли, так и провяжет? У моей Варьки, сами знаете, уже двое деток... так вот говорю, замуж ба глядела за кого?

– Дак и я ей то же самое твержу – не сяди наседкой, разве слушает, – соглашалась с подругой мать несколько сокрушённо.

– А замуж за кого? – спрашивала Екатерина у назойливой тётки Пани, поглядывая коротко, с усмешкой.

– Ой господи, да так разве и не за кого? У вашей деревни, поди, ещё есть кавалеры, выгулявшие до конца всю дурь, и о семье думают...

– Не говори ты ей об этом, подруженька. Она у меня домоседка, а на гуляния ходит, как покличут девки. А не покличут – будет сидеть клуней все целны вечера. Парень мимо двора пройдёт – думается, сердечко должно затрепыхаться, личико покраснеть, а ей хоть ба хны, будто какое животное прошло, а не человек. Вот хотя бы тот же Антип Бедин подбивался к ней – нет, говорит, он не мой. А теперь-то, конечно, он жанился...

Впрочем, Екатерина и сама поражалась, что её не столь сильно тревожили парни. Правда, иной раз сердце бывало не на месте, изводясь какой-то бестолковой тоской. А однажды всё-таки осмелилась выйти на девичьи посиделки, где бывали и парни, и почему-то по-настоящему ни один не тронул её воображения. И сама чувствовала, что на неё тоже не шибко засматриваются, чем сильно не горюнилась. Ведь ровесники все переженились, а парни хотя и были, но все моложе её. Она же для них старуха, а им подавай молоденьких.

Однако Екатерина себя уродиной не считала. Она, как и её братья, была темноволосая, кожа белая, небольшой заострённый нос, кареглазая, но по характеру уж какая серьёзная. Словом, пустословить не умела и почти никогда не смущалась. Могла глазом не моргнув пересмотреть любого.

– Слышь, Катюша, я тебя познакомлю с нашенским парнем, хочешь? – в другой раз после выпитого чая как-то вдруг радостно сообщила тётка Паня. – Есть у нас один – ну подстать табе. Тоже не любя посиделки. Глядишь, всё газетки в руках мусолит. Это значит – сядит сябе и читает и читает под тыном. Одно время был он моему сыну Ваньке соперником. Всё наше село знало, что ему нравится Фенька Пастухова. А мой Ванька шаловливый рос, вёрткий, юркий. Только из армии пришёв и сразу на Феньку глаз положив. Ну а Федя ею всё больше издали любовался. Иногда даже сам забывал, что девкой любит. Увидит где её по деревне, станет и гляделками за нею и водит, водит... Ну, таперича история та давняя, Фенька уже,

почитай, вторую зиму моя невестка, малец уже кричит на всю избу. Ну ладно, Катюша, так я вас обязательно познакомлю! – пообещала тётка Паня.

– С него, поди, и хозяин такой, раз газетки мусолит, – отозвалась в порядке замечания Екатерина, всё не отрываясь от своего вязания.

– Почему же, нет, нонешним летом избу срубил, и Ванька мой яму подсоблял... А живёт вдвоём с матерью. Правда, у него были и сёстры и братья, но в младенчестве умерли. Да вот осталась старшая сестра, Аннушка, так и той давно след запропал, сердешнай. Как в Сибирь подалась в тринадцатом ай в пятнадцатом за муженьком, а его туда на каторгу уекли, и она за ним, как декабристка, и там, бедняжка, поди, и пропала. Сколько слёз пролила по ней Ефросиньюшка, это только мне известно да Богу...

Однако Екатерина полагала, что этим разговором, должно быть, всё дело и обойдётся. Посуесловила в охотку тётка Паня да на том и забыла. Однако своё слово она сдержала, хотя Екатерина на этом не настаивала, – ровно через месяц приехала, да не одна, а с Фёдором!

* * *

Долго тётка Паня обивала порог Зябликовых со своим разговором сводницы. Сначала она науськивала Ефросинью, как к этому разговору подвести сына: что с ним хотят поговорить о хорошем для него деле.

Однако Фёдор понял, что от него добиваются, и сперва никак не поддавался уговорам сводницы:

– Это что же получается, – возмутился Фёдор, – хотите меня женить по старому обычаю?

– А что в этом плохого? Так, сынок, завсегда велось.

– Да разве отец тебя по сговору других брал? – напомнил матери Фёдор.

– Фью, дак ты не ведаешь... Против твоего отца был твой дед, он не хотел нашего союза... Да, Федя, меня принять не хотел. А твой отец, царствие ему небесное, выказал характерец настоящего молодца... Да на том всё сами и порешили... А у табе, Федя, особый случай, не противься судьбе. Что Бог даёт, всё к лучшему, ведь Фенька замужем давно...

Но лишнее упоминание о ней только больно ужалило Фёдора. Он нервно хлопнул дверью и убежал на двор. А Ефросинья, покачав от досады головой, крепко пожалела о непрошено сорвавшихся словах.

И только через неделю снова подступилась к сыну, и опять он уходил от затейного разговора. Ей ничего другого не оставалось, как войти в сговор с тёткой Паней, чтобы та попробовала ещё раз склонить сына к знакомству с хорошей девушкой.

У Фёдора за эти дни переговоров с матерью произошли благоприятные перемены, поэтому сводницу он встретил весьма радушно и её предложение обдумывал недолго; на его красивом круглом лице появилась мягкая, добрая улыбка. Как только тётка Паня увидела покладистый настрой молодого хозяина – воодушевилась и бодро затарактела:

– Не, Федя, девка хорошая, в этом ты скоро сам убедишься. Какую зря я тебе не присоветую, – напевала та сладко. – Вот как увидишь её, ещё меня кинешься благодарить...

Фёдор прислушался к хвалебному тону сводницы и неожиданно проникся к ней глубокой симпатией. У него вспыхнуло любопытство хоть одним глазком взглянуть на наречённую; неужели действительно она такая, какой разрисовала её тётка Паня? И согласился поехать на смотрины...

И настал заветный день, когда в избу Мартуниных пожаловали нежданные гости. Екатерина хоть и растерялась, но не убежала и встретила красивого молодого парня достаточно приветливо. Перед ней стоял светло-русый, сероглазый, с добрым и любопытным взглядом, со стеснительным выражением на лице чужой человек. Екатерина довольно уверенно выдержала его взгляд, долго с интересом разглядывала милого гостя. Но Фёдор, охваченный душевным смя-

тением, не выдержал испытания, опустил свои серые глаза, и его оробелый взор соскользнул с девушки куда-то на пол, устланный домоткаными дорожками, и невольно стал рассматривать рисунки, будто их никогда не видел. Ведь в каждой избе половики старались вязать так, чтобы орнаменты не повторялись. И ему любо их было рассматривать, полагая, что их вязала молодая хозяйка...

Как известно, к тому времени братья Екатерины были давно уже женаты и оба растили по двое детей. В старой избе Егор отвел угол под свою мастерскую по выделке овчины и уже вовсю принаровлялся к пошиву тулупов. Однажды, подвыпив, Егор без утайки сказал сестре, чтобы не засиживалась в девках и выходила замуж, а то ему требуется как можно больше места для его дела.

Этот своенравный наказ брата ей, разумеется, не понравился, хотя не собиралась с ним спорить. И вовсе не потому, что не умела ругаться. Просто всё сама понимала, что Егор был по своему прав, ведь и впрямь залежалый товар никому не нужен... Тогда было ей уже двадцать лет, как раз время замуж выходить, а потом в девках проходила впустую ещё два года. Мать тоже вытаскивала её из дому, находя подходящих женихов. Но она что-то всё носом крутила, почему-то никто ей не нравился. И никак не встречался такой парень, чтобы могла в дальнейшем его полюбить. «Стерпится-слюбится», – всякий раз повторяла мать после того, как она отказывалась от её очередного избранника...

И вот тётка Паня привезла ей на смотрины Фёдора. И что же, она оказалась права: парень действительно был всем на диво, если не считать, что роста вышел невысокого. Да и глядел несколько угловато и стеснительно, так как сознавал, что для него наступил чрезвычайно важный момент. Конечно, он боялся, что не сможет она полюбить его по-должному. Да, понять его было несложно, ситуация для лихости совсем не подходящая. Ежели он взаправду такой стеснительный – это, собственно, неплохо. И помимо его внешней красоты в нём было нечто такое, чего она не могла себе объяснить. Однако сердцу словно кто-то пылко, в радостном азарте шепнул: «Не упускай его, он и есть твой милёнок, данный Богом!»

* * *

С того памятного дня и была решена их судьба. Фёдора и Екатерину оставили в горнице наедине, правда, долго они не могли заговорить. Она смотрела на парня со странным чувством, точно это происходило вовсе не с ней. И никак не могла заговорить, так как будто язык окаменел. Она досадовала, что парень всё не мог оторвать глаз от пола. Катя, тщетно ждавшая от него первого слова, неожиданно для себя спросила:

– Федя, что же ты всё молчишь и молчишь?

И тут только он поднял на неё серо-голубые глаза (какие они светлые и ласковые), и милёнок наконец заговорил:

– О чём конкретно толковать, ведь я тебя ещё не знаю? – и как-то робко посмотрел на неё.

– Так давай поговорим, вот и познакомимся ближе, – она снисходительно улыбнулась, что сама принуждала парня к разговору. И следом сдержанно прибавила: – Ежели только я интересна для тебя.

В её глазах он не заметил лукавинки, даже намёка на иронию, что сразу легло ему на душу: она вовсе не намерена смеяться, и это рождало приятные чувства, и он смело ответил:

– Я бы к тебе не приехал, коли бы это было не так...

– Значит, ты узнал обо мне от тётки Пани... ну и что?

– Да, кое-что она рассказывала, а тебе, наверно, обо мне, о чём мы поняли только сейчас.

Выходит, нам и толковать не о чем?

– Смотря о чём. Например, я не думала, что ты такой молчун. Слышала, что ты с газеткой любишь беседовать? – спросила девушка, и сжатыми губами сдержанно улыбнулась, чтобы только не обидеть его.

И всё-таки даже при таком безобидном замечании Фёдор как-то зябко поёжился, но это ему вовсе не помешало продолжать разговор.

– Я попусту болтать не умею, а газеты мне дают знания о жизни, – ответил он вполне серьёзно, мельком глянув на девушку.

– Всё это хорошо, – проговорила она, и между ними снова робко пробежала тишина, притаилась и словно удивлённо заглядывала им в лица. И они заметно тушевались. Екатерина впервые глубоко смутилась, а ему показалось, что она стала недовольна им, и оттого как-то невпопад спросил:

– А ты лучше узнай, что тебе во мне неясного?

– Да разве я могу угадать? – радостно подхватила Екатерина.

– А может, удастся, ты спрашивай у меня о чём угодно...

– Ты парень, вот и забавляй девушку, – задорно вырвалось у неё.

Фёдор перевёл дыхание, покраснел и с ходу брякнул:

– Замуж за меня пойдёшь? – и удивился своей смелости.

– Мне кажется, ты до того серьёзный, что у тебя всё на лице написано!

Она пристально всматривалась в него, чем вызывала у парня чувство неловкости: он супил брови и опускал глаза.

– Разве по мне это видно? – изумленно, чуть растерянно спросил Фёдор, боясь смотреть на девушку.

– Да потому и говорю, что вижу, как ты почему-то всё хмуришься?

– Не скрою, пожалуй, бываю всяким, в том числе и сердитым тоже. Но в тех случаях, если вижу несправедливость, чинимую властями...

– Да? А бить не будешь? – напрямки спросила она.

– Кто в этом сознается? Хотя говорят, что плохая жена этого вполне заслуживает, чтобы была послушней. Но у меня такое мнение не в чести.

На это Екатерина скромно отмолчалась и не скрывала своего прежнего любопытства к Фёдору, располагавшему к себе своим стремлением говорить начистоту. А он, как бы угадывая её сокровенное желание, продолжал:

– Отец мой бивал матушку – перекрестится, бывало, и кулаками лупасит по всем бокам. Я тогда был еще маленький и не понимал, за что он её так дубасит. Оказалось, из ревности... И ещё, я не признаю Бога. Это не большой порок?

– Зато мой тятка был смиренный, никогда не дрался, – ответила девушка доверительно. – Мать он очень любил, правда я его хорошо не помню. Когда он угорел, я была совсем ребёнком...

– Да-а, дела, – сочувственно протянул Фёдор без лишних расспросов и продолжал дальше: – А мой пропал на фронте...

Затем Екатерина угостила гостя душистым чаем, настоящим на липовом цветке, поговорили ещё о хозяйственных делах. А когда заехал зять тётки Пани, пора было отправляться в дорогу.

Фёдор тепло попрощался с молодой хозяйкой и её матерью, пообещал им прийти сам. На его слова Екатерина только неопределённо пожала плечами: мол, если нужна – приезжай. При этом ей показалось, будто он у неё испрашивал разрешения, ведь сама она его зазывать вовек не станет.

На следующий день Фёдор не пошёл в Кухтинку, он решил выждать несколько дней, чтобы улеглись чувства, испытанные в гостях у девушки, и понять: потянет ли его вновь к ней? А тут как раз с вечера надо было идти в дежурство на станцию, где на протяжении всей ночи

по наитию вспоминалось её милое лицо, от которого, как ему казалось, исходило какое-то врождённое благородство. И то, о чём они беседовали, оставило в памяти приятное воспоминание и вызывало тоску, и ему хотелось увидеть её вновь. Когда утром пришёл домой с дежурства, это желание во сто крат возросло и вызывало нестерпимое одиночество с накатами неодолимой грусти. Он даже не чувствовал усталости, хотя ночью на станции ему не удалось вздремнуть даже полчаса.

По задумчивому и озабоченному виду сына Ефросинья догадалась, что Фёдор решает для себя нечто чрезвычайно важное, и порой даже на неё, мать, смотрел ласковой обычно, словно вот-вот что-то должен у неё спросить или о чём-то посоветоваться. Но сама она опасалась затрагивать его сокровенное, так как иногда за его внешне грубым обращением с ней скрывалась довольно нежная и уязвимая душа. Его можно было вполне легко смутить неосторожным словом, и потому она боялась нарушать душевный настрой сына.

Когда Фёдор попросил мать достать ему из сундука выходную рубашку, Ефросинья бросилась тотчас исполнять его просьбу, не преминув смекнуть, с чем была она связана. Суетливо полезла в сундук, словно боясь, что сын передумает. Затем, пока у зеркала он брился, почистила его пиджак, а потом сын завтракал, и мать украдкой, пребывая в тихой радости, наблюдала за ним. И только когда оделся, матери сказал:

– В Кухтинку схожу... – и более ни слова не обронил.

– Сходи, а чего не сходить, – благоговейно и ласково ответила мать, провожая сына до ворот. Когда Фёдор пошёл улицей, она украдкой напоследок перекрестила сына на дороге, чтобы всё у него там получилось.

* * *

В этот день Фёдор познакомился со старшим братом невесты, Егором Мартуниным. Однако в разговор вступал с ним не столь охотно, так как тот ему не нравился своим несколько высокомерным и ухарским видом, что особенно проявлялось, когда пробовал навязать совсем не нужный для гостя разговор:

– Ну как ваша деревня живёт-может?

– Да как и ваша, – ответил Фёдор.

Егор удивлённо качнул головой, криво усмехнулся и как-то заносчиво откинул голову назад.

– Ясенько, – с гордым видом протянул он. – Своё большое хозяйство имеется?

– Немного пока, – ответил несколько скованно будущий зять, – а там увидим, что делать дальше.

– А что так? Надо определить чёткую линию, вот как у меня (Катя знает), всё наперёд расписано, как дальше вести дело: умножать или что-то другое затевать!

– Ой, лучше оставь свою линию для себя, Егорка, не всем быть такими, как ты, – недовольно бросила сестра.

– А что, разве моё дело плохое?

– Я это не говорю, да не все охотники до него...

– Федь, а ты ежели серьёзно надумал – не тяни! Мой совет: бери сеструху, баба она добрая, и вообще, в беде не оставит...

От этих прямых слов будущего родственника Фёдор сконфузился, покраснел; он был близок к нервному срыву, так как не любил, когда ему указывали, как и что нужно делать. Однако Екатерина, как бы упреждая назревающую ссору, хладнокровно обронила:

– В какое ты меня положение ставишь, Егорка, совсем с ума спятил! Лучше иди себе с богом, – и указала ему на дверь.

– Я тебя не ставлю, сама знаешь – засиделась, значит, того... пора.

Но тут вошла Мария Григорьевна, услышала окончание их разговора и шутливо стала из горницы выталкивать в спину назойливого Егора, при этом мягко его поругивая, хотя в душе, казалось, немало гордилась своим проворным и деятельным сыном.

А Фёдор с закравшейся грустью про себя подумал, что брат невесты и одет пофасонистей, чем он, и в горнице, где сидел он на венском стуле, обстановка намного приличней, чем у него дома. И втайне побаивался, что Екатерина за него не согласится выйти замуж. Конечно, он не брал во внимание слова Егора, который готов хоть сейчас отдать сестру за него, чем ненароком внушал к себе недоверие. Ведь он знал, что другие сородичи, знакомясь с будущими зятями, стараются понять их сущность, как бы с заглядом в будущее: чем будут полезны им, в состоянии ли они обеспечить дочь или сестру всем необходимым для счастливой жизни? А Егор хотя и поинтересовался что он, Фёдор, делает, но лишь с одной целью – себя расхвалить, и при этом старался не только его принизить, но, даже не считаясь с мнением сестры, был готов хоть сейчас отдать её – бери, и уходите с богом – и этим самым выказывал по отношению к ней полное неуважение.

Когда брат вышел с матерью, Екатерина, успокаивая гостя, спокойно заговорила:

– Не серчай на него, Федя, вообще-то Егорка добрый, а сейчас решил немного повоювать, это с ним случается.

– Да я уже не сержусь, пустяк, Катя. Вот сам думаю с боязнью: с охотой ли пойдёшь за меня? – и вновь его лицо покраснело, и его способность к искренности и совестливости пришлась ей по душе.

– Не буду скрывать: пойду, Федя, – вздохнула Екатерина и про себя подумала: с охотой ли она согласилась, не принуждает ли себя оттого лишь, что выпал последний шанс выйти замуж? И если даже так, тогда нечего думать. Конечно, Егорка от удовольствия будет потирать руки, что наконец отдал сестру, а за кого – не столь важно. Может, по нынешним временам не стоит осуждать брата, что не чаёт вытолкнуть её из родной избы? Однако когда давала жениху согласие, в своих словах она не находила фальши. А то, что вздохнула тяжело, так просто ей не верилось: неужели она скоро выйдет замуж, расстанется с матерью и с прежней их уединённой жизнью. Да, скоро это может произойти, и от сознания чего она неожиданно взгрустнула. А Фёдор услышал её вздох и втайне думал, что он, наверно, ей не мил, а согласие она дала ему как бы подневольно, под давлением тех обстоятельств, которые навязывал ей брат. Но тут же она снова дружелюбно улыбнулась Фёдору, и они, забыв про разговор с Егором, снова повели беседу, в основном о своих привязанностях и хозяйственных делах...

Глава 6

Ровно через неделю Екатерина была засватана. К тому заветному дню Фёдор приобрёл коня. Телега к нему стояла без дела в заду двора с тех самых пор, когда был ещё жив отец, который в голодный год продал лошадь и на вырученные деньги приносил хлеб и гостинцы...

Фёдор внимательно осмотрел телегу, подладил упряжь, смазал дёгтем колёса. Конь попался молодой, сноровистый, и не мудрено, что Фёдор к нему не сразу нашёл подход. Хотя всегда с любым животным любил разговаривать ласково...

Сначала он сомневался, правильно ли он поступит, если поедет к невесте на телеге, или лучше отправиться в Кухтинку пешком? Его колебание объяснялось обычным стеснением, которое владело им всегда в щекотливых ситуациях. Как-то у него появился новый пиджак, выменянный на зерно у одной старушки. Фёдор несколько раз надевал его и снимал, боясь показаться в нём на молодёжных гуляниях. В пиджаке он, конечно, не пошёл, надел свой привычный, хлопчатобумажный. Вот и сейчас поехать на телеге он не решился – побоялся предстать перед Катей большим хвастуном. В то же время всё его существо переполняло радостное чувство от великого желания укрепить в невесте веру, что отныне он теперь не безлошадный, что не зря она согласилась за него замуж, он станет для неё в жизни надёжной опорой. И действительно, обладание лошадью прибавило Фёдору веры в свои силы – отныне он полноправный хозяин и теперь его дела быстрее пойдут в гору.

Ефросинья смотрела в окно избы и видела, как сын крутился возле телеги, ставил коня, а потом опять уводил в сенник, где отвёл ему угол. Она качала в досаде головой и даже махнула ему рукой, дескать, что же ты сынок, теряешься, нешто мы хуже других? А когда увидела, как Фёдор, наколебавшись, запрягал коня в телегу, вышла на двор и заговорила:

– Вот и хорошо, Федя, давно бы так. Зачем шагать пешком к чёрту на кулички? Поезжай, поезжай.

Фёдор опять-таки из-за смущения не ответил матери, аккуратно положил на телегу пару охапок сенца в дорогу – пока он будет гостить у невесты, а Кобчик – так звали коня – мог бы на обратную дорогу как надо подкрепиться.

Он выехал со двора. Мать с гордостью в душе провожала сына до самой дороги, украдкой поглядывая на соседний двор Тимолиных: смотрит ли Дарья, как сын сейчас отправится в дорогу на своей телеге. Соседка, бывало, любопытничала, но на этот раз её что-то было не видно...

* * *

И вот настало долгожданное сватанье, накануне выпал глубокий снег; день выдался солнечный, морозный; скрипели деревья и плавно, словно задумчиво, раскачивались; всё кругом лучезарно искрилось. Радостно и тревожно было на душе у Фёдора: радостно, что погода стояла как на заказ и что скоро произойдёт важное для него событие, и тревожно, что решил круто изменить всю свою жизнь. И тут же ворохнулась отчаянная мысль: а что, если к его приезду невеста передумает? Но тут же успокоился, поскольку Катя казалась серьёзной девушкой, не склонной к легкомысленным поступкам. И вот в Кухтинку на санях, взятых на этот день у Ивана Макарова, но запряжённых своим конём Кобчиком, поехал с матерью и тёткой Паней к невесте и так волновался, что чем ближе к деревне, тем сильнее и упружей билось сердце.

Дорогих гостей встретили с жёнами братья Екатерины. Егор ходил гоголем: хромовые сапоги в гармошку, широкие брюки свешивались через голенища, чёрный пиджак, внакидку овчинный полушубок своей работы. Пока Егор встречал гостей посреди двора и провожал гостей к избе о чём-то шумно и весело гомоня вместе с приезжими, Епифан вместе с женой,

невесткой и матерью стоял на крыльце старой избы. Гости взошли по ступенькам, хозяева немного посторонились, и тут, на крыльце все постояли, потолкались, с удовольствием перекинулись с дорогими гостями шутками-прибаутками. Только Фёдору церемония сватанья показалась излишне канительной. Особенно он морщился, когда тётка Паня вела положенный в таких случаях церемониальный торг насчёт того, с какой целью они к ним пожаловали.

– А сюда ли вы завернули, не промахнулись ли? – бедово спрашивала Софья, сияя серо-золотистыми глазами.

– Ой, да как мы могли обмануться, – говорила задорно тётка Паня. – Ой, да нет же, купец не ошибся домом, в самый раз попал на свой шикарный товар и вот пожелал посмотреть, как живёт красна девица в терему своём.

Фёдор стыдливо отводил в сторону глаза, так как не любил пышных слов. От всего этого нарочитого с обеих сторон обмена шутками-прибаутками он ещё больше покраснел. Он был готов забрать суженую, поехать расписаться в сельсовете и навсегда перевезти невесту с приданым в свою избу.

И вот наконец гости с хозяевами чинно вошли в тёплую уютную избу, где зазывно дразнили обоняние пахучие ароматные кушанья. Перед приходом гостей Катя стояла возле горячего бока печи, а стоило услышать голоса входивших в горницу, она быстро отступила к окну с накинутым на плечи белым пуховым платком. На ней была новая нарядная цветастая блузка и чёрная расшитая красными цветами юбка.

До самого последнего момента она с трудом верила, что выходила замуж в другое село, отчего ей становилось жалко не столько себя, сколько мать, которая останется жить в избе одна. Ведь братья – ни тот, ни другой – к себе не возьмут её. А как высказала ей такую невесёлую мысль, она лишь печально улыбнулась и махнула обречённо рукой: мол, о чём горевать, как-нибудь доживёт свой век, только бы она, Катя, была вполне счастлива. И впрямь о том, что её ожидала одинокая старость, Мария Григорьевна не раз думала сама. Конечно, душа невольно обмирала, но при дочери, как могла, крепилась, а наедине лила неутешные и горькие слёзы...

Между тем сватанье прошло довольно весело и удачно. Егор рьяно наигрывал на старой гармошке, а Настя и Софья пели, старые женщины подпевали. Екатерина замечала: почему-то Фёдор даже песен смущался, и ей это было видеть очень чудно. Но ему ничего не сказала. Стол был уставлен сытной закуской, мясо было трёх сортов: и птица, и свинина, и баранина, а также салаты, грибы и разные рыбные блюда.

Екатерине было также интересно наблюдать, как её жених будет пить самогон, сильно ли он охоч до него. Как-то Егор пришёл к ним с четвертинкой, чтоб выпить с будущим зятем за знакомство. Тогда Фёдор ограничился всего одной стопкой, сославшись на неблизкую дорогу домой. И на этот раз стопку он разделил предусмотрительно на два захода. Зато её братья кидали за ворот не стесняясь, одну за другой, за что ей становилось очень совестно перед Фёдором, который не очень к ним тянулся, чем выказывал свою полную самостоятельность.

Между прочим, Настя и та выпила две стопки, не говоря о Софье, которая могла пить почти вровень с мужиками, поэтому Епифан не без грубости всегда одёргивал жену. Хотя в другой раз её не заставишь выпить ни в какую. Правда, Екатерина и сама не больно чтילה выпивку, лишь для вида всегда пригубливала...

* * *

А через месяц сыграли шумную свадьбу, пригласили соседей и почти всех местных и дальних родственников, за три дня до торжества Епифан ездил за тётками в Калугу и Москву, один день сперва гуляли у Екатерины, а два – у Фёдора...

После свадьбы Екатерина перешла жить мужу, перевезла к нему с Епифаном всё свое приданое. А Мария Григорьевна в одиночестве тужила по любимой дочери, отчего неотвратимо быстро старела – так на ветру скоротечно сгорает костёр...

Особенно трудно дался ей первый год после замужества Катюши, несмотря на то что под боком жили сыновья с семьями. По младшей она тужила потому, что последние три года они жили вместе. И вот лишь по воскресеньям Екатерина только и могла навещаться к матери то одна, то с мужем. И когда приходили сыновья с жёнами и детьми, дочь Нюта с мужем, всем было несказанно весело. В такие дни Мария Григорьевна даже молодела. И хотя мать дочерям не жаловалась на свою сирую жизнь, Екатерина сама видела, когда от неё они уезжали, какая-то затаённая грусть пряталась в её уставших глазах, и это невозможно было скрыть. А иной раз у неё слёзы застывали на веках, точно капли росы на землянике.

Оставаясь одна, Мария Григорьевна предавалась своим воспоминаниям, перебирала в памяти всю свою нелёгкую жизнь от времён своих родителей и до последних дней с мужем, с которым, собственно, было жить совсем не маотно, несмотря на его подчас частые выпивки. И потом суровые годы войны и ожидания с неё сыновей; радовалась, как они споро строили дом и поженились и отошли от неё. Когда отдавала старшую дочь Нюту в соседнее село, она так не горевала, как по младшей. Может, потому, что Нюта жила самостоятельно уже больше десяти лет. На свадьбе сестры она уже была почти на сносях третьим ребёнком и вскоре родила сына Валька. На первых порах Мария Григорьевна ездила к дочери проведать внуков и радовалась, что они были здоровы и крепки, а потом сама стала прибаливать и было не до поездок даже к младшей...

И вот всё ушло – осталась она совершенно одна-одинешенька. И такие же изменения уклада жизни коснулись почти каждого подворья уже при новой власти, которая отобрала и порушила церкви, испоганила и запретила веру во всё чистое и святое...

А потом через год, через два и у Екатерины с Фёдором появлялись дети. И год от года их хозяйство крепло, стали наконец держать две коровы, подворье чуть расширили, выстроили ригу и ток. Часто излишки продуктов продавали на рынке в городе и оттуда привозили промышленные товары, а детворе – гостинцы. Была ли она за все годы единоличной жизни вполне довольна и счастлива с мужем? Вроде прошло немало от свадьбы – шесть лет, и к началу коллективизации у них было уже четверо детей. Однако она до сих пор не может его понять, что он, в конце концов, за человек? Особенно он ей нравился, когда был ласков и с ней, и с детьми, когда неустанно трудился, не жалея себя, и на работе и дома. И тогда бы она его беззаветно любила, и её чувства во сто крат были бы сильнее, если бы ни с того ни с сего он не поднимал крик, после которого ей казалось, будто через её сердце пронёсся опустошительный и страшный ураган. Поэтому вся жалость и любовь к нему тотчас пропадала напрочь. И прежняя любовь к мужу, как привянувшее от зноя растение, с трудом оживала даже под влиянием его ласк. А его заботы о семье воспринимались настолько обыденно, что ею уже даже не замечались, ведь в окружении детей жизнь так и должна идти.

Как известно, Фёдор никогда за ней не ухаживал в том привычном значении, когда провозают с гуляний и вечёрок, у ворот напоследок не целовал... И что всего этого не было, она вовсе нисколько не сожалела. Зато впоследствии настолько к нему привыкла, что теперь даже не могла себе представить на его месте кого-либо другого – впрочем, даже не манилось. Также её не смущало и то, что муж не умел ни петь, ни танцевать, ведь, в сущности, она сама такая же. Правда, что греха таить, иногда было неловко, что оба они – как два сапога пара, отчего Екатерина только в праздники и досадовала на Фёдора, мол, хотя бы он умел. Вот поэтому на гулянках, чтобы пред людьми не так было стыдно, она всегда подсаживалась к Насте, и как та заводила песню, начинала напевать следом за нею, чтоб хоть своим неумелым пением как-нибудь оправдаться перед честным народом и за себя, и за него. Настя была на редкость голосиста,

любую песню вела замечательно, а Екатерина своим слабым голосишком не шла с ней рядом ни в какое сравнение – как в тени у светлого ручейка...

Ко всему прочему Екатерина могла даже погордиться, что за все годы совместной жизни Фёдор не только её не ударил, но даже пальцем не тронул. И потому своим миролюбием и мягкостью муж вполне мог послужить хорошим примером Епифану, не раз бывшему свою Софью лишь за то, что жена порой разговаривала с чужими мужиками, в то время как домашняя работа стояла. Екатерина же хозяйничала по-своему, поддерживая в жилище безупречную чистоту. Фёдор крайне не любил, когда его вещи лежали не на месте. Но она забывала о его привычках, и поначалу он мягко напоминал ей о них, а потом, видя, что жена хочет приучить его к своему порядку, уже не стесняясь подымал истошный крик:

«Сколько раз я говорил: не убирай с печки кiset!»

На первых порах супружества она наивно думала: Фёдор такой сдержанный, что вовек не услышит от него слова дурного. Однако когда люди начинают совместную жизнь, первое время они вообще стараются избегать ссор. А потом, когда срок привыкания друг к другу удачно закончился, супруги думают, что теперь им простятся любые дурные выходки и можно больше не скрывать свои недостатки.

И вот у кого-то из супругов начинает проявляться природный характер. Ведь было же вначале: подала горячую пищу – он не кричал, а просто встал молча и с хмурым лицом вышел из горницы. Непонятный поступок мужа вызвал у неё недоумение: может, ему не понравилось её варево? Но свекровь разъяснила причину его внезапной обиды, и тогда она вполне успокоилась, вышла к мужу в сени, извинилась, обещав больше горячую пищу не подавать. Правда, свекровь и после напоминала ей об этом всякий раз и даже поучала:

– Слышь, Катерина, Федя не любит чересчур горячие щи, так ты ему к приходу-то со службы остужай.

Наказ свекрови было нетрудно запомнить, однако иной раз забывала; Фёдор обжигался щами и убегал в гнев прочь. Тогда подходила свекровь, наклонялась перед невесткой и незлобиво её укоряла:

– А рази я не то тебе говорила, а-а? Нешто не верила всё, так удумала шутейно проверить?

– Ой господи, да о чём вы, матушка, какой там проверяла! Да забыла, поверьте, просто забыла, ведь я сама люблю горячие щи! – сокрушённо оправдывалась без обиды невестка, но больше в досаде на себя, чем на мужа.

– Но ты-то по себе не меряй...

А после это его терпение уже пропало, бывало, так громозвучно полоснёт «боговой матерью», что от одного его звонкого крика куда бы сбежала. Ну ладно, если обругивал, что подавала чересчур горячую пищу, а ежели, к примеру, не успевала выстирать его любимую гимнастёрку, в какой ходил на дежурства? Почему-то он не в силах был понять простого: ведь на её руках – четверо детей мал мала меньше и по горло занята работой: и дома и в поле...

К своим нарождавшимся детям Фёдор не подходил почти до тех пор, пока они не начинали ходить. И потом не было дня, чтобы он их не понянчил, и всегда что-либо приносил из гостинцев с дежурства на узловой железнодорожной станции – то сахарок, то конфетки, то печенье – и всем раздавал поровну: Нине, Дениске, Борику и Вите...

Глава 7

Егор Мартунин довольно успешно развивал своё надворное хозяйство, с каждым годом увеличивалась отара овец. Через четыре года он уже имел две лошади, две коровы, два поросёнка и несчётное количество домашней птицы. А овец было больше, чем у самого Степана Горчихина, крупного, плечистого мужика. Но зато у того – с десяток коров да лошадей штук пять, не говоря уже об остальной несметной живности. И другие сельчане тоже зажили неплохо.

Конечно, за Степаном Егор особенно не гнался, так как у него была своя намеченная цель, и потому землю он обрабатывал не с прежней охотой, как раньше. Теперь ему было обременительно пахать, сеять, жать, обрабатывать культуры. Но без этого важного для селянина труда никак не обойтись, без хлеба ни за что не проживёшь. Земельный надел с братом у них был, как и раньше, один на двоих, чтобы его можно было сообща легче обрабатывать. И все-таки от полевых работ Егор порой отлынивал или в крайнем случае строго переказывал Насте не уклоняться от помощи Епифану, которому ремесло старшего брата только неприятно досаждало, из-за чего тот нарывался на скандал. Но он вовремя находил предлог уехать в Калугу, где у тамошнего выделщика кож учился выделке овчины.

Епифан подчас не замечал хитрости брата, но его действий в освоении скорняжного ремесла полностью не одобрял, потому что как артелей, так и коммун Егор сторонился, считая себя вполне способным обойтись без такого членства, живя на особинку. Вот ежели бы Епифан не состоял в лесничестве, тогда он непременно вступил бы в артель или коммуну по выделке из конопли пеньки и крутил бы из неё канаты и шпагаты. Между прочим, он тоже по-своему считал своё дело лесника поглавнее других, словом, каждому ближе было своё предназначение.

А Егор и впрямь всё откровенней и уверенней проявлял себя этаким прижимистым и грубющим всё и вся под себя хозяином. И не мудрено, что многим в селе его хватка нравилась, да только не всем она была по плечу и потому вызывала зависть.

Бывало, Епифан под хмельком, но, правда, не столь злобно прозывал брата «кулацким элементом», которого пора к ногтю, как врага всех бедняков. По совести говоря, к тому имелись у брата скрытые мотивы. Епифан исподволь чувствовал, как Егор понемногу налегал на него, пока делая ещё несмелые, как бы разведывательные попытки вытеснить вон из его половины. И действительно, однажды в бражный день присоветовал брату срубить с его, Егоровой, помощью избу, на что он готов даже выделить денег, а потом с его кровной братской поддержкой они быстро возведут хоромину. Старая же половина дома брата перейдёт к нему. Ведь он, Егор, желает расширить свое подворье, у него овец теперь много, шерсти скоплено порядочно, уже наловчился овчину выделывать. Да так, что любой скорняк ему позавидует, и тогда он наладит шитьё тулупов, в чем тоже понемногу приобрел должный навык, и дело его закрутится с новым размахом. А в тесном закутке старой избы уже не развернуться, чтобы организовать и оснастить мастерскую под пошив тулупов и полушубков, которые будут иметь несомненный спрос и станут его основной доходной статьёй. Недавно смастерил пробные, возил в город на продажу и увидел, что это вполне надёжное и прибыльное ремесло, а если его наладить с умом и с настоящим размахом, тогда можно жить припеваючи...

Для начала своего дела Егор объездил город, достал почти новую швейную машинку немецкого производства, да одной стало мало – съездил ещё в Москву и у одного нэпмана выторговал в обмен на хлеб в придачу с деньгами: «Вот сучье вымя, ему ещё и хлеб подай, а сам же его хлебушек втридорога продаст, нэпманы все пройдошливые. Из воздуха могут делать деньги. Вот, пожалуй, у кого следует поучиться оборотливости и смекалке». За машинку ему пожертвовал чуть ли не весь запас хлеба, а себе оставил на пропитание с гулькин нос. Жена Настя как увидела проделку мужа, так чуть в обморок не упала. Егор сначала было прикрик-

нул на глупую бабу, а потом проникся жалостью и стал бедную жену успокаивать, чтоб в себя пришла. И после, когда объяснил ей своё дело, кажется, она прониклась его верой и больше ни в чём мужу не перечила.

А спустя время посадил за машинки свою жену и братнину, Софью, дабы начали шить выкроенные им полушубки. А крою научился довольно примитивным и неловким способом, для чего пожертвовал личным тулупом – распорол его по частям, как он некогда был сшит умелым мастером. Затем прикладывал на картон эти части и по ним вычертил кройки, и вот они готовы. Потом сшил тулуп заново, уже вручную, когда у него ещё не было машинок. И теперь тулуп, сшитый некогда ладно, было невозможно узнать – прежде всего взгляд поражали неровные, неуклюжие швы. Одна пола стала почему-то несоразмерно длиннее первой, а один рукав короче второго. И спинка сзади по кокетке перекосилась, но вполне носить его ещё можно. Живёт же иной человек после ужасного ранения, когда его приходится сшивать практически заново. На таких Егор вдоволь насмотрелся в лазаретах в германскую и гражданскую.

Словом, научившись кое-как крою, теперь он ходил довольный, потирал ладони, испытывая удовольствие от обретенного прибыльного ремесла. А скоро жены – его и брата – в охотку взялись за пошив. При этом, правда, Егор видел ревнивое недовольство Епифана, что приобрел к своему рискованному ремеслу его жену. А у Софьи прямо-таки глаза загорались, когда, наскоро справившись с домашними делами, она собиралась на его половину. Однако сколько Епифан её ни ругал и даже руку прикладывал, стоило ему податься в лес на свой охраняемый кордон, как она, словно заговорённая, всё равно уходила, накрепко привязанная к затее брата, чем больше всего распаляла в нем ярый гнев.

– Ты вот что, Егорка, кончай жинку манить к сабе, – как-то не утерпел Епифан, накинулся на брата. – Она все свои дела запустила, тараканов развелось – тьма! Да, из-за твоего ремесла, мне оно больно надо?

– Ладно, ладно, братан, не злись, ещё один денёк, и баста, обещаю её не звать, – и при этом весело похлопывал брата по плечу.

Однако неумная Софья в свободные часы продолжала пропадать на половине Егора, тем самым помогала подвигать его ремесло, а за детьми присматривала свекровь и порой защищала невестку:

– Да чаво ж ты её ругаешь, она же к делу приучается?

– Ох вы умники нашлись, а за скотиной кто будет смотреть?!

* * *

И вот однажды пригласил Егор к себе на чарку Епифана, связывая с этим давний свой умысел, от которого брат раньше без конца отказывался. Но у Егора теперь возникло поновей предложение. Он уверенно достал из поставца бутылку самогона-первача. Настя загодя выставила на стол закуску: солёные грибки, с мясом паренную картошку, солёные огурчики. Егор сразу бухнул по большому стакану ядреного первача. А когда залпом с выдохом выпили, потом закусили, Егор сложил перед собой на столе чинно руки с грубыми, толстыми от работы пальцами и, чуть навалившись на край стола, затеял откровенный разговор, мотивы которого Епифану были знакомы по предыдущим встречам. Но сейчас, видно, подход был совершенно другим.

– Ты, братан, на меня не сердчай, я тебе никакой не фабрикант и не эксплуататор твоей жинки, а попросить для себя считаю необходимым, учитывая, что стоит пока зима. А для меня, сам знаешь, время крайне важное, чтобы товар шёл с ходу, одним словом, сезон, а летом я и сам понимаю: земля властно зовет, то да сё, а зимой можно, и ты не сердчай на меня. Не за так же я прошу Софью, рубль какой дам завсегда и прочее...

– Да мне-то чаво, – замялся Епифан, добревший, когда его угощали и таким образом перед ним расшаркивались, а почтение к себе он был готов выслушивать бесконечно. И между тем брату в ответ сам говорил тоже откровенно, ведь перед ним не чужой ему человек, таиться нет никакой причины. – Пойми, Егорка, от людей стыдно. Ты ведь и сам небось слыхав, как тебя костерят по деревне, фабрикантом погоняют. Но не я, запомни, не я! Как тебе иной раз спьяну покажется, – Епифан отвернулся, глянул в окно, словно оно должно было ему подсказать, что упустил в своей речи. – Я ж не дурак, всё понимаю, что к чему. А Софья всю домашнюю работу запустила, ворох вечно грязной посуды, в хлеву у коровы не чищено, даже скотину держит голодной, хорошо хоть мать помогает...

– Да мне-то что люди, тебе-то чего стыдно? – перебил Егор нервно. – Какая несусветная глупость, – возвысил он голос, краснея от внутренней ненависти на празднословивших о нем людей. – На каждый роток не накинешь платок! Завидуют, я так тебе скажу. Вот отседова и треп идёт, вот и мелят отседова, а ты чё же слушаешь? Я тебе это говорю уже не впервой, а у тебя скверная манера слушки подбирать...

– Что-что подбирать? – перебил Епифан, глядя осоловелыми глазами.

– Повторяю: привычка скверная слушки подбирать, братан, и подлая!

– Позволь, а что мне слушать, я ничего не подбираю? – возмутился не на шутку брат. – Ты лишнее не городи, не городи, Егорка! Моё дело лес стеречь, вот это я исполняю, а по-твоему, что же, о тебе будут молоть чёрт знает что, а мне равнодушно внимать али прикажешь в ус посмеиваться? Эх, братан, от молвы не схоронишься, не убежишь, она всегда, как стервятник, над нами кружит!

– А мне некого опасаться, нешто я кого-то убил али украл шкуры и шью? – взъярился Егор, покраснев от шеи до висков, стукнул кулаком по столу, отчего задрожала, зазвенела посуда. – Или твой лес тяну?

Настя была с детьми в другой горнице, обе девочки, смеявшиеся там, после выкрика отца враз притихли.

– Егор? – заглянула в приоткрытые двери жена. Но муж сердито махнул рукой, мол, скройся, не до тебя тут, разговор такой, и она снова притворила двери.

– Он государственный, – между тем хмуро поправил Епифан.

– Ну государственный, дак и что из этого? А кто умеет, тот тянет и казну. Конечно, я тебя к воровству не призываю, сам не люблю бесчестных. Да и много от твоего леса пользы? – спросил Егор, как будто до этого не слышал слов брата. Хотя в душе он признательно отметил желание Епифана не только печься о своём лесе, но и делал попытки всячески уберечь его подчас от злой людской молвы. Но ещё и потому, что брат таил на него ревнивую обиду из-за своей жены, бегавшей к нему шить тулупы чуть ли не вприпрыжку. Собственно, потому и бежала, что этот труд ей пришелся по сердцу. Он и платок ей привёз втайне и от брата, и от своей жены...

– А то мало, что ли? – обиделся Епифан.

– Знаю, лесу у нас много, – продолжал Егор, подбираясь к главному. – За границу его много уплывает, как и нашего хлебушка. Да, там его отрывают, лес-то, с руками, а нам только на строительство и надоть... А почему бы тебе избу или хоромину не отгрохать, ведь сам в лесу хозяин? – как бы давал совет, забыв свои недавние слова, касавшиеся хищений, и продолжал, выйдя к заветной мысли: – Ты вот, братан, послухай, чё я хочу от тебя, – и темно-серыми глазами прицельно уставился на брата. Его округлое красивое лицо не могло не нравиться бабам, потому Епифан про себя считал, что и Софья могла тайно быть влюблена в брата, и оттого он и злился. Рубаха у него на груди была вальяжно распахнута, оттуда форсисто лез обильный волосяной покров, и Епифан услышал: – Есть у меня золотая мыслишка. Как ты на это посмотришь, коли подамся я на жительство в город. Само собой, куплю дом, открою мастерскую, кхекхе, – от волнения Егор закашлял. – Ты тута будешь, значитца, овец разводить, ну а мне нач-

нешь поставлять овчину. Кожи выделывать ты не будешь, это моя часть, сам справлюсь. Вот это дело, а что твой лес?! – воскликнув, закончил он.

Епифан раздумчиво, умно посмотрел на брата, при этом его длинная шея как-то вжалась в плечи, как у черепахи при опасности втягивается в панцирь голова. Потом, покачивая с недоверием головой, скептически изрек:

– И кто тебе позволит так вольно распоряжаться? Это же буржуизмом пахнет?

– Чем пахнет? Буржуизмом? Так у них были заводы, фабрики, это всем известно! А что ты узрел во мне буржуизм, я не знаю! – досадно и вместе с тем с возмущением вырвалось у Егора, у которого тут же возник отчаянный порыв доказать своё. – Ах, братан, как ты скор на расправу, не понял мою мысль! По-твоему, я нэпман, что ли? Вот кто истинно бывшие буржуи, и то нонче им вон какая воля дадена, а я всего-навсего крестьянин, – он помолчал, прибавив: – А ежели на то пошло, они жили припеваючи и тогда и вот теперь жируют, а нам почему-то нельзя? Я так скажу: теперь пришёл наш черёд, нешто зря делалась революция, чтоб они снова жили, а мы им прислуживали?!

– Да это и так всё ясно, нэпы, говорят, пока на время. Вот погоди, уже слыхать – погонят их взащей. А революцию, знамо, делали, чтоб не было ни бедных, ни богатых.

– Тогда, по-твоему, кто же должен быть? Ведь от веку были и те и другие? – возразил Егор.

– Ну были, а таперя не будет, всех уравниют!

– Смешно мне это слушать, как прямо в сказке... Я вижу саму жизнь и сказок не хочу. Так вот что хотел я сказать: нэповцы сами по себе, а я сам по себе. С них пример взять можно, а я не беру, я советскую власть дюже уважаю, своей признаю, не зря за нее воевать довелось! – напористо стоял на своём Егор и говорил быстро: – Никакого вреда я не принесу, ежели, всегда буду ремеслом владеть. Какой в том вред, ты ответь мне? А-а, то-то, окромя пользы, ничего вредного не вижу!

– А вот погоди, как зачнут в колхозы народ агитировать, так дадут тебе и мастерскую и всё прочее. Смотри, чтоб на Соловки али в Сибирь не умыкнули. Это тебе большевики зараз сотворят, и не глянут, как ты воевал за советскую власть. Да ещё взыщут, ей-богу, почему раньше всех дома оказался...

– Так и что из того, надоело кровь людскую лить. А поступили ба так другие, как я, тогда ба её меньше напрасно пролилось ба... А я, учти, не кулак, не враг подавно, мой дорогой братан! Я верно рассуждаю, от имени самой жизни! Вреда я не чинил и не собираюсь, а ты меня, иначе, не знаешь. Я хочу жить свободно, кто мне это запретит? Советская власть? Но ведь она выражает наши кровные интересы!? Вот и я буду одевать народ от её имени, это вся и есть моя социалистическая резолюция.

Егор приосанился, расправил плечи и всем своим обликом говорил, что он полностью прав, и был твёрдо убежден: так должны понимать его и представители власти. Он быстро налил по второму стакану, пододвинул один брату, предлагая выпить. Когда выглушили опять по полному, долго молча закусывали, как бы переваривали всё услышанное друг от друга. Даже Настя выглянула в изумлении из горницы: мол, отчего стало так тихо?

Епифан и вправду обдумывал речь брата. В общем-то, слова он говорил правильные, однако же душа их не принимала. Не мог он их разделить, ибо заключали в себе нечто чуждое к нарождавшимся событиям к весне 1928 года...

– Скажи, братан, чем одевать станешь? – вновь заговорил Епифан, резанув надтреснутым голосом скопившуюся тишину в горнице. И Егор несколько в растерянности поднял на брата осоловелые глаза, без того острого блеска, с каким он ещё недавно доказывал ему свою позицию. – Хозяйство-то поди заберут в коммунию, то бишь в их колхоз?

– А что? Ты всё ещё веришь этим слухам? Лучше скажи, как можно у людей отобрать нажитое своим горбом? – яростно крикнул Егор, вытаращив свои тёмные глаза, сверкавшие

снова в гневе после короткого затишья. – Помещики наживали богатство нашими горбами, есть разница?

– Обобществление зачнут проводить, а тебе мерещится грабеж, – спокойно и взвешенно ответил Епифан, поводя устало плечами.

– Что-что? Это что за явление такое? – удивлённо протянул Егор. – А я вот не пойду в колхоз, туда силком на аркане не потянут? Я уже слышал о добровольном начинании колхозов. Вот что мне и может померещиться, ежели начнут силу применять против всех тех, кто не желает надевать подневольное ярмо...

– Так то, что ты слышал, – забудь, братан! Вон у наших соседей-матюнинцев, —слыхал что делали с теми, кто в колхоз не захотев? Сопротивленцев записывали в кулачий элемент – и на выселение! Я бы, Егорка, не советовал ёжиком иголки выставлять. Все пойдут —и ты иди! Народ повалит, нешто ты отстанешь? Так тебя мигом к врагам причислят, это как пить дать!

– Да погоди, то ж они хотят эксперимент с колхозом провести. А меня записать никак не могут, я им вовсе не враг! Работников никогда не содержал. Вот Степка Горчихин – тот всегда был кулак, от веку на него батрачили, и рыло его само за себя говорит... А я своим горбом вкальваю, пальцы да ладони уже, почитай, стали как железные. Погляди! – и резко вытянул руку к брату. – Ты думаешь, их колхоз так и нужен всем? Не верю, все думают точно как я, а ты меньше бы паниковал. Лучше скажи, готов поддержать моё начинание? – он испытывающим взглядом колол брата.

– Должен знать: не поддержу! – и как-то потерянно отвернулся Епифан оттого, что не уважил Егору, и, не глядя на брата, продолжал: – Не сердчай, Егорка, прямо говорю: боюсь! Может, и паникую – согласен, да и дело у меня егерское неплохое, люблю свою работу. А за отказ не сердчай, время придёт – поймёшь сам, что круто заблуждался, – при этом он коротко с сочувствием глянул на брата.

Между тем Егор продолжал искренне верить в своё начатое дело и собирался его расширять, улучшать не с каким-то там вражеским умыслом, а с добрыми намерениями, для пользы народа. Как он мог не уважать советскую власть, которая дала людям, вечным беднякам, землю! Никогда они столько овец не содержали. И вот настает лучшее время, так что только успевай поворачиваться, налаживай общую новую жизнь!

Глава 8

Антип Бедин года на два-три был моложе братьев Мартуниных, с которыми в детстве и будучи постарше находился в периодической вражде. Он норовил подчинять своей воле ораву пацанов и приучал их ненавидеть богатых, которые угнетали простых людей. Егор и Епифан Мартунины не входили в его шкодившую когорту, после смерти отца они рано вступили во взрослую жизнь и честным трудом зарабатывали на жизнь. Казалось, Антип должен был за это их уважать, но сердце зудело: «Не хотят быть со мной заодно, – думал он с обидой, – деляг из себя строят, а сами такие же голодранцы, как и я».

Больше всех Антип невзлюбил самодовольного Егора. Но однажды Антип помирился с младшим Мартуниным, только потому, что Егор не ладил со Степаном Горчихиным, который в селе считался самым богатым. К тому же разводил породистых голубей, к которым Антип давно вожделенно присматривался, и ему очень хотелось хоть в этом разорить кулака-миро-еда. И вот Антип подговорил Егора залезть на голубятню Степана. Они утащили несколько пар самых лучших и продали в другом селе. Антип полагал, что после этого Егор не отстанет от него, но тот откололся. Антип делал ещё попытки увлечь того на свою сторону, чтобы и дальше устраивать совместные вылазки ко всем тем, кто норовил жить с размахом. Но все попытки оказались безуспешными, ему так и не удалось подчинить Егора своему влиянию и тогда он ещё больше прежнего разозлился на него...

Когда грянула революция, Антипу шёл восемнадцатый год, потом он лихо воевал в гражданскую и за эти суровые годы напрочь возненавидел богатеев всех мастей...

Степан Горчихин, как и многие тогда, где-то долго пропадал, но вскоре после окончания гражданской вдруг объявился. Его родители, дожив до преклонных лет, померли. Он с ходу женился на дочери менее, чем он, зажиточного мужика Селифана Пряхина, сел на хозяйство, и с небывалым размахом начал его подымать из запустенья.

Антипа тогда поставили председателем волостного сельсовета, он долго присматривался к бывшему богатому подворью кулака, как год от года оно возрождалось и крепло. Правда, теперь на Степана никто не батрачил, он твёрдо усвоил законы советской власти. Но для Антипа он нисколько не утратил своей прежней сущности классового врага...

У Антипа была ещё жива старуха-мать, да в городе старшая замужняя сестра, и больше никого у него не было. За его многолетнее отсутствие двор запустел, оброс травой, хотя у них отродясь никогда хозяйства не водилось – одни куры да при дворе огород. Его отец был непробудным пьяницей, рано умер, мать часто болела. Антип рос как трава на лугу, по хозяйству совершенно ни к чему непригодный. Однако, женившись на девушке из дальней деревни, так как местные его упорно избегали, по просьбе жены Фёклы он завёл корову. Будучи партийным, стал работать в сельсовете председателем. И свою деятельность власть предержащего начал рьяно с того, что произвёл скрупулёзную опись имущества и скота на каждом подворье. Потом такие описи он наладился проводить чуть ли не ежегодно, а иные дворы, с крепкими заплотами, он держал на особой заметке. И по два раза на год захаживал проведать ретивых до богатства хозяев, к которым относился всем известный Степан Горчихин, которому Антип говорил, как бы того страшая:

– А к тебе, Степан Никифорович, я б каждый дёнь заглядывал, дюже твоё кулацкое хозяйство разбухает, как на дрожжах. А увижу работников, тогда гляди... увеличу налог в пять раз.

– Коли есть дорога – заходи, Антип Сергеевич! – посмеивался председателю нагло Степан и добавлял: – А что, посидим да поговорим за чаркой, разве не так баю? А у меня водочка, должен заметить, чистейшая – самогона не держу!

– Ты это того... не сули мне, а налог чтоб уплачен был точно в срок.

– От этого я никогда не уклонялся, ведь хорошо это знаешь, Антип Сергеевич!

И когда тот удалился, Степан думал про себя: «Чёрт голозадый, дал бы мне господь старое время, я бы из тебя веретено сделал!»! К тому же давняя кража голубей была на совести Антипа, о чём Степан догадывался, ведь многие тогдашние зажиточные хозяева страдали от ночных налетчиков, но за руку их так и не поймали...

И сейчас Степану было за что злиться на Антипа: не проходило месяца, чтобы на его двор не прислал бумагу с повышением продналога больше прежнего на любой вид продуктов.

В особый список Антипом было внесено также и подворье Егора Мартунина, – собственно, председатель повышал налог всем тем, у кого прибавлялось хозяйство, поэтому эта чаша не миновала и Егора.

С тех самых пор как Антип Бедин повёл непримиримую борьбу в отношении зажиточных подворий, среди своих сельских людей он быстро заработал невыгодную для себя репутацию. Однако все к нему относились с боязливым уважением, а крепкие хозяева его свирепо ненавидели.

– Не имеешь права! – махали ему в спину, когда он сообщал о набавлении налога. – Это самоуправство, будем жаловаться в район! – и слали старательно бумаги районному начальству, а то и самому высокому. Но всякий раз их жалобы возвращались обратно в сельсовет с указанием тамошнему председателю разобраться на месте. Тогда Бедин вызывал отъявленных жалобщиков и, как он выражался, проводил политбеседу, показывая письменное распоряжение вышестоящих властей о создании списков кулаков, середняков и бедняков. После чего Антип, к своему удовлетворению, отмечал в глазах челобитчиков немой, застывавший страх. И таким отрезвляющим образом действовала на людей необходимая ему директива, что потом иные начинали перед ним лебезить...

Но прошло несколько лет, к его выходкам народ привык, что бесполезно было на него жаловаться, видно, в районе все такие. Ставят по себе извергов, чтобы было легче управляться. Вот и уезды заменили районами, волости упразднили, а что-то ещё придумают. На то она и новая власть, рассуждали старики.

Однако Егор был одним из тех, кто не жаловался на самоуправство своего бывшего детского неприятеля и не питал к нему лютую, непримиримую злобу. Даже и после того, как узнал, что Антип записал его в число зажиточников, непосредственно примыкавших к классу кулака, чтобы он непременно это хорошенько усвоил себе на будущее, коли не будет перед ним смирен и покладист. Но это только заставило Егора всерьёз задуматься, он затаил на Бедина обиду. А в свой черёд, Антип тоже с новой силой не взлюбил Егора лишь за одно то, что тот так рьяно вёл своё хозяйство. Таким образом, давнее к Егору враждебное отношение отныне замешалось на классовой ненависти, и, конечно, не без зависти, особенно когда до него доходили слухи о ремесленнической хватке недруга, с чем в один прекрасный день к нему и пожаловал:

– Ну что, Егор, говорят, держишь мастерскую? – спросил Антип и жадно разглядывал его все надворные постройки, причём давно уже косясь недобро на дом, стоявший внушительно под железной кровлей.

– Да брешут люди, вот как заведу, так сам скажу! – ответил самодовольно Егор. – Нового у меня, Антип Сергеевич, ничего не завелось, – многозначительно улыбнулся, как бы поддразнивая заместника местной власти.

– Нету, говоришь, а жену в полушубок одел и сам ходишь почище кулака, может, и мне удружишь, тогда буду к тебе ласков? А то нашлю из финотдела инспектора, и пришлют денежный налог, понятно? Да и дом у тебя – целый дворец! Но это опосля поговорим, а пока на него особый налог присылать стану...

Это было ещё во время первых шагов Егора на поприще его скорняжного дела, и он ещё мог говорить с представителем власти посмелей.

– Дак что же моей жинке, зимой голой ходить? Завидовать, Антип Сергеевич, нехорошо и упрекать меня домом и страшать не надо. Нэповцам в городе можно всё, а мне нельзя попробовать? Ты же знаешь лучше меня, я и в подметки им не гожусь.

– В городе пусть как хотят делают, там свои власти, а в деревне истинно моя власть, и никаких мастерских, только поскотина, земля, ток, рига, вот что должно занимать крестьян!

Выслушивая отповедь, Егор наморщил лоб, нахмурился и отмахнулся, как от назойливой мухи, не желая выслушивать бред учредителя своих порядков. Вот точно так Антип верховодил в детстве над мальчишеской мелюзгой, устанавливая свои правила повиновения...

С какого-то времени (а уж с какого, теперь никому неизвестно) об Антипе Бедине по селу стали ходить порочившие его слухи, будто бы к нему домой по вечерам иногда заходили Степан Горчихин и некоторые зажиточные мужики, что от них он получал мзду, после чего все они платили продналоги чуть ли не со всеми наравне, а то и вовсе как бедняцкие хозяйства. Никто не знал, насколько были достоверны эти слухи, но в их неопровержимую подлинность почему-то верилось с трудом. И вместе с тем никто не сомневался, что мужики знавали вечернюю дорогу к жиденькому подворью Антипа (в это можно было легко поверить), так как председатель сельсовета стал частенько выпивать. Хотя он закладывал еще и по другой причине, – жена Антипа Фёкла за четыре года совместной жизни еще ни разу не рожала. А удрученного от этого супруга брало горе, что он любил её, а она вот такая оказалась бесплодная. Впрочем, он мог вполне спутаться с другой бабой, если бы был уверен, что это не повлияло бы на его партийную карьеру вплоть до исключения, чего он боялся больше всего. Вот и оставалось лишь прикладываться к самогону, слабость к которому особенно обнаружилась, когда начали гурьбой подносить магарычи. Ведь как-никак ему тоже надо жить, но тихо, дабы не пошел гулять по деревне (и дальше) нежелательный звон...

– Что же ты с ними пьёшь? – спрашивала в досаде жена. – Они же того и ждут, чтобы тебя скovyрнуть...

– И ты тоже, гадука, ждешь? – он замахивался кулаком, но она отступала. – А что же мне на тебя, яловую, трезвым смотреть?! – он падал на пол в пьяном изнеможении.

И в другой раз, пребывая в отчаянии, он так же напивался, ругался с женой, судомил её кулаками в спину, а она, чувствуя за собой вину, отвечала ему редко или вовсе от испуга молчала, а потом и совсем перестала призывать к совести.

Наутро за завтраком он был молчаливым и уходил в сельсовет.

Помнится, ещё Мария Мартунина своей дочери называла Антипа кандидатом в женихи, правда, следом приговаривала:

– Ленив Антипка, а парень так хорош, но ленив больно, – и прибавляла: – И вот отец у него был такой же шабутной, только бы гулял цельными днями да бродяжничал...

Екатерина и сама знала, что Антип был не прочь приударить за ней, хотя почему-то её отпугивали его военные галифе и походка праздношатающегося бездельника. Невольно вспоминался ей такой же праздный сын купца, у которого она некогда служила горничной. Вот и в Антипе за версту было не видно хозяйской жилки, поэтому он казался каким-то пустым, причём своими свирепыми блестящими бесцветными глазами взирал на людей как-то отчужденно. И как только его поставили в сельсовет, тотчас стало ясно, что в родной деревне он как будто чужой человек. Собственно, этим назначением Антип отнюдь не важничал, однако, зная, как к нему относятся односельчане, еще больше зачерствел сердцем и откровенно выражал к людям классовое презрение. Когда, бывало, на двуколке он выезжал в уезд, то оставлял вместо себя Наума Дородова, мужика тихого, покладистого, но партийного. Пока Бедин отсутствовал, всё это время в селе ощущалась всеми какая-то приятная вольность, которая сейчас не подчинялась прямому воздействию власти, и людям дышалось легко и свободно, словно из курной избы выпустили весь угарный дым, и все враз ожили.

Но вот от околицы села кто-то усмотрел медленно ехавшего Антипа, и как будто в людях что-то враз надламывалось. А Бедин не просто ехал с усталым видом, он придирчиво-ревнивым взглядом зорко всматривался в подворье каждой избы, стараясь при этом усмотреть возможные изменения в хозяйствах людей, которые могли произойти за его многочасовое отсутствие в селе. «Не начали ли скот тайно резать?» Эта мысль больше всего его занимала, но от неё отвлекали люди, которые в тот момент были на улице. И в том, как одни угодливо с ним здоровались, а другие делали вид, что не замечают председателя и прикидывались крайне озабоченными своими хозяйскими делами, а третьи, завидев направленный на их подворье взгляд соглядатая, быстро уходили с глаз долой, Бедин наливался злобой: «Ишь ты мать твою, как тараканы шныряют, – думал он про себя. – Я их сейчас всех пришибу бумагой об очередном поднятии налога!»

То, что люди с рабской покорностью боялись Антипа – безусловно, лично ему это нравилось. Значит, уважают, думал он в другой раз, проезжая по деревенской улице к сельсовету.

Когда он вернулся из последней поездки в район, ещё никто не знал, что на этот раз у него в портфеле лежало важное распоряжение, и как-то теперь люди его воспримут, думал он про себя не без злорадства. Наверное, у них над головой гром разорвется, как среди ясного неба. Собственно, так бы оно и произошло, если бы еще раньше слухи о коллективизации не взбудоражили народ. Тем не менее люди пока ещё надеялись, что это новое явление до них не скоро дойдёт. И совсем будет замечательно, если коллективизация обойдет их деревню стороной.

И вследствие этого настроение людей в селе Антипу было отчасти известно. И потому расхождение земляков с главной линией партии его люто бесило: «Не хотят колхоза, а он всё равно будет, уж тогда все у меня станут ходить по одной струнке! Рано обрадовались свободе, ведь не ровен час, все опять заделаются кулаками, а этого партия ни за что не допустит». Антип давно ждал указа о начале организации у них колхоза и в конце зимы наконец-то получил: чтобы с приходом весны начать сгонять людей в одну могучую упряжь, и как можно в самый короткий срок. Эта новость всколыхнула буквально всё село, точно пробудила от зимней спячки, и стала гулять по улицам из конца в конец.

Егор Мартунин тоже слышал от брата о начатой уже где-то коллективизации, но тогда он упрямо не хотел верить, что и у них в селе скоро создадут проклятый колхоз. А между тем этот слух исподволь настораживал не только его одного, а также и тех, кто начал свободно жить, развивая свои единоличные хозяйства. А у других, менее расторопных и трудолюбивых, вызывал радостное прозрение: мол, колхоза нечего бояться как чумы, может, общим скопом ещё лучше станут жить, не то что в одиночку возиться в земле? И говорили, что якобы самостийные артели начнут разгонять, ибо скоро всё сельское хозяйство пойдёт по единой социалистической линии. Однако, какие бы ни велись разговоры о выгоде коллективного труда и ни раздавались обещания зажиточной колхозной жизни, тем не менее предстоящие коренные изменения налаженного за века крестьянского уклада жизни, кровно задевали всех и волновали по своему каждого деревенского мужика...

* * *

...Ранней весной, а именно шестого марта 1929 года, в газетах началась кампания пропаганды необходимости коллективизации. И накануне приезда в сёла и деревни представителей властей было уже точно известно, что взят твёрдый курс на сплошную коллективизацию и скоро приступят к повсеместной организации колхозов.

И когда снег ещё лежал по угорьям да увалам и солнце с утра только едва затеплилось, в тот день из района нагрянул с людьми уполномоченный Снегов проводить по сёлам и деревням эту самую коллективизацию. Начали с ближайшей – Кухтинки...

Собрали в сельсовете беднятских активистов и решали: с чего начать? Снегов велел Антипу Бедину срочно созвать деревенский сход, активисты побежали по селу скликать односельчан. И когда народ собрался перед избой-читальней, уполномоченный Снегов, в длинном как шинель сером пальто, довольно плотный, но невысокого роста, любопытным взглядом оглядывал толпы собравшегося люда. Рядом с ним стоял Антип Бедин в дарованном ему Егором полушубке. Антип, который вдобавок являлся ещё и секретарём местной партийной ячейки, ещё до этого важного события, провёл среди жителей свою агитацию, чтобы все желающие и сомневающиеся немедленно подавали заявления о вступлении в колхоз. И не думали вредительским способом избавляться от своих хозяйств, как это происходило в других районах. А кто шибко будет упираться, он, как активист колхозного движения, советует всем похорошему отменить своё упрямство и добровольно идти вслед за сознательной массой будущих колхозников.

Одним словом, всем без исключения было оглашено партийное требование: обобществить все личные наделы земли, посевочный, уборочный и прочий инвентарь, семенное и фуражное зерно, а также скот и другую живность. Но если добровольно не подчинятся, тогда станут изымать у всех в принудительном порядке всё, что было перечислено.

– Я хочу вам сказать, люди добрые, – начал уполномоченный, – что ваше село вступает в новую жизнь. Вам выпало счастье объединиться в коллектив сельхозпроизводителей. Для этого вы должны написать добровольно заявления о вступлении в колхоз. Я надеюсь на вашу сознательность, что вы все так и сделаете. На обдумывание отводится время до утра завтрашнего дня...

Можно сказать, в таком духе он и продолжал, при этом объяснил непростое положение в стране с хлебообеспечением. Эту задачу и должны решать совместно на общей земле все крестьяне, но только не врозь.

Когда Снегов закончил речь, к нему посыпались градом вопросы: какая жизнь ожидает всех в колхозе, как между всеми будет делиться хлеб и все прочее?

Братья Мартунины стояли почти в середине толпы односельчан. Тут были дряхлые старики, бабы, дети, всем было крайне интересно посмотреть на гостя из города и какие он будет говорить слова. Епифан во все глаза пялился на выступавшего уполномоченного, и за каждым его словом кивал, будто безоговорочно соглашался с оратором. Хотя на самом деле испытывал в душе безотчетный страх – мол, с этой их агитацией как бы его не отстранили от егерства да не затолкали силком в колхоз, и тогда ему не будет полнокровной счастливой жизни без своей любимой работы. Ответы Снегова братья слушали рассеянно, так как теперь для них это уже мало что значило, ведь всех ожидала исключительно подневольная жизнь.

– Товарищи крестьяне, в колхозе будет всем замечательно, будем весело жить и вместе, сообща трудиться и заработанное отдавать каждому в зависимости от вклада в общее дело. Чего нужно еще желать? Я уже говорил, – между тем продолжал уполномоченный, – что в молодой Стране советов серьёзная политическая обстановка, ибо всюду у нас враги: и за кордоном, и внутри... Так к чему я вас призываю: надо сообща организовать колхоз, дабы показать врагам нашу коллективистскую силу, и тогда нас никто в мире не одолеет... – в таком духе уполномоченный продолжал развивать свою витиеватую речь.

Люди стали уже скучать и недовольно хмуриться. А Егор, с самого начала настроенный своенравно и даже в чем-то враждебно против приезжего, стоял несколько подбоченясь, с полным затаённым несогласием со всем тем, что тот провозглашал. Он весьма осторожно выглядывал из-за чьей-то спины, собрав у переносицы свои темные кустистые брови, точно вычерченные углем. Между тем он увидел, как Бедин ощупывающим взором окидывал почти каждого из толпы и вот, кажется, пристально зацепился на нем и на его чрезвычайно суровом лице, выразилось этакое восторженное чувство радости: мол, ага, вот я тебя и поймал с твоими крамольными мыслишками. Антип стоял, заложив за спину руки и слегка приподняв ногу, и как-

то одним коленом подергивал, так что казалось, будто ему что-то попало под каблук и мешало принять удобную позу. Но это ему вовсе не мешало бросать уверенный взгляд, скользящий поверх всех голов. Правда, ему единственно не понравилось, как Снегов начал говорить – что заявления они будут писать не принудительно, а добровольно. И когда тот дал ему решающее слово, Антип зычным голосом объявил, что под правление колхоза он временно отводит свою избу, а его подворье сможет послужить пока для скотины общим базом. И чтобы с завтрашнего утра начали все до одного приводить скотину и заодно приносили (собственноручно написанные) заявления о вступлении в колхоз:

– В общем, товарищи, так: коров, лошадей, инвентарь – это как кровь из носу, и упряжь, телеги само собой. А вот овцы пока не нужны...

«И чёрт с ней, с землёй, – с облегчением подумал Егор, – без неё, матушки, как-нибудь управлюсь. Правда, без своего хлеба будет плохо. Но как зачну деньги грести вовсю, тогда и хлеба куплю. А почему про овец он сказал, что пока не нужны, значитца, заберут опосля?» Но по этому вопросу Егор не стал искать разъяснений, рассудив по-своему: «Ежели сразу не возьмут, то опосля шиш кто им отдаст. Ещё неизвестно, как будут люди расставаться с коровами и конями. И вот опять же, не захотел писать заявление – можешь ничего не вести, живи единолично...».

Потом было объявлено голосование: кто согласен из всех тут присутствующих записываться в колхоз, а кто воздерживается? И Егор был донельзя поражён, когда увидел, как люди с некоторой оглядкой на других с робостью подымали руки за колхоз, хотя далеко не все – с охотой. Елифан, не глядя на людей, почти первым вытянул кверху руку. А Егор под впечатлением собственных мыслей замешкался, однако, быстро оглядев близстоящих, поднявших в своём большинстве руки, стал нехотя, как-то неуверенно, вытягивать вверх свою.

В толпе после голосования долго не унимался ропот. Егор, не увидев среди людей Степана Горчихина, полагал, что тот не соизволил прийти на сход. Однако он стоял позади всех рядом со своим тестем Селифаном Пряхиным в компании нескольких зажиточных мужиков...

После схода, когда братья Мартунины не спеша вышагивали по весенней осклизлой от распутицы грязной дороге домой, Елифан спросил у брата:

– Кажись, ты был круто не согласен, а пошто тогда голосовал в пользу колхоза?

– Не глупи, братан, – презрительно бросил Егор. – А ты думаешь, все так и согласны? Просто страх вынудил. Да и ты, я вижу, не больно смел...

– Зато я верю, что бедняку в колхозе одно спасение. И кто даст тебе али мне эту трактору, как его... ферздонт? А колхозу – пожалуйста. И будет так пахать, что всем станет завидно, мне тоже... Но я пока при своём деле.

– А вот скажи, ты себя бедняком не считаешь? – ехидно спросил Егор.

– И не богач, как ты...

– Обо мне и вороны не каркают, есть побогаче. Но богатство с неба само не валится, я это теперь понял. У нас много не бедняков, а лентяев вроде тебя, Елифан. Говоришь, трактор обещают, а кто знает, как оно с ихним трактором на деле выйдет, кто за него сядет управлять, коли дадут?

– Зря ты меня в лентяи записал, я на службе, поэтому за богатством не тянусь, как ты. А до техники охочий человек всегда найдется. Мне только чудно, чего это Антип на своем дворе колхоз устраивает?

– Во-во, оно самое, как придет, я ему, супостату, все скажу; заморит животину без хозяйского догляда.

– Не связывайся с ним, братан, вот кто воистину бездельник!

– Он ко мне сам вяжется. Так вот ты сам голосовал, – продолжал Егор, – а в колхоз не вступишь, ведь так? Сам как-то говорил, что от леса ни перед чем не отречёшься?

– А что ты сравнил. Лес сторожить – это государственное дело! Дак я же ещё состою в обществе лесоводов, так что я давно коллективист. А вот тебе, Егорка, надобно подумать. Коли тебе своё дело дороже, смотри – от колхоза не сторонись.

– Ерунда, сам слышал о добровольном начинании колхозов. Может, хозяйство маленько убавлю, а сам туда не пойду, жинка пушай, и довольно. Твоя небось к тебе на кордон убежит? – при этом Егор лукаво усмехнулся.

– Дак они скажут, что мы, хуже вас, и тоже сабе не пойдут.

– Интересно, как поступит Степан Горчихин? – вдруг спросил Епифан, поглядев на брата.

– Наверно, его к ногтю, поэтому не пришов – чует волк, когда жареным запахнет; небось укладывается бежать?

– Нет, он стояв сзади, куда ему бечь? Со своим тестем...

– На кудыкину гору, ему есть от чего деру задать, хотя сейчас у него работников нету.

– Ежели надо – возьмут за старое, а вообще-то он поимел давно с Антипкой блат, но тот его все равно не любит...

– То-то и оно, что он никого не любит, хотя ко мне навевывается не только за чаркой посидеть – мой вкус к жизни распознает. Степан налог в срок поставлял, а он ему все одне накручивал и где надо жаловался за прошлые его грехи, когда в продразверстку увозил прятать хлеб в лес. И представь себе – предоставил справку о якобы сдаваемом хлебушке.

– И дураку понятно, что достал за магарыч... Между прочим, Антипка ему свой должок ещё с дореволюционной поры не вернул, вот он и истребовал справку с должника...

– Брешут люди, это тебе не старое время, – потом, подумав, прибавил: – Неужто его справка выручила?

– А что тут мудрёного, ежели люди сами видели, как Степан похаживал к Бедину...

* * *

Весенние события быстро облетели сельскую округу. И вскоре засутилось, заговорило всё сельское население, придя в доселе невиданное движение: во дворах крестьян мычали коровы, блеяли овцы, визжали поросята и свиньи, ржали лошади, сбилась в кучу домашняя птица. Некоторые проворные и находчивые мужики, вопреки увещеваниям и угрозам Бедина, ещё до этого рокового дня для их хозяйств в строгой тайне резали и скот, и живность, а другие из-за страха побоялись уничтожить своё хозяйство, которое наживалось с таким большим трудом, что невольно до последнего надеялись на его спасение. Словом, во всех дворах скотина, вся живность загомонила на своих языках. Людской панически-нервный неумолчный говор стоял буквально на каждом подворье. Что там говорить, ведь люди боялись расставаться со своими хозяйствами и многие запоздало жалели, что ещё задолго до этого дня под каким-то предлогом не распродали скот и птицу.

Через три дня после схода в доме Горчихина побывала из района с местными активистами целая делегация. Описали всё имущество, а самого хозяина с его семейством посадили на телеги и отправили в неизвестном направлении, после чего у некоторых сильно сомневающих насчёт того, нужно ли вступать в колхоз, все колебания, перешедшие в сущий страх, как рукой сняло, и мигом написали заявления.

Ещё до приезда уполномоченного половину гурта овец в восемнадцать голов Егор порезал, мясо продал, шкуры оставил для выделки. А теперь, когда выяснилось, что овец оставляют хозяевам, он донельзя на себя рассердился и проклял Епифана, посоветовавшего ему так поступить. И тогда на сходе был готов ударить оземь шапкой да отругать брата-паникера, однако он вспомнил, что не всех порешил овец, а значит, со временем возродит поголовье, и от этого радость вытеснила нахлынувший приступ гнева.

И вот когда уже почти из всех дворов стали выводить коров, а кто-то сразу и лошадей, Егор решил повременить, загнал страх подальше в душу и взирал со двора на улицу, где из разных концов доносилось отчаянное мычание коров, которых вели на поводу хозяева к общественному базу, обустроенному мужиками на скорую руку на хлипком подворье Бединых.

К Егору, всё так же неподвижно стоявшему в воротах, чуть позже подошла жена Настя. И сперва молчала, как и он; но видя, что народ ведёт скотину, назойливо повторяла:

– Егорка, чего ты не ведёшь, чего выжидать, выводи, говорю, ведь это добром для нас не кончится, люди знают, что делают, а мы? Егорка, чего оглох?

– Цыц ты, неугомонная баба, раскудаhtалась! Нешто, я не понимаю слов, означающих добровольное сдятие, а значит, хочешь – веди, а можешь послушаться.

– Так ты не в своём уме, Егор. Разве людям не жалко свою скотину, а? – чуть ли не плача продолжала жена.

– Чёрт их маму знает, нешто они все с ума посходили, будто перед каким светопреставлением! Епифан увел, ты видела? – спросил он и в нерешительности задумался.

– Так он рано в лес уехал.

– Драпанул братан! Одначе умён, да разве от этого убежит? Намедни он сказывал: всё отдаст, а вот, поди, схитрил?

– Ну гляди, поведу сама! – звонко крикнула Настя. Обе их дочери, выскочившие из сеней на голоса родителей, выглядывали с крыльца.

Какое-то время Егор безмолвно размышлял – всё-таки людская активность, с какой многие ринулись в колхоз, ввела его в некоторое смятение, и, поборовшись со своей гордыней, он про себя выругался и валко пошагал в хлев. Там долго придирчиво разглядывал своих трех коровок, две из которых уже отелились. Какую же оставить себе, а каких увести? Нет уж, дудки им, поведёт одну, стельную, тех было жалко. Из пары лошадей выбрал тоже похуже, прихрамывающую, а всё равно и эту отдавать было жалко, словно отрываешь от себя родную плоть. Если оставит обоих, тогда придут и уведут насильно, говорят, такое произошло в другой деревне.

Да, жалко было Егору расставаться со скотиной. «А что подделаешь, коли требуют, сучье вымя, а не поведёшь, так возьмут и ремесла лишат», – печально размышлял он. Против общего течения стоять опасно. Настя права, когда говорила, что надо быть с властями посговорчивей. И когда он было уже внял совету жены, вдруг слова брата вспомнились, чтобы «ёжиком иголки не выставлял». Изрядно помучившись, привёл на общий баз корову и лошадь, где стояло суматошное коровье мычание и ржание нескольких пар лошадей. Кстати, не у многих в деревне имелись свои лошади, а у кого была одна, так и ту забрали. Разве Антипу понять их чувства, коли отродясь он никогда не вёл своё хозяйство...

– Скажи честно: это всё? – спросил Снегов у Егора.

– А сколько же нужно? – переспросил он, делая глупый вид.

– Мартунин, у тебя, кажись, три коровы, так? – заговорил Антип. – И две лошади, а с жеребёнком – три? Да два телёнка, да гурт овец был, а сколь порешил? – Егор слушал и в ненавистном прищуре смотрел на неприятеля. – Я тебя точно прищучу! – крикнул пред сельсовета.

– Интересно, – протянул Снегов, рассматривая внимательней мужаика. – Зачем врешь? Какой же ты прижимистый, а ведь отнимаешь у своих же сельчан. Нехорошо, Мартунин, – сердито произнес Снегов.

Однако Егор эти вопросы предвидел загодя и счёл по обстановке ответить так:

– А намедни у Епифана, моего братана, корова заболела, и её вести постеснялся, вот у меня и попросил... И я выручу брата, как вы полагаете, нельзя мне так сделать? – и потом сурово глянул на Антипа, а тот тем временем, сидя за столом, что-то быстро записывал.

– Тогда чего же брат не пришёл, пусть придёт немедленно и сей факт подтвердит! – отчеканил Снегов, твёрдо расхаживая по горнице председателя сельсовета.

– Дак он лес стережёт; вернётся – конечно, тогда и скажу.

Снегов остановился около стола, значительно переглянулся с Бединым, а тот ему многозначительно кивнул.

– Ладно, с тобой, товарищ... э-э... Мартунин? Решим дополнительно, пока ступай себе...

«Вот она, обещанная добровольность, – ворчал Егор, шагая скоро домой, – и только попробуй заикнись супротив, враз в контру запишут, статейку уклониста подыщут и в Сибирь. Да, это смогут. Советская власть хвалёная, а всё одно – дерёт налоги, а эти паскуды коммунистские смотрят с недоверием как на врага, личное, что ли, у них украл?»

У Епифана была одна корова и одна лошадь, на которой он лес объезжал, и пока не ведал, что ему делать с коровой, ведь она крепко выручала, обеспечивая детей молоком. А когда вечером к нему пришёл брат с предложением солгать властям, что, мол, корова пала, он не на шутку струхнул. «И что же это он такое удумал?» – про себя произнёс Епифан, охваченный паническим страхом, и в недоумении провожал Егора.

Утром сомнения от него отступили, и он повёл корову в колхоз. Однако дорогой его вновь одолевали сомнения: может, погорячился, ведь в колхозе он состоять не будет, а скотину отдаёт. Что же это получается – добровольно отказывается от последней коровы? Наверное, брат прав, с ними, селянами, поступают по-грабительски. Как они проживут без своего хозяйства и без земли? На это он не мог ни от кого получить вразумительного ответа, отчего на душе становилось вдвойне досадно и мутно.

Пока он шел к подворью Бедина, некоторые хозяева стояли у своих дворов и тоскливо глядели на улицу и на то, что в этот час на ней происходило. Вот он ведёт корову, а там еще кто-то, Епифан подумывал, подойти ли к кому-нибудь, чтоб ему хоть кто-либо разъяснил: как верней ему поступить? Однако не решался, продолжал вышагивать по улице на пару с коровой, только здороваясь с односельчанами. Впрочем, кто из них точно знает, правильно ли они сами сделали, вступив в этот колхоз? Да и те, кто ещё продолжал пребывать в большом сомнении, не спешили записываться в общину. Веками жил народ без колхоза, будучи закрепощен, а как только дали свободу, не успели очухаться — и вот снова будет над всеми стоять одно лицо. В старое время был помещик, теперь – председатель. В таком случае правильно ли сами организаторы поступают, создавая колхозы? Конечно, тут такого вопроса быть не должно, ежели сам товарищ Сталин дал властям такое партийное указание. Да, тогда ошибки быть не могло, распоряжение Антип получил верное, ведь товарищ Сталин знает, что делает, для народа плохого не пожелает. Ему из Кремля, разумеется, всё доподлинно видней.

Нэпманов разогнали – это хорошо, а в деревнях придавят кулаков, и жить будет свободней. Замечательно, что у него, Епифана, никогда не было богатого хозяйства, зато Егорка всю жизнь рискует и вот сейчас никак не уймётся. Его мысли прервал чей-то оклик:

– Епиша, ты никак оглох, ай не слышишь, – звала его старушка из двора. – Правление колхоза Бедин от себя убрал в избу Степки Горчихина, шагай таперяча к нему.

Епифан, занятый своими мыслями и не желая от них отрываться, лишь кивком поблагодарил хоть одну добрую душу.

Когда в правлении у него спросили, есть ли у него дома ещё корова, он выпалил на Снегова непонимающий взор. Вот тогда он враз припомнил: не успел он появиться на своей половине, как к нему пожаловал Егор и затеял странный разговор:

– Ежели спросят, сколь у тебя коров, говори, свою, мол, порешил, яловая, а эту – купил у брата...

– На хрена мне врать? – сердито спросил он.

– Говори, как велю, а потом всё поясню!

Но тогда Епифан отмахнулся от совета брата. И вот теперь он пребывал в растерянности: что отвечать уполномоченному?

– Да одна у него, – небрежно за Епифана ответил Антип, – скажи братцу, пусть не юлит, не то будет хуже, сам приду проверять!

– Дак я привёл одну-разъединственную, – заикаясь, бросил тот.

– Вот и хорошо, а себе возьмёшь у брата, а если он не отдаст, скажи мне! – маленький Снегов остановился перед долговязым и высоким мужиком, порядочно растерявшимся от его сурового решения, при этом часто заморгал ресницами...

* * *

В это время Егор стоял под его воротами, ждал брата, как бога его высматривал, но Епифан так быстро прошелестел сапогами по мокрому снегу, что не удостоил его даже беглым взглядом. Егор с мрачным видом увязался следом за братом, который выглядел каким-то потерянными и разбитым.

– Ну и чего добился, теперя куковать без коровки? – спросил осторожно Егор, но с долей злого ехидства, почувствовав, что Епифан даже зреть его не желает.

– Будь доволен, что твои увсе целы... – бросил тот в обиде.

– За молочком своим деткам ко мне побежишь?

– Не бойсь, не побегу! – резко отчеканил. – Но жадность ещё никого не спасала, попомни мои слова, – однако тут Епифана будто кто толкнул в спину, и он как очумелый кинулся опрометью со двора в сторону колхозного правления, разместившегося после выселения семьи Горчихиных в его просторной избе.

Через двадцать минут Епифан усталый вернулся домой, словно только что разгрузил сам три вагона дров.

Тем временем Софья стояла с Егором и Настей, ждавшими его возвращения, и, поравнявшись с ними, Епифан отозвал брата в сторону:

– Я им сказав, что привёл тваву коровку, моя стоит, – сообщил он, почти не глядя на брата.

– Так вот что тебя укусило, а я гадаю: куда это его дьявол понёс? Это как же понимать, – вопрошал, сверкая безумными глазами, Егор, густо покраснев, – я тебе должен свою корову отдать, да? А ты, брат, однако, не дурак! – протянул свирепо Егор.

– Ну, чаво ты так разошевся, лучше выслушай, братан. Так вот, Антипу я сказав не за тем, чтобы...

– Да нет, я твое замыслие уяснил, таперяча уповаешь на мою совесть, а ты не рассчитывай – не пожалею. Накось вот, выкуси! – Егор отчаянно, как безумный, свернул фигу резким выбросом руки в сторону Епифана.

Тут загалдели их жены, особенно верещала Софья, встав перед Егором с пугливым видом, боясь, как бы братья не схватились в рукопашный бой.

– Глупой ты, Егорка, – выкрикнул через голову своей жены, – я у тебя не прошу, но для тебе же старался, от беды отводил, а мы покудова обойдёмся без коровы!

– Ах, тудыт твою мать, благородный выискался?! – с ненавистью процедил Егор. – Едят твою душу, сучье вымя, тебя смотри чтобы самого беда не скрутила в бараний рог! – и, сплюнув, быстро ушёл восвояси.

Глава 9

В селе Аргуново, где к началу коллективизации Екатерина жила уже в замужестве пятый год, колхоз стали организовывать не в ту весну, а только на следующую. Может, потому, что от райцентра оно было расположено дальше других. Екатерина, как и многие женщины, привыкшие не к артельной, а к единоличной жизни, была сильно опечалена, когда узнала, что удумали власти: и скот отдай, и какой есть хозяйственный инвентарь отдай. И земельный надел, переданный ленинским декретом крестьянам на вечное пользование, тоже отошел колхозу. А им при усадьбе осталась крошечная латочка, на которой теперь не знали, что сеять: не то хлеб, не то сажать картошку, не то овощ какой. Словом, почти подчистую велели всё передать в колхоз, и эта принудилровка проводилась как бы на добровольных началах.

В прошлый год Екатерина наезжала в село Кухтинка два или три раза. Однажды сразу после Нового года она с Фёдором ездила отмечать годовщину смерти матери, и потом по весне была там сама, когда в её родном селе уже был колхоз. Но что её тогда поразило больше всего, она сразу не смогла уразуметь. Вроде бы село было как село, все дворы целы, однако сельский дух, который составлял всю сущность доколхозной жизни, навсегда утратился. Однако Екатерина догадалась о разительных переменах, которые произошли с её земляками. Из дворов сквозило каким-то щемлящим и мрачным затишьем, хотя так же, как и раньше лаяли собаки, у кого-то слышалось коровье мычание и очень далёкое лошадиное ржание. Теперь люди меньше бывали на своих подворьях, и по утрам были вынуждены тянуться из своих настуженных изб к правлению колхоза. Отныне председательская рука на свой лад управляла людьми: бабы отправлялись доить в колхозный сарай коров, а мужики – кто чистил навоз, кто отъезжал в лес на заготовку дров, кто свозил с подворий на колхозный баз корма, кто чинил посевной и уборочный инвентарь. И потом пришёл черёд пахать и сеять на колхозных полях, а там и жать, заготавливать на зиму корма. Одним словом, когда изменился прежний уклад жизни, казалось, люди напрочь утратили свои хозяйственные навыки, теперь за них думал один человек – председатель, которым стал свой мужик Наум Дородов.

За весну несколько раз на телегах ездили по селу собирать семенной фонд, а потом с недоимщиков взимали налоги и с тех, кто не пожелал идти в колхоз, таких было не так уж много. Но своей единоличностью они донельзя смущали народ...

Братья Мартунины в колхоз не вступили каждый по своей причине. Екатерина больше опасалась за Егора, ведь до сих пор ходили настораживающие слухи, как высылали богатых крестьян, отбирали их дома, и от этого на душе становилось до озноба беспокойно. А вот у них в деревне чего-то с колхозом медлили и дотянули до будущей весны. И некоторые люди из-за этого непонятого опоздания даже начали думать, будто бы колхозы нужны только в избранных деревнях. И в то же время все хорошо знали, что повсеместно была объявлена сплошная коллективизация, – значит, эта напасть не обойдет их околоток. Председатель сельсовета Наметов летом ходил по дворам самолично и уговаривал людей, чтобы все самостийно записывались в колхоз.

– Это будет самым лучшим подарком к празднику Октября, – пояснял Петр Иванович. Однако бабы только посмеивались над зазывалой и шутливо отвечали:

– Дак чего нам делать в колхозе, коли мы цельной деревней живём, как единая семья, Пётр Иванович?

– Колхоз – это организация новой жизни, а семья – это ячейка, – отвечал Наметов не менее находчиво и прибавлял: – Колхоз, бабоньки, всё равно от нас никуда не уйдет, вернее, мы от него не убежим. Вот зря вы меня не слушаете, – объяснял он, сожалея.

– Типун тебе, Пётр Иванович, на язык за кликушество! – выкрикивали горластые бабы. – Тьфу-тьфу, пронеси нас господи от этой напасти, – почти шепотом прибавляли меж собой, только бы председатель не услышал.

Мужики собирались в избе-читальне, где кучками, по углам, обсуждали слухи в тех колхозах, которые уже существовали. А когда выслушивали агитацию Наметова, тотчас замирали настороженно или делали вид, будто смысл его слов до них не доходит. Как только стало ясно, что от пришествия колхоза их деревня не спасётся, Фёдор Зябликов понял, что лучше уступить властям, и про себя обречённо обронил:

«Что делать, коли так велела партия, надо вести скотину, а как больно её отрывать от себя... Говорят, колхозу она нужна, а чем детей кормить дома?»

* * *

...Ещё только снег начал таять, выбиваясь из-под сугробов светлыми ручейками, особенно там, где безудержно пригревало мартовское солнце, ещё морозец вполне держался и днём в тени, когда к бывшей глотовской усадьбе потянулись сельчане, ведя свою скотину на поводке, а кто-то вёз на телеге инвентарь. Прохор Глотов, говорят, сбежал всей семьёй, бабы его пожалели, всё-таки успел, слава богу, похоронить отца в родном селе...

Екатерина просила мужа, что пока не надо спешить сдавать коров и прочий инвентарь, может, не всё их добро сгодится колхозу.

– Да что мы, Катя, играть будем с властями? – нервно спросил Фёдор и стал как-то поспешно в хлеву отвязывать корову. – Ты хочешь, чтоб нас выслали, как Глотова?

– Так ведь, говорят, будто он сбежал ночью. Я бы на твоём месте не ровняла себя с ним, – обронила жена и продолжала: – Значит, хочешь разорить нас, Федя? В колхоз я бы и так пошла.

Она знала, что ради колхоза муж не думал бросать должность стрелочника на железнодорожной станции.

Из новой избы вышла Ефросинья, глаза которой изображали неизбывное горе оттого, что сын выводил из сарая коров и тем самым отнимал у семьи кормилиц.

– Матушка, иди в избу, что тебе тут делать, простынешь! – визгливо вскрикнул Фёдор, ведь мать только что очухалась после высокой температуры, отчего он даже сердито притопнул ногой. Коровы принялись к снегу, не понимая, зачем их так рано вывели на двор, ведь до первой травы ещё далеко, но хозяин, видно, задумал что-то нехорошее...

Екатерина с жалостью смотрела на коров, а Фёдор, кажется, так легко расставался с нажитым хозяйством, что готов был задарма всё раздать, подумала в страхе Екатерина, глядя на то, как муж решительно, с озабоченным видом вывел из двора коров, при этом на его лице даже ни один мускул не дрогнул. А потом придёт за лошадью, инвентарем. От этих нестерпимо тяжких дум у Екатерины сдавило дыхание, перехватило дух, а сердцу стало так больно, что враз ослабли ноги. Лоб покрыла холодная испарина, пошатываясь как пьяная, она медленно брела в избу, совершенно не чувствуя под собой земли. Такое губительное состояние она пережила, когда узнала известие о смерти своей матери. И чего ж он так испугался, кто бы их зачислил в кулаки, если они даже в разряд середняков не попадали?

После того как сын увел коров, Ефросинья вошла в старую избу, взобралась на печь, и долго там вздыхала; она горько плакала и жалела сына, который наживал, наживал добро, и теперь всё ушло в чужие руки...

Однако Фёдору было видней, хотя, конечно, тоже не по себе, что был вынужден поступать против своего желания. А по улицам ретиво шагали агитаторы, но они не успели дойти до усадьбы Зябликовых, как Фёдор уже вёл им навстречу своих обеих коров. Когда они поравнялись, спросили фамилию, Федор ответил, и они ничего ему не сказали.

Ещё было издали видно, как на бывшем просторном глотовском подворье толпились односельчане не из самых бедных крестьян, которые тоже уже решили свои судьбы, и это их единило в общем горе...

– Федь, чего две коровы привёл? – смеясь спросил Макаров.

– А сколько надо, они у меня перед тобой все как есть! – нервно отчеканил тот. Кто-то стал быстро отвязывать с них веревки, а потом загнали в баз, где сгрудившись стояли около двух десятков коров и дико ревели, не понимая, что с ними будут делать дальше в такую голодную пору, а может, уже предчувствовали свою неминуемую беду?

– Зябликов, у тебя, кажись, две коровы? – спросил несколько озадаченно Наметов.

– У меня? – растерянно переспросил Фёдор. – Да, а сколько ты думал, с десятков имею? – обронил он с обидой.

– Не обманывает? – спросил недоверчиво Снегов, придиричливо всматриваясь в мужика.

– Да нет, у него правда две! – сказал кто-то из стоявших тут же от нечего делать мужиков.

И Наметов тоже подтвердил.

Фёдор оглядел начальство, сидевшее за столом под дорогой скатертью, сердито заговорил:

– Я лгать не умею. Сходите проверьте, сарай пуст, а коли потребуете лошадь – хоть сейчас же приведу!

– Хорошо, верим, тогда одну бурёнку уведи домой, а лошадь живо гони, – отчеканил Снегов после того, как ему что-то нашептал Наметов. Однако Фёдор не расслышал, во дворе стоял несмолкаемый людской гомон и надрывное коровье мычание.

– Уводи, уводи, одну буренку оставляем, едоков-детей у тебя много, – пояснил Наметов, – и Фёдор выразил на лице неподдельное удивление, что не мог взять в толк: шутят ли над ним или говорят на полном серьёзе? И он, как во сне, взял корову за рога, набросил верёвку и повёл кормилицу домой, вторая, увидев это, долго протяжно мычала. Но Фёдор старался не слушать, что ему удавалось с чрезвычайным трудом.

* * *

...Екатерина плакала в закутке под вешалкой, около неё тёрлась дочь Нина и норовила погладить по голове, пожалеть мамку. Екатерина услышала знакомые, пришаркивающие шаги Фёдора, стала быстро вытирать слёзы, при муже она никогда не плакала, который (она знала) слёз не терпел. Однако красные глаза всё равно выдавали. Он коротко взглянул на жену, как-то нетерпеливо погладил по головке дочь и отвернулся от неё, без труда поняв, что сейчас Екатерина избегала встретиться с ним взглядом. И он тоже, чтобы её не смущать, спокойно проговорил:

– Привёл, Катя, – в голосе слышалась скрытая радость, что ее несколько удивило.

– Кого привёл-то? – отозвалась робко жена, и у нее шевельнулось сомнение: неужто забраковали коров и потребовали других, каких у них нет. А тем временем дочь выскочила из передней в горницу, в сени и на двор.

– Одну корову велели детям оставить, – мягким тоном пояснил муж.

– А ведь я тебе то же самое говорила, мы не хуже других, – вспомнила Екатерина, как рассказывала мужу, что в её родной деревне забирали по две коровы только у тех, кто держал три, отсюда следовало, что им надлежало сдать в колхоз лишь одну. И она живо представила, как там подняли мужа на смех из-за его вечной боязни послушаться властей. Он всегда выплачивал в срок натуральный налог и самообложение.

– Мамка, коровка на дворе! – вбежала Нина, крича звонко на всю избу, отчего даже на печи вздрогнула, заворочалась, подняла от подушки голову Ефросинья.

– Тише, тише, стрекоза, – зашикал в досаде на дочку Фёдор оттого, что своим криком она потревожила больную бабушку. И потом полупшепотом снова заговорил: – У нас другого выхода нет, народная власть служит в общих интересах.

– Да, это видно; как нам теперь жить без лошади? Хотя бы от налога освободили, да разве дождёшься, – произнесла с внутренней болью жена, охваченная неразрешимыми сомнениями.

– Никуда не денешься, на первых порах придётся нелегко, – согласился Фёдор. – Будем считать, не на худое дело отдаём, а всем на благо. Для своей нужды мы можем попросить в колхозе, – успокаивая жену, прибавил он.

– Не говори мне так, все будем делать по-другому, где тогда хлеб брать. Ты в колхозе работать не будешь, а мне одной разве легко четверых деток обработать, когда ещё меньший не ходит? – и показала себе через плечо в другую горницу, где находились дети под присмотром дочери. – Разве проживём одним твоим пайком? – сокрушенно заключила она.

– Ну, довольно, Катя, довольно, расходилась! – прикрикнул муж, а потом заговорил чуть тише: – Сперва придётся туго, это я сам знаю, а как жизнь в колхозе малость войдёт в свою колею, так и полегчает. Ничего, как-нибудь проживём. При старом строе по-всякому жили, а сейчас советская власть, в беде не оставит, – говорил это Фёдор, а самого брали тоже жуткие сомнения. И впрямь, как же они станут жить без надела, ведь после вековой нужды годы единоличной жизни принесли им невиданное облегчение. И были уже на подъёме.

С печи донёсся сонный старческий голос Ефросиньи. Она, разбуженная внучкой, лёжа там с открытыми глазами, обращенными к тесовому некрашеному потолку, прислушивалась к тихому разговору сына и невестки. Но мало что из него уяснив для себя, она спросила скрипнувшим голосом:

– И што жа, обеих коров сдал?

– Не волнуйся, матушка, одну велели себе оставить, – спокойно объяснил он матери.

– А коня? – приподнялась Ефросинья, напрягая слух, глядя потемневшими глазами на сморщенном лице.

– Вот сейчас надо вести, – нервно ответил сын, что мать ему напоминает, лезет со своей не нужной ему жалостью. – Да ты бы лучше лежала и не встревала, грейся себе! Тут самим несладко, – и действительно, жуткими клешнями тоска сдавила ему сердце.

– Федя, ты на меня, старую, не кричи! – обиделась Ефросинья и снова легла глазами к потолку.

– Наверно, хлеб тоже затребуют? – спросила Екатерина, как будто чего-то неожиданно испугавшись.

– Назавтра назначили собрание, ты пойди обязательно, а то мне надо в дежурство – всё не слушаю...

– Ой, не ведаю, какая нас жизнь ждёт? – как-то встрепенувшись, резко дернув плечами, задумчиво вымолвила жена.

– Думаю, нам хуже не станет. Всё, что не делает власть, направлено на достижение счастливой жизни. Когда-то Ленин написал работу о кооперации, без которой социализма нам не осилить, – как по писаному шпарил Фёдор. Екатерина и раньше поражалась способностью мужа запоминать книжные слова. А до газет был жаден – страсть! Любой газетный клочок собирал и не выбрасывал непрочитанным. А некоторые газетные статьи перечитывал по нескольку раз. И не дай бог потерять или порвать газету, тогда хоть самой убегай из дому от его истошного крика.

Лично Екатерине давно было уже не до чтения – куча детей, скотина, куры, овцы. Но когда с ними стало трудно управляться, всех продали брату Егору. За детьми присматривала свекровь, варила обед и убирала избу. В последнее время она стала прибалывать, и тогда дочь Нина, жалея бабушку Фросю, брала веник, выметала сор из горниц, мыла полы...

И вот наступили новые времена, от прежней жизни остались лишь только воспоминания о том, как выращивали овощи, сеяли хлеб, лён, овёс, жали, молотили, веяли и возили в город продавать, откуда привозили городские продукты или одежду...

* * *

Секретарь райкома Снегов потребовал от Наметова подумать и назвать всех зажиточных мужиков, которые жили единолично и оттого подрывали у людей веру в будущее проведенной коллективизации. Если он этого не сделает, то он сам всех их выявит, а его, Наметова, вместе с ними отправит куда следует. Пётр Иванович согласился подумать и через час-другой указал два двора, которые не участвовали в кампании по дополнительной сдаче хлеба, а ещё раньше не в срок сдавали продналог. И вот, к изумлению Найдёнова, через три дня из города приехали обозом вооружённые люди, описали имущество оговорённых им хозяев, наказали им срочно собраться с вещичками в дальнюю дорогу. А их пустые избы заколотили...

Наметов с бледным как полотно лицом безгласно смотрел на принудительное выселение и всё ещё не верил, что его земляков выслали и лишили всего нажитого имущества. И это произошло в родной деревне, с его помощью, он даже не ведал, что это делается так просто (и что стало типичным для многих деревень), но у них этот произвол больше не должен повториться. К тому же эти люди были далеко не кулаки, подобно Глотову, а обыкновенные старательные крестьяне, разве что оказались прижимистей других.

– Как же так, товарищ Снегов, я полагал, вы ограничитесь с ними разговором, проведёте политбеседу, а вы...

– Пётр Иванович, честное слово, стыдно за тебя, что ты проявляешь такой детский либерализм. Партии, что касается человека, его интересов, ничто не чуждо, а ты пожалел отпетых врагов. Это послужит наглядным примером для других, понятно? Саботажникам в колхозе нет места, а вредный затаившийся элемент надо сразу вырывать с корнем, давить в зародыше... Ты думаешь, я провожу линию раскулачивания от себя? Нет, дорогой Пётр Иванович, так того требует партия, и мне больше смотри не укрывай, а то и нас с тобой могут за это самое укрывательство к стенке! Тебе понятно? – тот резко взглянул на него и пошел прочь из правления колхоза.

Наметов побледнел, неловко поёжился, передёрнул плечами, поправил воротничок рубашки, который, ему казалось, давил шею. И затем устремился вслед за удаляющимся юрким Снеговым, чтобы того проводить.

– И вот что: дней через пять я приеду, проведём собрание, выберём председателя из своих, – сказал Снегов, садясь в легковую машину. – Будет справляться – хорошо, а если нет – снимем, поставим другого, – и с этим напутствием секретарь райкома уехал.

* * *

Первое собрание колхозников провели в правлении – бывшей большой глотовской избе. Но людей пришло со всего села столько, что она показалась маленькой и тесной.

Перед началом собрания Наметов попросил Екатерину сесть в первый ряд собравших по дворам деревянных лавок. Настоятельная просьба начальства её немало удивила, после чего она попыталась узнать, с чем связана его просьба. Однако Наметов ответил уклончиво, дескать, скоро она сама узнает. Екатерина живо оглянулась на мужа – может, он что-то объяснит хотя бы взглядом, но Фёдор почему-то на неё не смотрел, словно догадывался, почему ей оказывают такое почтение. Но потом тихо буркнул, что в первый ряд с ней не сядет, поскольку ему трудно будет выбираться из избы.

Вопросы обсуждались разные: сколько нужно собрать семенного зерна с колхозников и единоличников, подготовить сельхозинвентарь, оборудовать коровник и конюшню, обеспечить скотину кормами, так как до выгона на пастбище еще было много времени. Но главным пунктом стоял вопрос выбора председателя колхоза и его актива правления. Наметов довольно умело вел собрание, и все проголосовали за принятие необходимой резолюции для вновь созданного колхоза.

К тому времени Фёдор был вынужден покинуть собрание – ему приспело время собираться на дежурство. Он тихонько встал и вышел из накуренной избы, крайне сожалея, что покидает в самый интересный момент. И действительно, если бы он не ушёл, то, возможно, ему бы удалось отстоять свою жену, а Наметов словно ждал, когда он уйдёт, и при всём честном народе назвал Екатерину пока единственной подходящей кандидатурой на пост председателя колхоза.

Пётр Иванович вкратце рассказал о Екатерине и предложил за неё всем проголосовать. У неё при этом сообщении от страха сжалось сердце, враз перехватило дыхание, вдобавок в избе, смрадно накуренной мужиками, не хватало свежего воздуха. Как только Екатерина ни отказывалась, обеими руками ни отмахивалась, как ни уклонялась, что у неё куча детей мал мала меньше и что при ней большая свекровь, единогласным большинством её избрали председателем колхоза «Светлый путь». Такую ей власть всучили, что она сама испугалась, выдюжит ли, потянет ли общественный воз, не подорвет ли оказанное ей такое высокое доверие?

– Ты у нас, Екатерина Власовна, со всего нашего большого села самая грамотная, кроме тебя, пока никому, потерпи. Как прибудет из города двадцатипяти тысячник, тогда, может, тебя освободим, – сказал, как бы успокаивая, Наметов.

– Нашли грамотную! Ну, писать-читать умею, а с чего что начинать в колхозе, тут я вам наломаю дров, а потом же меня, как вредителя, к ответу? Ой, Пётр Иванович, ради бога, не хочешь себе беды накликаешь! – воскликнула она, приложив руки к груди.

– Ничего, товарищ Зябликова, – отозвался секретарь Снегов, до этого всё молчавший, – поможем сообща. Мы, признаться, сами с маленьким опытом, вместе и будем познавать новое для нас дело.

Но тут Екатерина спохватилась, хотела было выкрикнуть, что ошиблись, дорогие товарищи, вовсе не она самая грамотная, а её муж, Фёдор! Однако удержалась, да и не обладала шибко громким голосом, чтобы так легко это выкрикнуть и чтобы все разом её услышали. И, конечно, совестно было расхваливать своего мужа. К тому же Фёдор пока не собирался уходить со станции. На этот счёт с ним уже вел разговор Наметов, для чего в сельсовет вызывал его специально. Но Фёдор не изъявил желания идти в председатели, поскольку у него был существенный недостаток – на людях он терял дар речи, и потому из него не получится не теряющийся в самой непростой ситуации руководитель. Это она узнала позже от Наметова. А какой тогда будет толк от неё, хотя, в отличие от мужа, она умела на людях держаться ровно и невозмутимо. Вот только бы силу голосу малость прибавить, но опять-таки верховодить людьми, по простоте своего характера, она всё равно не сможет, так как не требовательная. А вот Фёдор дома умел распоряжаться, значит, смог бы и в колхозе, надо только освоиться. Неужто теперь она должна сама привыкать к возложенным обязанностям.

Когда на следующий день Фёдор узнал, что жена стала председателем, он выказал молчаливое недовольство и про себя крепко ругнул Наметова. Значит, его, Фёдора, не удалось уговорить, так Катю вздумал повязать властью.

– Ей-богу, я не хотела, Федя, – оправдывалась жена. – Не знаю даже, с чего начинать работу, может, ты мне подскажешь?

– Нет, Катя, избавь меня от этого. Вот Наметов сумел тебя поставить, у него и проси совета! – говоря это, Фёдор как-то нервно дернул плечами, словно испытывал некую брезгливость. А потом выхватил на ходу из кармана пиджака кисет с табаком и умчался из избы

на двор. Екатерина вздохнула и вдруг подумала, что хорошим председателем был бы Прохор Готов, поскольку почти всегда снимал неплохой урожай даже в тех случаях, если у других он был невысокий. На общинной земле Готов сумел бы хозяйничать ничуть не хуже, чем на своей. Можно было это высказать Наметову, но тогда бы её могли уличить в симпатии к кулаку и обвинить в недоверии к советской власти и в неумении вести коллективное хозяйство...

* * *

Фёдор пришёл в хлев, где ещё недавно стояли две коровы, а теперь осталась одна. В другом конце было место для коня, которому тут больше не стоять. До сих пор перед глазами Фёдора вставал тот врезавшийся в память волнующий момент, когда он вошёл в колхозный сарай и стал в растерянности думать, какую корову оставить колхозу, а какую увести домой. Собственно, ему было жалко обеих коров, однако, немного поколебавшись, отдал предпочтение той, которая всегда давала больше молока и скоро должна была отелиться.

И вот когда он уводил её, вторая стельная из чужого база смотрела вслед беспокойными глазами в полном изумлении и отчаянно вскидывала голову, не понимая, зачем хозяин привел её сюда, где нет привычных яслей, а теперь вот уходит и оставляет её с чужими людьми. Наверное, тогда Фёдор впервые проникся к скотине такой сильной жалостью, что и сейчас, когда вспоминал тот день, у него на душе становилось донельзя мутно. Он быстро свернул сигарку, потом жадно втягивал горький едкий дым, дабы скорее заглушить в душе, вновь непрошено нахлынувшие на него, неприятные переживания. Фёдор бестолково потоптался в хлеву, вздохнул, погладил корову, обнял за шею и, расчувствовавшийся, вышел на двор.

С другой, противоположной стороны улицы, как-то удивлённо и сиротливо взирал на их подворье амбар, столько лет содержавший хлеб и прочее хозяйство, а теперь в его сумраке осатанело бегали мыши и вольготно гулял сквозняк. Отныне в нём зияла пустота, ибо утром Екатерина увезла в колхоз последнее семенное зерно, оставив семье на прокорм всего пудов шесть. И теперь оставалось только надеяться, что к осени все слившиеся в общую колхозную землю единоличные наделы должны уродить богатый урожай...

Со временем, однако, амбар совсем опустел, почти сплошь оброс серой пыльной паутиной, придя таким образом в полное запустение. Ибо хозяева надолго позабыли к нему стёжку, натеренную за многие лета, теперь густо зараставшую травой, ведь там нет ни кормов, ни лишнего хлеба...

Глава 10

Рано утром Екатерина была уже в колхозной конторе, и поначалу с активом правления намечали сроки посевной. А когда наступили тёплые, погожие весенние дни, вспаханная ещё с осени земля сама просилась во власть человеку – в обработку и уход, но отныне она почти вся колхозная, к чему почти все люди относились как к тяжёлой потере того, чем испокон кормились... Но теперь поневоле приходилось приучаться к коллективному существованию.

И вот наступили полевые работы, у Екатерины даже появилось какое-то воодушевление и радость, что на её долю выпало засеять первые колхозные поля и потом собрать с них обильный урожай, чтобы ни у кого не возникало сомнений в преимуществе колхоза над единоличной жизнью. А для этого надлежало теперь хорошо потрудиться, чтобы после не было стыдно перед районным начальством.

Но сделать это было совсем непросто, она не знала, за что ей браться: руководить посевом или заняться животноводством? Вскоре сообразила: чтобы в её еще неумелых действиях выходило меньше беспотковщины, надо обдумывать план работ на новый день с вечера. Иногда что-то полезное ей подсказывал Наметов и на первых порах направлял своей мужской сметкой весь ход полевых работ. Для Екатерины руководство людьми настолько было новым делом, что порой испытывала полную беспомощность и её охватывало жуткое отчаяние. Она всячески приучала себя к умению в разговоре с колхозниками брать верный тон, но это ей не всегда удавалось, поскольку все люди были разные, как и обстоятельства тоже.

С каждым днём она расставляла людей по нарядам с учётом их желания работать там, где успешней всего будут справляться с тем делом, которое им поручала. Лучше всего обстояло дело у доярок, правда и там полагалось следить за своевременной сдачей молока городским поставщикам.

Старшей над доярками назначила свою ближайшую соседку Дарью Тимолину, она и молоко отпращивала вместе с Феней Макаровой. Но вот беда – не хватало фляг, куда сливалось надоенное молоко, тогда пришлось самой выбивать в районе. Некоторые бабы никак не могли понять: зачем отдают молоко бесплатно? Екатерине приходилось разъяснять, что колхоз должен снабжать государство продуктами, а взамен они получают трактора и уборочные машины...

Конечно, немало времени отнимали мужики, пахавшие на лошадях землю, а другие её следом бороновали и преступали к севу яровых. Что там говорить, во многом ещё руководила неумело: вместо того чтобы требовать от мужиков и баб добросовестного исполнения заданий, она больше ходила и упрасивала (а то и уговаривала), чтобы не отлынивали, работали старательно. Всё это говорило о том, что в подходе к людям она не чувствовала в себе начальственной твердости. А тут еще, как назло, прямо на полях ломался инвентарь, чаще плуги. Она обратилась за помощью к Наметову.

– Кузня нужна своя, Пётр Иванович, в район же не повезу плуги на починку.

– Да, я и забыл, сёдни поеду в райсовет, зайду к Снегову, должен помочь.

Пока плотники за несколько дней построили кузню, по разнарядке района из Калуги доставили меха, наковальни и прочий кузнечный инструмент. Однако не всегда охотно ей помогал Наметов, так как собирал с колхозников продналог. Правда, она не просила, хотя Наметов старался не упускать её из виду, но и он, в свой черед, обращался за помощью к Снегову. В тот день секретарь райкома был не в духе и заговорил не столь дружелюбно.

– Пётр Иванович, уж тебе должно быть стыдно не знать сельскую жизнь. Понимаю, колхозное дело новое, но для того дана голова, чтобы мы своим умом доходили до всех корней бытия.

– Да это верно, кузня нам понадобилась. Готов свою-то разобрал и увёз.

– Хорошо, эту проблему решим... А ты найди подходящего человека освоить аграрную науку.

– Подберу, молодёжи хватает, а вы меньше выдергивайте на стройки социализма...

– Ты меня не учи, неужели не знаешь, что партия как решит, так и должны делать.

– Это-то да, спасибо за содействие, теперь управимся сами...

* * *

В кузню поставила Силантия Пантюхова, который ещё в доколхозное время подковывал лошадей на своем дворе, тогда к нему за помощью шли и ехали даже из соседних деревень.

Отдельные пахари беспричинно прерывали работу и долго перекуривали, а то и пили самогон. Когда она их насильно подымала, они не огрызались, не перечили, но как-то лениво приступали к делу. Прохладное отношение мужиков к труду Екатерину подчас доводило до слёз, после чего у неё не было сил возмущаться. Но порой они и вовсе не выходили на наряд, и тогда приходилось ходить от двора к двору и упрасивать выйти на работу, не срамить её перед районом своим разгильдяйством.

Однако Наметов, наблюдавший со стороны её торные стёжки по улицам, вызвал лентяев в сельсовет, ознакомил с уставом колхоза и внушительно прибавил, что их прогулы приравниваются к вредительству. И за срыв весенне-полевых работ может последовать серьёзное наказание...

– Вот что, дорогие граждане: или будете работать в колхозе на совесть, или пойдёте туда, – и при этом Наметов многозначительно кивнул через своё плечо.

Эту угрозу мужики восприняли вполне однозначно, что впредь чикаться с ними никто не собирается, а то и впрямь сошлют туда, где Макар не пас телят.

Но даже и после нахлобучки они всё равно шагали на наряды не шибко быстро и к работе приступали неторопливо.

Когда Екатерине об угрозах Наметова стало известно от самих пахарей, она быстро расставила людей на наряды и пошла в сельсовет:

– Пётр Иванович, зачем вы запугиваете людей? – вопрошала она горячо. — Я же ни на кого вам не жаловалась? А что я слышу? Будто вас я на них натравила?! Какой тогда из меня председатель, ежели работу направлять с помощью угроз? Они же не привыкли к новому укладу жизни! Я и сама никак не приду в себя... Вы понимаете, что с вашей помощью они меня невзлюбят, а я не хочу, чтобы между нами была рознь!

– Екатерина Власовна, не волнуйся, впредь для них это будет поучительный урок. Конечно, я должен был сказать, что сам увидел, как ты ходила к ним домой. А ты не забывай, что придёт время и с нас тоже спросят, да не так, как ты их уговариваешь, а покруче, и по головке не погладят. Учти это, Зябликова, на будущее! Так что ничего страшного, я им объяснил популярно, что мы сообща строим счастливую жизнь, а такие, как они, увиливают. Ведь им всё равно не угодишь, так что народной любви нам пока не дожидаться.

– Согласна, Пётр Иванович, но одним толканием в шею мы мало чего добъёмся, а людям так недолго и обозлиться...

– Смелая ты, Катерина, но смотри, твою откровенность я ещё стерплю, а в районе уж будь сдержанней, эмоции в нашей работе ни к чему...

– Да ладно, чего уж правды бояться, не понимаю? – удивилась она.

– Ты, Катерина, полегче, – многозначительно покачал он перед ней указательным пальцем, недовольно нахмурившись. В его строгом взгляде она прочитала серьёзное предостережение, к которому она должна прислушаться.

Между тем Екатерина на своем опыте уже понимала, что не всегда с выгодой для людей она должна ими управлять, ибо за них она отвечает перед районом. Однажды бабы и мужики

сообща обсуждали свои домашние и колхозные дела, но когда она подошла к ним, их голоса мгновенно стихли. От сознания, что они её боятся, ей стало не по себе, будто она донесёт в район их разговоры. Напрасно они опасаются её, ведь она такая же, как и все колхозники. Как-то Екатерина спросила у Дарьи Тимолиной:

– Чего вы меня сторонитесь, ничего не доверяете?

– Так ведь Пётр Иванович тебя строго нам приказал почитать, вот и видим в тебе начальницу, – с усмешкой ответила та.

Екатерина побледнела, ей нечего было ответить, и она опять пошла в сельсовет.

– Пётр Иванович, зачем вы из меня делаете пугало? – с обидой спросила она. – Колхозники думают, что это я вас прошу, чтобы они слушались меня, а сама ни на что не способна.

– Катерина Власовна, я приучаю их к почитанию начальства... А что же ты, хочешь с ними в одну ногу ходить? Нет, в нашем деле это не полагается, и ты должна это понять. И больше ко мне с такими претензиями не приходи...

И тогда она поняла, что её и впрямь отделяет от людей председательский пост, вот потому они и сторонятся, и свои проблемы обсуждают сами, держась от неё подальше. От сознания своей невольной оторванности от народа ей стало грустно, и пришлось признать, что руководящая работа прибавила хлопот, каких она раньше не знала. И попробуй людям объяснить, что в отношениях с ними совершенно ни в чём не изменилась, она такая же, какой была раньше, разве что теперь загружена больше, чем они, колхозными заботами...

И всё равно люди видели непреодолимую разницу между собой и председателем. Иван Макаров, например, с ответом никогда не задерживался, от него она узнавала настроения остальных односельчан, которые были не столь веселыми. По глазам людей она видела, что они недовольны своей нынешней жизнью, наступившей с образованием колхоза. Теперь они утрачивали в себе чувство хозяина, державшее их раньше в духовном равновесии. С этим утверждением Екатерина про себя вполне соглашалась. Но высказывать им вслух своё истинное отношение к новой жизни она пока воздерживалась, чувствуя, что этим самым может сама настроить людей на мрачные рассуждения, что в новых политических условиях опасно было делать, ибо люди могут разувериться в правильности колхозного движения.

Из конторы Екатерина всё чаще приходила домой совершенно измотанной и уставшей лишь по той единственной причине, что к работе люди относились довольно прохладно, не будучи уверены, за какие шиши они работали, поскольку никто не ведал конечного результата своего труда. Отчасти это было правдой, но она была вынуждена скрывать своё мнение, так как в условиях подневольного колхозного существования своим неуверенным ответом могла обозлить людей. А когда Фёдор принёс с работы газету со статьей Сталина «Головокружение от успехов», она подавно боялась заговорить о ней, чтобы люди не побежали из колхоза. И своим долгом считала вселять в людей веру, что необходимо преодолеть все трудности, и тогда жизнь улучшится, а для этого нужно упорно трудиться, без чего, как известно, само богатство не придёт. Она говорила, что при единоличной жизни они добивались не всего желаемого, а вот сообща можно свернуть горы, хотя сама в душе сомневалась, что коллективная работа приведёт их к неминуемому процветанию. Некоторые словно чувствовали её лицемерие – выслушивали с недоверием или относились к её словам иронично, хотя возражать вслух председателнице люди боялись...

К Фёдору за советом она больше не обращалась, тая в душе на мужа сильную обиду ещё с того раза, когда он оставил жену в беде со всеми ее ожидавшими трудностями. Со временем он осознал, что был неправ, выказав необоснованную, совершенно неуместную ревность. Хотя по неважному настроению жены он сам замечал, как нелегко ей, бедной, но поначалу лишь молча сочувствовал; собственно, с первого дня её председательства он ломал голову над тем, как помочь ей в налаживании колхоза.

Вскоре после избрания Екатерины председателем он стал замечать, что к нему изменилось отношение односельчан – он улавливал в их обращении к нему некую почтительность с заискивающим оттенком. А спустя время до него стали доходить слухи: если бы жена не была председателем, его бы давно загнали в колхоз. Это нелепое утверждение выводило его из себя. Но в том, что он не ушёл с узловой станции, не было никакой заслуги его жены, ведь все односельчане знали, что там он работал еще задолго до наступления коллективизации. Конечно, отчасти Фёдор испытывал вину, что не включился в колхозное строительство, но не стал просить жену разъяснить злоязычникам, что работать стрелочником вовсе нелегко, так как малейшая оплошность может привести к крушению поездов. Он опасался спрашивать у жены, знает ли она о том, что говорят о них. Но так как он не любил порочащие его достоинство сплетни, однажды чуть было не стал отговаривать жену бросить должность, а на её место пусть подберут другого человека, и тут же понял, что ей надо самой принимать решение, а ему надо морально поддерживать жену.

– Ничего, ничего, Катя, нельзя отчаиваться, крепись, – он расхаживал по горнице, сворачивал на ходу самокрутку и наставительно рассуждал: – Надо немного потерпеть, бросить легче всего. А потом злые люди скажут – духу не хватило, пустила дело на самотёк, а это не по-советски, опыт и навык приходят в работе...

Екатерина удивленно слушала высказывания мужа и про себя радовалась: «Боже, неужели он меня понял?» А ведь думалось, что Фёдор приревновал ее к председательству. Мол, она баба и вдруг над ним возвысилась, став на селе первым лицом. И то правда: не успела над всеми почувствовать свою власть, как неожиданно начала воспринимать себя по-новому, будто нет тебя прежней и кто-то тебе подсказывает, что и как отныне нужно делать и говорить, и от этого непривычного ощущения тотчас выросла в собственных глазах. Однако скоро с этими представлениями пришлось расстаться: ведь не успела столкнуться с первыми трудностями, как снова пришлось спуститься с небес на землю. Впрочем, с первых дней она сполна ощутила, какой тяжкий груз с её же помощью на неё взвалили, так что одно время казалось, словно её нарочно решили проверить: сможет ли она управлять коллективом? А если впряглась в колхозный воз, значит, сама согласилась. И теперь все от неё ждали перемен к лучшему, как будто только она, и никто другой, должна всех осчастливить. А между тем Фёдор продолжал:

– Там, наверно, думаешь товарищу Сталину легко? При Ильиче война, разруха, а вот выстояли; Сталин призвал народ выйти из отсталости. И когда буржуев потеснили, приступили восстанавливать народное хозяйство. Ещё нэпманы, паразиты, орудуют, норовят свою экономику навязать, а нам такие толкачи не нужны. Нынче всякая сволочь с нами больше не совладеет! Старые порядки извели навсегда...

– Ох, Федя, что ты говоришь, да мне ли выводить людей из отсталости, – слушала, слушала и прервала своего речистого мужа. Уж очень он любил рассуждать отвлечённо, не видя, что происходило кругом. Ей всегда манилось упрекнуть его, что ему на станции намного легче, чем ей. Разве можно переубедить Ивана Макарова. – Попробуй, Федя, скажи ему про сознательность, которую я должна прививать колхознику, так он тебе с плеча про единоличную жизнь и что лучшей жизни он для себя не представляет. Он услышал о статье товарища Сталина и хочет выйти из колхоза, потому что имеет такое право. А вчера напился пьяным и не явился на наряд...

– Макаров был всегда хитрым, а сам дурак! – отрезал Фёдор, не могший до сих пор простить ему Феню. – Никто за ним не пойдёт. Хоть он мужик и работающий, я его всерьёз не принимаю...

– В том-то всё и дело, зачем так орать, меня позорить. Ты был на дежурстве, так он перед нашим подворьем стал выкрикивать: «Долой колхоз и всю коммунию, давай единоличную жизнь!» – шёпотом продолжала она. – А что мне скажут, если в район дойдёт? Но самое страшное, что Макаров такой не один. Я его понимаю, но поддержать не могу.

Фёдор невозмутимо долго раскуривал сигарку, а Екатерине казалось, это он нарочно не отзывался, словно в душе что-то замышлял. Но он собирался с мыслями и потом тихо и осторожно изрек:

– Это понятно, если бы издали указ о добровольном возврате к старой жизни и раздаче людям всего имущества, многие побежали бы из колхоза со всех ног. А с другой стороны, беднякам деваться некуда. Но тогда почему бы побежали остальные? Да всё очень просто: к колхозной жизни людям трудно привыкнуть. Народ всегда мечтал о богатых подворьях, только при единоличной жизни расправили плечи, стали крепнуть – и вдруг власти снова стали людей прижимать. А если бы этого не случилось, мог бы народиться новый имущий класс... Хотя, с другой стороны, единоличная жизнь давала всем одинаковые возможности работать на себя, только не ленись, ведь я это испытал на себе. Зато колхозам государство станет выделять новую технику, сейчас налаживается выпуск, а появятся в большом количестве комбайны, трактора, сенокосилки, большие плуги – колхозы быстро наберут силу, поэтому за ними будущее села...

– Федя, ты меня, пожалуйста, не агитируй, я сама давно состою в наметовской агитации, – перебила она мужа. – Ты бы лучше Макарова подучил, – закончила она, облегченно вздохнув.

– Мне с Иваном доводилось толковать, когда-то он защищал нэпмана-буржуя, а теперь, когда времена изменились, он жалеет, что их вырубил под корень. Вот и намедни мне говорил: «Советская власть хороша, да больно хитрая». «В чём именно?» – спрашиваю я, а он отвечает: «Да очень просто: одной рукой даёт, другой отбирает. Вот ещё вспомните Ивана, что вернётся единоличная жизнь, вернётся!» – Я его слушал, как малое дитя...

– А что, Федя, ежели он окажется прав? – не то обрадовалась, не то ужаснулась она.

– Возвращения уже не произойдёт! Реки вспять не текут, а всё, что мешает их течению, они сами уносят, не то давно бы их не стало, затянуло бы густым илом. Так и наша власть: в обиду не даст, что наметила, то и сделает...

– Жизнь, Федя, не река, зачем её уподоблять реке? Это легко тебе говорить, а попробуй на деле, воплоти задуманное. Думаю, статья Сталина только мешает...

– Цыц! – Фёдор приблизился почти вплотную к жене и заговорил тихо: – Смотри, Нина из-под одеяла выглядывает, притаилась, курносая, и всё глазёнками постреливает — наш разговор ей любопытен.

Екатерина повернулась к кровати дочери, но та мигом захлопнула глаза, притворилась спящей; но было видно, как она медленно-медленно натягивала одеяло на голову. Захотелось Екатерине подойти приласкать дочь, но почему-то этим редко баловала, лишь только больше мысленно и расточала детям ласки. А в последнее время так вообще стала их видеть редко, пропадая в колхозе, и от этого чувствовала себя перед ними в неизбытном долгу. Меньшие дети спали вповалку прямо на полу, жарко дровами натоплена русская печь. Свекровь в охотку расстаралась, а по календарю до начала зимы ещё полмесяца. Заморозок пришел как-то неожиданно, до этого было по-осеннему тепло, правда, в октябре погода периодически менялась: то дождало, то стояло сухо. А за весь сентябрь так и не выстоялось нормальное бабье лето. В это время с лугов свозили накошенное сено, чёрные мохнатые тучи неожиданно затянули небо, а когда начали стоговать, зарядили дожди и хлестали кряду недели три. А потом так же неожиданно распогодилось, но много сена сопрело, и оно осталось на лугах лежать неубранным. Конечно, могли бы успеть поставить стога, да мужики под унылость дождя заливались самогоном... Она же не успевала следить за всеми колхозниками...

В своё время с некоторыми задержками сжали хлеба, обмолотили. Сначала, сколько смогли, сдали государству да на трудодни выдали колхозникам, да на семена оставили. Однако обещанных поставок хлеба государству не выполнили, за что пришлось отчитываться в районе. Осенью больше всего уделяли внимание уборке картошки, но всё равно до заморозка не всю убрали...

Екатерина, полная удивления, не могла понять, почему на личных наделах урожай собирали в два раза больше, чем на объединенных колхозных землях; и вдруг обнаружилось резкое падение урожайности. Конечно, это можно было объяснить и безответственным отношением людей к коллективной работе, и прогулами, и пьянством. Все колхозники трудились по-разному: одни на совесть, другие ленились, а третьи прогуливали, а то и вовсе хлестали самогон. Сколько раз приходилось заставить за этим делом многих мужиков. И уже лишала их трудней, но такое наказание не помогало. А ведь при единоличной жизни работающие мужики сроду не пьянствовали. Конечно, выпивали, но во время жатвы и заготовки кормов все работали. А теперь нахлынуло целое бедствие...

Из разговоров с мужем Екатерина теперь точно знала, что попойки они устраивали от тоски по старой жизни и за выпивками вспоминали, как с утра до вечера работали на своих наделах, тогда как на колхозных полях – спустя рукава. Часто их приходилось уговаривать, подгонять чуть ли не со слезами на глазах. В старое время лентяи и на личной земле оставались лентяями: они не искали способа, как лучше обработать землю, чтобы собирать богатый урожай. Лентяй беспечно бросал зерно в пашню и думал, что оно само созреет и накормит его, а сам лежал и в потолок поплёвывал.

Этой поучительной байкой крестьяне испокон веку приучали своих детей к послушанию и труду. Вот и выросли работающими Макаров и Пантюхов, да и другие мужики старательные. И вдруг Макаров, которого никогда пьяным не видели, стал пить беспросыпно, и ей, председателю, с ним стала одна морока. А он просто не мог смириться с колхозным строем, вступившим в деревню как некий завоеватель со своей бестолковой уравниловкой. А совсем недавно бросил ей в укор:

– То пил я один, а таперяча коллективно, – и даже прибавил с издёвкой: – Тебе, Катерина, чего от меня надо? Твой мужик на железке работает, а ты его лучше к нам направь и увидишь, что с ним станется.

– Меня ты, Ваня, мужем не попрекай, разве колхоз я придумала или ты забыл, как меня сами избирали?

– Да я тебя не виню, ладно... Может, скоро всё пойдёт своим путём, хотя обломали мужика, привыкай теперь к колхозному горюшку.

На этот счёт старики в селе поговаривали, что в старое время их предки знавали помещичью барщину, поэтому нынешний колхоз напоминал отъезжее поле с баринном.

* * *

Так в колхозных заботах для Екатерины быстротечно проскочила весна, затем миновало тёплое лето, и пришла дождливая осень, и вот-вот наступит первая колхозная зима, которая обещала выдаться суровой. И когда неожиданно ударил первый заморозок, возник вопрос: хватит ли скотине корму?

Как только прошли обильные дожди, в колхоз прибыл Снегов и на своей линейке проехался вдоль полей, затем завернул на луга, где инеем заморозка обнесло сгоревшее сено. И потом после объезда колхозных угодий вернулся в правление донельзя сердитый и устроил разгон:

– Это что там у вас на лугах, Мамай прошёл, товарищ Зябликова? Кому сено оставили гнить? – вытаращил он бельмастые глаза над круглыми пунцовыми щеками.

– Да, товарищ секретарь, виновата, сама вижу – сгубила. Думаете, у меня душа не болит? И поверьте, в тот момент никто сложа руки не сидел, все работали. Да кто ведал, что нахлынут дожди, ведь погода долго стояла сухая?!

– И ты ещё рассуждаешь! Да это прямое вредительство, а за него знаешь что бывает, Зябликова! – вскричал Снегов. – Убрать, достоговать, приказываю немедленно! Не то вместе

с Наметовым пойдёте под суд! – иступленно кричал он. – Была б ты не женщина, Зябликова, я бы с тобой не церемонился, ясно? – вытаращил он в гневе свои глазища.

– Ох, что тут неясного, – тяжело вздохнула Екатерина, печально отворачиваясь к окну.

В это время в контору вошёл Наметов и не успел снять шапку, как к нему, услышав чьи-то шаги, повернулся Снегов.

– А, вы пришли, Пётр Иванович, – громко обратился секретарь к только что вошедшему.

Когда Наметов увидел заворачивавшую к правлению секретарскую линейку, он мигом поспешил, предчувствуя недоброе. И теперь, напуганный его окриком, он сел на лавку в углу и тёр крупным кулаком свой большой выпуклый лоб.

– Что, товарищ Снегов? – тот быстро поднял голову на широких, могучих плечах. И вообще был он высок, плотен, в войну служил в кавалерии.

– Вы, старый большевик, у меня спрашиваете? Почему не помогли мобилизовать людей?! Чем вы тут всю осень занимались? Или спокойно глазели, как сено уйдёт под снег? Безобразие, вредительство, вот что вам грозит!

– Товарищ Снегов, колхоз уже существует больше полугода, а где обещанные трактора, косилки? У нас своих косцов мало...

– Говоришь – «мало»? – перебил секретарь. – Когда жили единолично, почему-то без тракторов справлялись? Подчистую всё убирали!? Так вот, заявляю: научитесь убирать без техники! А то что-то быстро, удивительно быстро стали забывать. Или надеетесь на помощь района? Нет, уж пока убирайте своими силами, а мы спросим по всей строгости!

– Раньше люди сами видели, когда и что убирать в первую очередь, а что оставить на потом. Тогда свой инвентарь берегли, а теперь он колхозный, ломается; кузню наладили, а кузнец не успевает...

– Да ты знаешь, что ты себя разоблачаешь, Петр Иванович, как вредитель? Оправдание ищешь саботажникам, которые прикидываются лодырями! А вы жмите, давите, выявляйте вредителей, подкулачников – и к нам!

– Товарищ Снегов, – Наметов побледнел и быстро встал и, как по стойке смирно, выпрямился на больших крепких ногах, а секретарь тотчас уменьшился ростом. – Мы уберем подчистую всё, обещаю...

– Я сказал, чтобы сено до единого стебелька собрали, – перебил тот. – Всё! – Снегов хлопнул картузом по столу и тут же машинально надел на голову, стремительно пошел из конторы, точно здесь ему стало невмоготу дышать. Наметов побежал следом и скоро поравнялся с секретарём, в его движениях было что-то угодливо-трусливое.

Екатерина, хмурая, подавленная и усталая, присела на лавку перед окном, выходящим на улицу. Она видела, как Наметов умерил свой широкий шаг и оказался чуть позади секретаря, шедшего в большой спешке к своей линейке, запряженной парой откормленных рысаков. Снегов на ходу что-то размахивал своими короткими руками и энергично простирали их в сторону лугов. А Наметов, поравнявшись с ним, прикладывал покаянно руку к своей груди, а потом одной указывал себе за спину, где было правление...

Снегов, налетевший как коршун, уехал восвояси.

Но и после того, как с трудом собрали и состоговали влажное сено, отдававшее прелостью, его оставили там же на лугу, ибо на корм скотине оно уже не годилось. Что же касалось работы, Екатерине приходилось вкалывать вместе с односельчанами в поле, на току и даже доить коров. Она хотела личным примером приучать людей к добросовестному труду, да и сама не могла сидеть без дела. Или только бы ходить везде и всеми командовать? Пусть любой это делает, а она с утра со всеми наравне будет работать в поле.

Если бы в дни заготовки сена Екатерина была там, она ни за что бы не допустила бездумной порчи кормов. А ведь на уборке сена старшим назначила Макарова, и с ним было ещё пятеро мужиков, да для стогования дала шесть молодых баб, которым она немного помогла,

но разве везде за всеми доглядеть успеешь? И ведь было же такое, когда приезжало начальство из земотдела или сам Снегов, Екатерину заставляли в согнутом положении то в поле, то веявшую на токе хлеб, и норовили её отчитать – дескать, место председателя в правлении. В главные её обязанности входило руководить людьми, но не торчать же весь день в поле. На это замечание она отвечала вполне спокойно:

– Так может поступать только бездельник, а я не могу вести себя как помещик и разъезжать в телеге по полям.

– Власовна, свои рассуждения выкинь из головы. Какого помещика ты вспомнила, на кого ты намекаешь? – подозрительно спрашивал Снегов.

– Ни на кого я не указываю, вы спросили – я ответила...

– Так-так, вот ты какая? То-то я посмотрю у тебя мужики курят, а ты работаешь; кто с них будет спрашивать, если ты ими не руководишь? И почему ты ждешь, чтобы к тебе наезжало само начальство?

– Извините, Глеб Максимович, мне к вам ездить некогда, работать надо. Наметов бывает, сводки мои вам подаёт, чего ещё?

– Да, он-то аккуратен по этой части, а вот ты?

– А чего я? – тоном обиды и удивления вырвалось у неё, к тому же жёсткий, укоризненный тон Снегова вызывал тревогу. – Если не нравится, как я работаю, снимайте, я не держусь за место председателя.

– Хорошо, Зябликова, уж так и быть, до весны поработаешь, а там найдём замену, – после паузы сказал смягчённо Снегов, – видно, у него шевельнулась к женщине жалость, когда поглядел на её худую фигуру.

Екатерина стала замечать: стоило Снегову какое-то время побыть в селе, как народ значительно прибавлял в работе; и пока он торчал в правлении, даже детишки, и те не бегали по улицам гурьбой, и старики и старухи прятались по своим углам. А иные люди, раньше времени уходившие с нарядов, спешили вернуться обратно. На следующее утро выходили все до единого, даже вдруг занемогшие и те просили работу полегче. Она ведь знала, как некоторые, считавшие себя умней всех, умели ловко притворяться больными. Ей уже надоело быть для всех доброй, и к тем, кто её не уважал, она становилась суровой. Но любителям пофилонить было всё равно, как она к ним относилась. Они больше боялись Наметова, который, словно нарочно, подгадывал на поле, когда бабы, вместо того чтобы полоть, стояли кружком и хохотали, но завидев издали председателя сельсовета, быстро подхватывали тяпки и принимались за прополку. В другой раз, мужики, завидев его, ещё на подходе на ток, бросали курить и уходили молотить хлеб, а бабы, стоявшие под навесом, брали лопаты и бросали зерно на веятельные машины...

Новый установившийся повсеместно сельский уклад невольно заставлял Екатерину думать о брате Егоре, так и не вступившем в колхоз, и о нём от земляков доходили тревожные слухи, что брат живёт как отшельник, чуждающийся коллективного труда. Ещё недавно она и сама непросто принимала коллективизацию, а когда выбрали председателем, Екатерина взвалила на себя ответственность за судьбу колхоза. Но не прошло и года, как встал вопрос о её смещении из-за того, что не справилась со своими обязанностями председателя, а тут и брат попал в немилость к власти...

Глава 11

Егор Мартунин никогда бы не подумал, что его, выходца из бедняков, нарекут «вражьем элементом», не подчиняющимся советской власти. И мало того что никогда не критиковал её устоев и не произносил о ней дурных слов даже шепотом, а, наоборот, всегда считал её своей. Вот и в Гражданскую войну защищал её с оружием в руках. При единоличной жизни, когда продразверстку заменили продналогом, это событие вызвало бурные споры, так как не все двory могли платить непосильный налог, а власти это не учитывали. И Егор говорил односельчанам, что для этого надо повыше засучивать рукава и вкалывать, а не лежать на печке и не ждать, что всё само свалится с неба, как по шучьему велению.

Однако Антип Бедин, тоже всю войну воевавший на стороне красных, такие разговоры не поддерживал и смотрел на своего давнего недруга как на подкулачника, усматривая в его словах намек в свою сторону. И вот подоспел такой момент, когда он вызвал в сельсовет Егора, чтобы окончательно выявить его вражескую сущность:

– Егор, теперь я хорошо понимаю, почему мы с тобой не смогли в детстве подружиться. У тебя уже тогда замечались все наклонности к обладанию безраздельным богатством. Помнишь, как ты завидовал Степану Горчихину? Я тебя тогда спецом подговорил залезть на его голубятню, я хотел раздать голубей мальчикам, но ты настоял их продать. Вот когда наклюнулась твоя рваческая жилка! И нешто ты, всю жизнь мечтавший о богатстве, честно воевал за бедняков? В этом я очень сомневаюсь! Ты знаешь, что я пришёл с войны после тебя, и люди балакали, что ты ушёл с фронта. Да, слухи о тебе доходили, скажу прямо, вредные. Что скажешь, было не так? – он яростно протягивал каждое слово, точно ворочал камни, при этом его серые глаза сверкали лютой ненавистью, и продолжал:

– Давно я мечтаю тебя попотрошить и заглянуть в твоё военное прошлое, как ты воевал. Но я почему-то не верил, а теперь, когда ты оброс кулацким хозяйством с ног до головы... – тут Егор было хотел возразить, но Антип поднял кверху руку и не дал высказаться.

– Да-да, погодь-погодь, оброс кулацким хозяйством, говорю определённо только тебе, а ты под моим руководством сам сделаешь надлежащий вывод, вот тебе и будет по шучьему велению...

– Да ты чего, Антип? – всё больше хмурясь, резко оборвал Егор, бегая лихорадочно-тёмным взором.

– Я тебе не Антип, – вдруг бешено вскричал тот, – а Антип Сергеевич! Вот давай порассудим о твоём хозяйстве, – продолжал Бедин.

– В таком разе я тебе тоже не Егор, а соответственно Егор Власович. Так-то, Антип Сергеевич...

– Нечего мне тут равность устанавливать! – упрекнул сердито тот, глядя исподлобья.

– Дак революция всех уравнила?

– Это кого уравнила, а кого развела по разные стороны. Да от тебя несёт буржуем за версту... Скажи на милость, почему в гражданскую не довоевал до победного конца? И ещё неизвестно, как ты воевал, за кого; а может, как в революцию, с братцем дебоши устраивали да усадьбы помещичьи растаскивали... А потом отгрохали дом, на законном ли основании? И это в то время, когда другие гибли за революцию, а вы нагло пользовались её плодами!..

Под нажимом слов Бедина и под взглядом прищуренных глаз Егор на время растерялся, однако он скоро справился со своими чувствами и заговорил:

– Но знаешь, ежели с такой мерой подходить к нам, то надо вспомнить, что тогда так делали не мы одни, а все. Зачем же было пропадать в огне добру? Это уж каждый на свой хозяйский пригляд смотрел...

И вот когда разговорился, он вдруг уверовал в правоту своих слов, и его взгляд тотчас обрёл непоколебимую твердость: – Я воевал, как умел... А ты лучше ответь: кто из русских хотел идти против своих, русских? Мне от одного вида крови всё нутро выворачивало...

– Враги революции были готовы задушить молодую республику, вот тебе мой сказ! – воскликнул Антип. – Ты мне ответь: кто, по-твоему, проливал кровь? – уставился сурово, и сам же ответил: – Я скажу кто: ты овец сколько порешил? Не считал?

– А че ж ты не даёшь сказать? Овцы мне нужны для дела. Нешто можно равнять человека с овцой! А вот кто стреляет в своего брата-славяна, я не оправдываю, – обронил отрешённо Егор.

– Ага, вот теперь ясно: ты на стороне классовых врагов, они и льют кровь! – вскричал Бедин, вскочив с лавки, и тут же сел. – погоди, овчарню заведём, всех твоих овечек в колхоз, а сам катись ко всем чертям!

– Нешто ты удумал меня голым пустить по миру? – моргал ресницами Егор с таким растерянным видом, что уже трудно было усомниться в недобрых намерениях Бедина. – Почему же ты видишь во мне палача, а в себе не видишь?

– А нам мироеды не нужны. Тогда узнаешь, что я из себя представляю, – ехидно, с издевкой протянул власть предержащий.

– Да я воевал на стороне красных, это все знают во всяком другом исполкоме, а то бы я с тобой не балакал.

– Ах ты, мать твою! По-твоему, мы, красные, кровожадные? Да тебя, голубчик, надо поставить к стенке и в распыл, как прихлебателя контры!

– Да нешто я назвал тебя кровожадным? Это ты здря, я только изрёк, против кого воевал... А нешто красные и белые стреляли понарошку в воздух? Уж кровищи пролито много. Нешто сейчас можно разобраться: кто на кого первый направил пушки?..

– Белые только и нацеливали пушки против молодой республики. Ты это, вражина, не темни! Что же, по-твоему, надо было выжидать, чтобы они нас перебили? Мы тебе сей момент установим истину, кто ты есть! – выгнув яростно шею и снова привставая, проговорил Бедин. И вдруг посмотрел в сторону. Егор перевёл взгляд туда и, к своему изумлению, только сейчас увидел в тени угла сидевшего приезжего из района, который тут же встал, оправил гимнастёрку под ременной португеей с прилаженной к ней кобурой, из которой выглядывала закругленная чёрная рукоять нагана. Сейчас Егору показалось, что незнакомец вошёл словно через стену, и не без испуга рассматривал военного.

– Да, пожалуй, теперь ясно, что он за птица! Вражина, одно ему слово, к тому же хитрый, гад, сразу видно, куда гнёт... – проговорил тот.

– Какой же я вражина и куда гну? – резко, с отчаянием заговорил Егор. – Против советской власти не выступал, а что касаясь теперешнего момента, так я встал на свой путь помощи советской власти и буду ей всегда помогать трудовым потом и мозолями.

– «Свой путь», говоришь? Это какой такой свой? – спросил районный гость, пройдясь перед Егором таким щёголем с начищенными до блеска сапогами. Егор даже успел при этом подумать, на какой парад он так их надраил?

– Поставлять на рынок своё ремесло, – простодушно ответил он.

– Это, надо полагать, поставлять контру? Да ты истый нэповский недобиток! Вот где они окопались! – обернулся районный гость к Бедину, верно указавшему на вражеского элемента, а там, может, тот и заговор вынашивал.

– Перерожденцев и без тебя хватает, Егор, – подтвердил Бедин жёстким тоном.

– Да постойте, товарищи, здесь надобно разобраться. Да какой из меня враг, – после паузы, в лёгкой растерянной оторопи, он улыбнулся. – Если так, я вам отдам всю скотину, мне ничего не нужно. А овец, кажись, разрешено... и в колхоз запишусь, – обещал он запальчивым тоном.

– А чего же ты раньше обманывал советскую власть?

– Дак весной говорили, что хозяйство сдавать и в колхоз записываться по желанию. Я и не торопился, а потом вышла статья товарища Сталина... Вот она при мне. – Егор было хотел вынуть из бокового кармана потертую от долгого ношения газету.

– О ней мы и без тебя знаем. Ты же хотел советской власти помогать, а сам повёл, как затаившийся кулак, – говорил Бедин, пытавшийся выслужиться перед районным начальством и показать сейчас, как он обламывает и разоблачает прижимистых крестьян. Бедин не знал, что тогдашний уполномоченный Снегов, а ныне секретарь райкома, тоже был заинтересован подавать отчётность в область о проведении сплошной коллективизации, дабы как можно больше крестьянских дворов вступили в колхоз и как можно меньше было колеблющихся, и к этому он призывал Бедина.

– А вот на статью ссылаться нехорошо, – тихо и спокойно произнёс человек в португее. – Товарищ Сталин показал пример выдержки, сознательности и призывал к этому вас. А вы повели подло, подрываете доверие товарища Сталина, – продолжал тот нарочито, дабы подействовать на совесть Егора, который уловил в словах его явный обман. Он кивал, поглядывал колючим взглядом на своих притеснителей. И когда Егор заверил, что готов исполнить всё, что услышал, его отпустили домой.

– И что мне, долго ли ещё терпеть его? – спросил Бедин у районного гостя, который и приехал по его просьбе.

– Ничего, найдётся ещё один предлог – увезём, – заверил тот и стал собираться в дорогу...

* * *

Окончания этого разговора Егор, разумеется, не слышал. Ему казалось, что как раз статья Сталина хорошо ему послужила, кажется, от него теперь надолго отстали. Но, правда, недвусмысленно намекнули, что простят за все крамольные высказывания только при условии, если сдаст в колхоз последнюю лошадь с жеребёнком и даже корову. И он скрепя сердце велел жене отвести, кроме овец, всю животину. Сам же он не мог, и пока Настя отводила, Егор пил самогон и плакал. Дочери выглядывали из своей горницы и тревожно смотрели на отца...

Вскоре Егор понял, что без коня ему стало очень трудно, и только через месяц на вырученные от проданных полушубков деньги купил у цыгана коня, дабы наезжать по своим торговым делам в город. Когда Бедин узнал, что Егор не унимается, решил сломить его повышенным налогом...

С Епифаном, как известно, он рассорился по той причине, что ещё во время первой сдачи скотины в колхоз брат его крупно подвёл. Но спустя время одумался, что допустил промашку. Хотя Епифан уже стал забывать обиду. Егор начал лестью снова приближать брата, и он было клюнул, а когда догадался, для чего тот торил к нему новую стёжку, его охватил страх и он снова отдалился от брата. А своей жене строго-настрога запретил появляться на его половине.

– А то я сама не знаю, – огрызнулась Софья и продолжала: – Егора наемни в сельсовет вызывали, чуёт моё сердце, не добром это кончится, – закончила она.

– Это что же, он тебе сам об сём говорил? – Епифан строго взглянул на жену.

– Настя мне шепнула, и больше мне ничего не напоминай.

– А ты и с его жаной, чтоб совсем не зналась. А то семейство братца и сабя, и нас под монастырь подведёт.

– Настя уже всю скотину отвела в колхоз, овец он не отдал.

– Жаден больно братан и упрям как баран. А ты ступай, управляйся.

Софья не ответила, Епифан уехал на свой лесной кордон со смутными предчувствиями, поскольку его сердце всегда карябала скрытность жены, ведь частенько она всё равно норовила поступать по-своему. И во взгляде её таилось что-то настороженное, будто он давно уже не мил

ей и в душе занял место другой. А когда верхом на коне приезжал домой с дежурства, он ставил его в стойло, подзывал сына и хитро выспрашивал, ходила ли мамка к дяде Егору? Но сын растерянно пожимал плечами, Епифану казалось, что жена предупредила сына, и тогда выходил из себя. Но на грубое обхождение отца мальчуган подавно упорно отмалчивался, и потому от него невозможно было добиться слова. Если Софья слышала, как он приставал к нему, она стыдила мужа:

– Чего ребёнка терзаешь, он и так уже тебя боится! Неверующему Фоме одна глупость на уме, совсем стыд потерял...

– Я тебе потеряю, зануда! – и махал зажатым в руке кнутовищем, потом его отбрасывал в угол сеней и уходил к заготовленному на новую избу лесу, стесывать с брёвен кожуру. Епифан долго не мог думать об одном и том же, и тем более, если осаждали тяжёлые думы; он легко освобождался от них и втягивался в свои повседневные домашние дела, а тут как раз приспевала пора строиться...

И через два месяца, отказавшись напрочь от помощи брата, приступил рубить себе новую избу, взяв подсоблять братьев Софьи...

С того времени Егор почувствовал себя в изоляции и от брата, и одновременно от власти. Хотя последняя (в лице Антипа Бедина) досаждала всё больше и больше, так что он стал невольно подозревать, не напевает ли Епифан Антипу о нём вредное?

Словом, над Егором всё заметней сгущались зловещие тучи, которым он придавал мало значения только потому, что безоглядно верил: от него не исходит никакого вреда, какой ему упорно приписывает Бедин. И Егор надеялся, что когда-нибудь эти тучи пройдут, не задев его головы, и тогда для него наступит ясный день...

В селе к Егору относились люди по-разному: из числа середняков, которые его уважали, многие обращались к нему с просьбой сшить им тулуп или полушубок. А те, кто был победнее, смотрели на него, как на совершенно чуждый им элемент. Ведь Егор до сих пор не состоял в колхозе, в то время как им деваться было некуда, жили всегда простенько, о богатстве не мечтали и потому с легкостью приняли колхозный строй. Отец Егора Влас Епифанович тоже был не шибко хозяйственный и оттого в старые времена Мартунины жили бедно. Но то, с какой ретивостью Егор вдруг повел хозяйство, все удивлялись: не с их умом такой размах, каким истинно заразился Егор. У молодого мужика энергии через край, потому у него всё ладится и всего полно, живёт, как истинный кулак. Одним словом, плохо ли, хорошо ли сельяне относились к Егору, а всё равно при встречах всё с ним здоровались. И в то же время от людей стало всё чаще исходить на него то ревниво-завистливое, то боязливо-затаённое отношение к тому, чем он занимался. Однако нужда порой заставляла людей обращаться к нему, чтобы продал им своё изделие из овчины, а если готового не было, просили сшить под необходимый размер. Днём идти к Егору за заказом опасались и тогда подгадывали – в сумерках, да и то с оглядкой, как бы Бедин не подсмотрел...

И что уж тут говорить, коли все без исключения – кто больше, а кто меньше – завидовали Егору, который сумел в такое сложное время наладить своё прибыльное дело. И жил поистине припеваючи, и как тут не могло ходить по селу такое мнение, будто бы Егор купил Бедина, если тот до сих пор не нашёл на него свою управу. Ведь Егор продолжал скупать у людей овечьи шкуры, да не только в своей деревне, а также и в соседних...

И вместе с тем все отлично знали, что Егор никому не чинил явного вреда, если не считать того, что своей неуёмной деятельностью раздражал некоторых односельчан. Это были как раз те, которые отродясь сами ничего не делали и в колхозе работали спустя рукава. Егор таких сам ненавидел, если заглянуть вглубь его души, то можно было бы увидеть, как он неистово мечтал открыть свою валяльню. Собственно, в его планах эта задумка была давно, но осуществить её помешала коллективизация, которая донельзя омрачала всё его существо...

К визитам Бедина Настя относилась настороженно, в чём мужу признавалась откровенно, так как смелые разговоры Егора с председателем сельсовета её раздражали; и часто упрашивала мужа, чтобы перед ним придерживал свою привычку бахвалиться и не был бы безгранично доверчивым, и продолжала к Бедину относиться с затаённой антипатией. А когда тот приходил, словно чувствуя её неприязнь, с какой-то мрачной тоской смотрел на неё и будто говорил: «Зря ты, голубушка, плохо обо мне думаешь». Неужели муж этого не видел и ей было вдвойне обидно, что он своей нарочитой слепотой как бы подвергал её опасности. И Настю очень огорчало, что Егор воспринимал все её предостережения чуть ли не в штыки, окриком, чтобы только молчала и свой нос в его дела не совала.

Сама Настя давно написала отдельно от мужа заявление о вступлении в колхоз. Но когда она интересовалась, примут ли её, Дородов лишь отделивался отговорками, что много работы, пока ещё заявление не рассмотрел, а потом кто-то ей сказал, что председатель даже не предложил его обсудить на правлении, что безмерно Настю огорчало. Неужели и она для них как прокаженная? А Бедин бесцеремонно похаживал к Егору, высматривал, чем тот занимается, хотя в деле ещё его ни разу не заставлял. Правда, нагло у него выспрашивал, чем он шьёт, каким инструментом? Егор показывал ему лишь ручное простейшее приспособление по сшиванию шкур в тех местах, которые швейная машинка не брала...

Выдывал Егор шкуры и шил полушубки и тулупы в основном по ночам, когда всё село спало непробудным сном; а он, плотно закрыв чёрным сукном окна в старой избе, чтобы свет от лампы с улицы был неприметен даже на расстоянии, работал, работал, не зная устали и редко перекуривая, а днём отсыпался. И такие трудовые смены повторялись почти каждую ночь, в то время как вся деревня отдыхала, чтобы поутру с новыми силами взяться за колхозную работу...

* * *

Однажды проездом в район Екатерина завернула в родную деревню, заодно проведать братьев и побыть на могилках отца и матери. Остановилась у Епифана, так как его увидела первого, и от него пошла проведать Егора; он только что приехал из Калуги и встретил сестру уверенным в себе, бодрым дельцом.

– Говорят, председательствуешь, сестрица? – улыбнулся с тем значением, когда дела у самого идут неплохо.

– Ох, председательствую, Егорка! Хотя бы когда в гости заехал?

– Что тяжело вздыхаешь? Или колхоз вконец заездил? Похудела, вижу! А мне по гостям, извиняй, разъезжать крайне некогда, – и развёл в стороны руками. – Вон и Нюта тоже хочет, чтобы я подучил её мужика, а мне некогда кого-то учить уму-разуму.

– Тебя бы на моё место – узнал бы. А чего? Я, баба, тяну, а ты бы горы своротил... А уж об Нюте я молчу, она просто из зависти тебя дёргает...

– Я не такой, чтоб меня зря дергали, я на своём месте, сестра, законном! – протянул, бравируя, Егор с лукавинкой в серых глазах, при этом весь его вид говорил, что он ведаёт о таком секрете жизни, который ему обеспечивает твёрдый доход, и тут же продолжал: – А ей с мужиком только готовое подавай, пусть бы сами осилили эту науку, а тогда бы говорили...

– Не прочное твоё место, как старый мост, по которому боязно ходить, – твёрдо отчеканила Екатерина, но с ворохнувшейся в сердце тревогой за брата. – Незаконное, братка, Нюта этого тоже не понимает, а туда же, – прибавила теплее и сочувственнее.

– Это почему же? – тотчас его веселая бесшабашность сменилась суровой бледностью на мужественном лице. – Ты у нас одна такая грамотная, погонялой стала!

– Ты бы, Егорка, лучше не злился, а прислушивался, я бываю в районе и слышу разговоры... Теперь пришло суровое время, прознают власти, и какую! – бросила она.

– И так уже фабрикантом погоняют... Ну и что, вызывал меня Антип, поговорили... Да, он пугать мастер. На пару с районным товарищем стращали. Однажды с ним бутылочку вот у меня за тем столом распили, и всё ему как есть обсказал. А он, зануда, сам понимает, что придраться не к чему, и всё ссылается на старые директивы, направленные якобы на таких, как я. Только не пойму, чего и ты в моём ремесле находишь вредного? Ведь я не кулак, шью своими руками. А небось тебе брат пожаловался, что его жена наловчилась шитью? Епишка такой же завистник, как и все, кто не способен овладеть ремеслом. О Бедине я уж умолчу – тот первый завистник и нелюдимец, потому что лентяй высшей гильдии, отседова и встал у власти, чтоб портить людям жизни, сучье вымя!

– А ты думаешь, люди не подмечают, как Софья днями от тебя не выходит, а ей самое место – в колхозе. И Епишу я понимаю, ты гляди, чтобы тебе бумагу не прислали о применении наемной силы. А там разбираться не будут, кто она тебе...

– Дак она уже давно у меня не работает. К тому же свой человек! Ты бы жила под боком, и тебя бы позвал...

– Я бы не пришла, своих дел хоть отбавляй. А зря ты говорил, будто тебе завидуют, – подумав, продолжала сестра. – Ты в колхозе не состоишь и на государственной службе не числишься, а значит, тебе одно определение: – мелкий частник! А кому это нынче понравится? Тот же Антип сегодня с тобой выпивал, а завтра при первой возможности продаст...

Егор подобрался, враз нахмурился; лицо, с проступавшей тёмной щетиной, потемнело, подвигал жестко скулами: то холодно взглянет на сестру, то себе под ноги, – значит, истина в её словах была, раз так больно карябнуло по сердцу.

– Хочешь сказать, все налоги платишь? Нынче этого мало...

– Ты попробовала? Легко его уплатить? Во всей деревне такого никто не выплачивает, какой навесили мне, – и потише прибавил: – Верно, на ремесло указа не было, а вышел бы – я бы радовался!

– И не жди, не будет! Не понимаю, Егорка, чего ты добиваешься своим упрямством? В городе нэповцы затихли, попрятались, а ты никак не уймёшься. По нынешнему времени надо сидеть, как мышь. Или иди со всеми в одной упряжке.

– Дак нешто ты думаешь, я сам не хочу? Изволь знать, сестрица: не берут. Писал заявление, не приняли, и жену тоже! – расширил он в гневе глаза. — У вашем колхозе нешто все выходят на наряды? Вот и у нас есть такие: ни в колхозе, ни у себя дома, пить стали, как чумные. Но что же это власти делают с людьми? Я пока пользу приношу, а коли ремесло отымут, тогда мне нечего будет делать и токмо останется пить самогон. И за что меня так не любят? – с застарелой болью произнёс Егор. Потом в отчаянии вскинул тёмно-русую голову на сестру. – Небось и ты читала статью товарища Сталина о перегибах? Вот я возьми и про неё упомяни Антипке, так он ажник свои бельмы опустил – знамо, учуял свою вину... – Но товарищ Сталин не знает о твоих перегибах? – стояла на своём Екатерина. – Народ зря ничего не подмечает, ты и есть мелкий частник-фабрикант!

– Эта песня безнадежно устарела, будет долдонить. Где у меня работники? – закричал в гневе и ярости он.

– Ох, братка-братка, тебя не переспорить, – она опустила в печали голову, задумалась о своём.

– А твой Федька где работает? Поперва на себя посмотри, праведница, – неожиданно свирепо выкрикнул Егор, вытаращив глаза.

– Ну, на станции, – устало ответила Екатерина. – Думаешь, меня это радует? Тоже не хуже тебя тычут пальчиком...

– А пошто в колхоз не идёт? Заставь! Знаю – не сможешь! Вон и Нюта с мужиком мечтает в город удрать. Помнишь, мать отправляла её в город, тогда не захотела, а теперь горюет...

– Так он же при государственном деле, как ты этого не поймёшь, Егорка, – в досаде, тихо промолвила сестра и после паузы прибавила: – Что же Нюте в колхозе плохо? Дояркой работает...

– А нешто я не при деле? – спросил, перебивая, брат, не услышав последний слов сестры. – Живу в советском государстве, а не на Луне, – твердил своё Егор. – Чего же, в государстве на всех нету тулупов? Да я не видел ни в одной лавке, чтобы они были в свободной продаже. А у меня в сей момент расхватывают, не успею показать товар...

На это Екатерина не ответила, лишь обречённо махнула рукой – мол, этот разговор вести без толку, однако вскоре опять живо взглянула на брата.

– Я вот если бы председателем не работала, ничего бы в колхозном движении не смыслила. Помню, как была жутко недовольна избранием меня на такой важный пост, а также не нравилось, что землю и скот у всех отобрали, и всех в общее ярмо впрягли, но ничего, привыкла. Новое всегда поперва в диковинку.

– А моё дело разве не новое на деревне, не в диковинку?

– С Елифаном чего не ладите? Значит, его выжил, что ему пришлось избу рубить?

– Дак за его половину я ему заплатил.

Екатерина качнула головой, мол, понятно. Напоследок вспомнила о его жене, спросила:

– А где же Настя, дети?

– В старой избе, и дочки с ней, – ответил тихо он. – Шьёт? – она покачала головой, стала прощаться. – Ну ладно, мне пора ехать в район по делам, а ты, братка, гляди в оба и не серчай на меня...

– Пуганая ворона куста боится, так и вы все... Я ежели что – статью вождя снова покажу... А ты бы, сестрица, чем пугать меня, там в районе нужное словцо замолвила: мол, живёт брат исключительно честно и вредить их общине не собирается. – Ещё бы не хватало, чтобы тебя там узнали? К Нюте заеду, скажу, что ты с огнём играешь...

Однако Егор только махнул рукой и не счёл нужным признаться сестре, что в прошлый раз Бедин подгадал вызвать его в сельсовет как раз в присутствии районного представителя ОГПУ, курировавшего их район...

Глава 12

Фёкла разлюбила Антипа Бедина уже на втором году их совместной жизни. И вовсе не только потому, что был он не хозяйственный мужик, а лишь по той причине, что крайне враждебно относился к односельчанам. Фёкла была неграмотная, но даже и она уяснила сущность его классовой ненависти к людям, заключавшейся в такой примитивной формулировке: если у кого-либо подворье выглядело побогаче его личного, значит, хозяин оного вполне подходил под категорию зажиточника, стремящегося и дальше развивать своё хозяйство. Таким образом, его лютая непримиримость, как известно, распространялась на всех тех, кто так или иначе стремился наживаться, невзирая на то, каким способом они это достигали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.